

Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Государственный историко-художественный
дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина»

ЦАРСКИЕ ОХОТЫ И ПОТЕХИ

*Материалы научно-практической конференции
23–24 ноября 2017*

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(470)»16/17»+639.1
ББК 63.3(2)4+47.1
Ц191

В. Е. Андреев

Директор СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина»
В. Ю. Панкратов

Координация и общая подготовка издания:
С. А. Астаховская,
Е. В. Минкина

Ц191 **Царские охоты и потехи.** Материалы научно-практической конференции 23–24 ноября 2017. – СПб: ООО «Принт-2», 330 стр.

Охота на Руси издавна была не только необходимостью, но и своеобразной забавой, особенно среди знатных людей и царствующих особ. Н. Кутепов в книгах, посвященных истории охоты, неоднократно упоминает о том, что охоты проводились не только ради добычи, но и «к веселости и в забаву Российскому дворянству». Не будем забывать и о том, что при Александре II, в 1858 году в Гатчину была переведена императорская охота.

В предлагаемых вниманию читателей статьях рассматривается широкий круг тем, так или иначе связанных с охотой: это проведение «Высочайших» охот и их виды; обустройство зверинцев и охотничьи трофеи; а также охота, как отдых и увлечение высших слоев общества.

В оформлении обложки использована иллюстрация Н. С. Самокиша к изданию: Кутепов Н. И. Исторический очерк: Т. III. Императорская охота на Руси, конец XVII и XVIII век. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902.

ISBN 978-5-9631-0620-4

УДК 94(470)»16/17»+639.1
ББК 63.3(2)4+47.1

ISBN 978-5-9631-0620-4

© СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина», 2017

ОХОТА В ДЕКОРАТИВНОМ УБРАНСТВЕ МРАМОРНОГО ДВОРЦА И В ЖИЗНИ ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ

Охота – одно из самых первых и древних занятий человека. Для наших далеких предков она была необходимостью, так как обеспечивала их мясом для еды, мехом и кожей для изготовления одежды, кости убитых животных служили материалом для наконечников стрел и копий. С развитием цивилизации совершенствовались способы охоты, изменялась ее роль. «Последнюю ступень охоты, на которой ее развитие окончательно завершилось, мы встречаем уже у цивилизованных народов... [Здесь имеется в виду Античность – прим. А. В.]. На этой ступени охота делается искусством и зачастую привилегией высших классов общества: причем здесь охота – не случайная забава, выполняемая, как кому вздумается, но именно искусство, подчиненное известным правилам, извлеченным из опыта»¹.

Коль скоро охота становится искусством, то естественно, что этому занятию нужны «покровители». В греческой мифологии богиней лесов, рек, диких животных и охотников считалась богиня Артемида. В римском пантеоне она называлась Дианой.

Целью данной статьи является попытка проследить, как и почему тема охоты нашла свое отражение в декоративном убранстве Мраморного дворца и какова ее роль в жизни рода Константиновичей.

Мраморный дворец создавался итальянским архитектором Антонио Ринальди в 1768–1785 годах по желанию императрицы

¹ Русская охота: Исторический очерк Н. Кутепова. М.: Белый город, 2007. С. 7.

Екатерины II для ее фаворита графа Г. Орлова. Во второй половине XVIII века в Европе меняется архитектурный стиль – на смену барокко и рококо приходит классицизм. Это необходимо было учитывать итальянскому зодчему. Дворец построен в стиле раннего классицизма, когда начинается период увлечения древнеримской скульптурой, которая провозглашается образцом и эталоном для подражания. Эстетика того времени не только в Европе, но и в России требовала особой утонченности, игры воображения. В изобразительном искусстве символическое мышление находит свое выражение в аллегориях – иносказаниях, когда подразумевают выражение какого-либо понятия посредством определенного образа. «Аллегория... есть род разговора, который должен быть многим общий и вразумительный, и утверждается на принятом единожды употреблении»². Строящийся Мраморный дворец, по замыслу Ринальди, был насыщен аллегорическими композициями не только в парадных интерьерах, но и в убранстве Мраморной лестницы, которая отождествляется с «рекой времени»: «... по леснице до средняго этажа в четырех нишах статуи из белаго мрамора, из них представляют первая *утро*, вторая *день*, третья *вечер*, а четвертая *ночь*»³. Причем это было сделано не только для перечисления временных отрезков суток, метафорически они

² Де Презель Лакомб. Иконологический лексикон. Перевод с французского И. Акимова. СПб., 1786. Предупреждение, с. 2. [Данный раздел не содержит нумерации страниц. Пронумерован мной. При цитировании данного источника здесь и далее сохранена орфография оригинала – В. А.].

³ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 72. «Описание Мраморнаго дома покоям в их уборах и вещам, так же и службам с приложением планов, поднесённое от Полковника Буксгевдена 1785 года». Полностью Описание Мраморнаго дворца 1785 г. опубликовано в кн.: Трубинов Ю. В. Архитекторы Мраморнаго дворца. Мистификации и реальность. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2013. С. 254–335.

отождествлялись с сезонами года. Выше, на площадке между вторым и третьим этажами, размещались скульптуры весеннего и осеннего равноденствия, которые в широком смысле ассоциировались с развитием жизни – ее зарождением, расцветом и смертью. Такая расстановка фигур указывает, что помимо чисто декоративной роли они играли еще и аллегорическую. Вечер представлен скульптурой Дианы. Книга «Эмблемы и символы» даёт следующее пояснение: «Диана. Богиня охоты и лесов, представляется в легком белом охотничьем опоясанном платье, с завязанными власами, с полумесяцем на главе, с луком, колчаном и стрелами... Вечер изображается в виде Дианы, едущей в леса на звериную ловлю»⁴.

Мраморная скульптура, изображающая Вечер, была выполнена Ф. И. Шубиным. Опытный мастер смог даже в камне передать движение охотницы, на короткое время остановившейся то ли чтобы полюбоваться окружающей природой, то ли высматривающей жертву. Левою рукою она придерживает лук, опущенный к земле, правой, согнутой в локте, приподнимает край своей длинной одежды. За ее плечами виднеется колчан со стрелами. Помимо этих двух символов, сопровождающих богиню охоты, Шубин по традиции изобразил еще и третий неизменный ее атрибут – месяц в волосах, так как со временем Диану стали воспринимать как богиню луны. Иконологическая традиция предусматривала возможность изображения рядом с богиней охоты животных – это могли быть олень или косуля, вепрь или собака. Однако в данном случае вследствие ограниченности пространства (скульптура помещена в нишу Парадной лестницы) этого не произошло, а лес представлен в виде небольшого ствола дерева или толстой ветки кустарника,

⁴ Эмблемы и символы, изданные в 1811 г. статским советником Нестором Максимовичем-Амбодиком. М.: Интрада, 1995. С. 39, 45.

расположенного за ее спиной. Язык аллегорий, который во второй половине XVIII века был понятен любому образованному человеку, в последующие годы вышел из употребления и был забыт. Поэтому ничего удивительного нет в том, что сейчас возникает естественный вопрос: «Почему Вечер благоприятствует охоте?» Частично ответ на него содержится в книге Лакомба: «Вечер представляется в образе Дианы, едущей в своей колеснице в леса на охоту, ибо *Вечер весьма способен к сему упражнению* [курсив мой. – В. А.]... Диана ... часто изображается с полумесяцем на голове, потому что она почиталась на небе Луною. С этими признаками представляют ее и наших времен художники, изображая ее в легком и поспешном виде, пристойном такой богине, коея охота главное было упражнение»⁵. Екатерининский век – это время просвещенного абсолютизма. Дворцы – это уже не средневековые замки-крепости, в которых живут сеньоры, а низведенный на землю Олимп. Сцены из Античности, жизнь богов и героев – постоянная тема аллегорий. В том же Предупреждении Лакомб замечает: «Не довольно того, чтоб аллегория была только употребительна; надлежит ей быть и полезной: ибо поелику Историю изъяснять можно простыми и приличными ей предметами...»⁶.

Парадная лестница Мраморного дворца по замыслу Ринальди должна была служить своеобразным «прологом» для дальнейшего аллегорического повествования о его владельце, но уже в парадных залах. Следующее изображение Дианы встречается в Мраморном зале дворца на живописном плафоне С. Торелли «Свадьба Купидона и Психеи». Подробное описание плафона с расшифровкой аллегорий содержится в статье

⁵ Де Презель Лакомб. Указ. соч. С. 99, 100.

⁶ Там же. Предупреждение. С. III.

М. Г. Колотова и Ю. В. Трубинова⁷. Богиня охоты изображена художником в северной части овала в виде молодой красивой девушки с дротиком в правой руке. У Торелли Диана представлена обнаженной, возлежащей на облаке на фоне колесницы, которой она обычно пользовалась, выезжая на охоту. Ее волосы слегка распущены и не имеют украшения в виде серпа луны. В отличие от Шубина, живописец не был столь ограничен пространством, поэтому справа от богини мы видим животных – благородного оленя с ветвистыми рогами и трепетную лань. Изображение оленя рядом с Дианой иногда объяснялось мифом, одним из героев которого был молодой охотник Актеон. Юноша случайно во время охоты забрел на лесное озеро, в котором купалась обнаженная богиня и ее нимфы. Простой смертный не мог оторвать взгляда от божественной наготы, за что поплатился своей жизнью: он был превращен в оленя, которого загрызли его же собственные собаки. Однако иконологический лексикон дает еще одну трактовку этого символа: «Олень есть знаменование долгой жизни»⁸. Учитывая взаимоотношения императрицы и ее подданного, контекст сюжета данного плафона можно скорее прочесть во втором значении. Такое прочтение возможно с учетом трактовки другого сюжета, занимающего одно из центральных мест в композиции плафона Мраморного зала – обнимающие друг друга Купидон и Психея, что согласно иконологии XVIII века трактовалось как соединение души и тела. Вспоминается и сам миф о Психее и ее возлюбленном. «Апулей сочинил поэтическую сказку о страданиях человеческой души, жаждущей слиться с

⁷ Колотов М. Г., Трубинов Ю. В. Блистательный мастер и усердный исполнитель. Работы Стефано Торелли и Иосифа Криста в Мраморном дворце // Последний из могикан. Наследие Марка Колотова. СПб., 2016. С. 217–244.

⁸ Де Презель Лакомб. Указ. соч. С. 212.

любовью. Именно о том же хотела поведать своему фавориту Екатерина, нарушавшая некогда данное слово выйти за него замуж. Сюжет плафона вселяет надежду на их будущее воссоединение в этом или ином мире»⁹. Учитывая все изложенное, можно утверждать, что изображением оленя у ног Дианы императрица желала графу Орлову долгих лет жизни.

В Мраморном зале первоначально находилось еще одно произведение с изображением богини-охотницы. Это барельеф «Диана и Эндимион», высеченный из белого греческого мрамора, – совместная работа Федота Шубина и итальянца Антонио Вали, установленный над камином на восточной стене. Размещение барельефа по соседству с живописным плафоном было выбрано не случайно. Мы вновь сталкиваемся с аллегорическим повествованием, где действующие лица выполняют роль символов, прочтение которых у современников Екатерины II не вызывало затруднений. А спустя почти 250 лет приводит по крайней мере к разночтениям. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к содержанию мифа. Однажды, пролетая над землей на своей колеснице, Диана увидела спящего пастуха Эндимиона. Его красота пленила ее сердце. Богиня остановила колесницу, сошла на землю и, наклонившись к спящему, поцеловала его. От прикосновения Эндимион начал просыпаться, тогда Диана, не желая быть узнанной, побежала от него прочь. Увидев уплывающую Луну, юноша подумал, что это всего лишь сон. Желая вновь испытать сладостное чувство, он закрыл глаза, надеясь, что сон повторится. Каждую ночь он приходил на это место, и каждый раз, проезжая мимо спящего юноши, богиня награждала его

⁹ Матвеев Б. М. Образы Петербурга. Мистика и реальность. М.: Центрполиграф, 2009. С. 36. Апулей – древнеримский писатель и поэт, философ, автор знаменитого романа «Метаморфозы» («Золотой осёл»).

своим поцелуем. Не желая делить его с кем бы то ни было, она решила погрузить Эндимиона в вечный сон и перенесла спящего на гору Латмус, где спрятала в своей священной пещере, чтобы каждую ночь приходиться к нему и целовать в холодные, но вечно молодые губы.

Искусствовед А. Е. Ухналев, рассматривая данную аллегория, отмечает: «В рельефе Екатерина предстает Дианой... влюбленной в Эндимиона. Богиня и пастух, императрица и подданный – вот ассоциация, которую мог породить рельеф. Героям истории так же невозможно соединиться, как и героям мифа»¹⁰.

Значительно подробнее останавливается на расшифровке этой аллегии историк Б. М. Матвеев. Он считает, что современники прекрасно понимали тонкий, завуалированный намек на изменения во взаимоотношениях между императрицей и ее фаворитом. Стремясь оградить графа Г. Орлова от завистников и врагов, а также с целью утихомирить его буйный характер, государыня отдала его от себя, отправив в отставку. Для того чтобы получать наслаждения, Эндимион, пусть и не по своей воле, теряет свободу, всецело отдавая свою судьбу в руки богини. «Но и «герою, подобному римлянам», ради высокого союза следует чем-то поступиться – по крайней мере, своим честолюбием. В этой нравоучительной идиллии лишь образ прекрасной девственницы мог показаться чрезмерно приукрашенным, но грубая лесть, поднесенная в романтических полутонах, была скорей приятна, чем раздражительна»¹¹.

К середине XIX века мода на архитектурные стили просвещенного абсолютизма Екатерины II окончательно ушла в

¹⁰ Ухналев А. Е. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Век восемнадцатый. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2002. С. 79.

¹¹ Матвеев Б. М. Указ. соч. с. 34.

прошлое, у Мраморного дворца появился новый владелец – великий князь Константин Николаевич, для которого архитектор А. П. Брюллов и перестраивает интерьеры. Эти работы были нацелены на максимальное благоустройство здания применительно к новой эпохе и новым вкусам. В результате большое количество аллегорий, над которыми трудились скульпторы и художники екатерининского времени, перестали быть актуальными и прекратили свое существование. Так, в результате брюлловской реконструкции барельеф «Диана и Эндимион» был демонтирован. Его история подробно изложена в упомянутой книге А. Е. Ухналева. С 1953 года он находится на постоянном хранении в Государственном Русском музее.

Когда в 2015 году Русский музей приступил к реконструкции северной части Парадной столовой, интерьер которой был создан А. П. Брюлловым на месте Орловского зала и просуществовал до 1937 года – времени приспособления залов дворца для размещения в нем экспозиции музея В. И. Ленина, то в арках, соединяющих ее с южной частью, были обнаружены сохранившиеся гипсовые фигурки охотников, кабанов, оленей, птиц, охотничьих собак. Дореволюционные фотографии Парадной столовой свидетельствуют, что такие фигурки в виде горельефов украшали ее стены. По образцам, найденным в арках, были отлиты копии, и восстановленный интерьер с лета 2016 года открыт для посетителей.

Естественно, что лишь по оформлению этого интерьера нельзя говорить о пристрастии великого князя Константина Николаевича к охоте. Возможно, это дань моде, придворному этикету, который предписывал обязательное участие в императорской охоте особам высокого происхождения.

А вот старший брат великого князя император Александр II был большим любителем охоты. Что же касается самого

Константина Николаевича, то материалов на эту тему находится немного. По просьбе императора Александра III Н. И. Кутепов создал объемный труд «Великокняжеская и царская охота на Руси». В нем, в частности, упоминается имя великого князя: «...при императорской охоте содержались собаки великого князя Константина Николаевича: в 1842 году – 2: легавая и водолаз, и в 1848 году – 8: 2 борзых, 5 легавых и один щенок шотландской породы... Деньги на содержание всех этих собак отпускались из собственных средств членов императорской фамилии»¹². Из данного отрывка видно, что собачья «свора» у Константина Николаевича была, хотя и небольшая. В самих дневниках великого князя упоминается его участие в охотах.

«14 ноября ... С 10 до 3 ½ были на охоте, которая была весьма удачная и веселая, с разными смешными incidents. Убили 10 кабанов, 12 северных оленей и несколько коз. Я убил одного кабана отлично и закончил его потом своим кинжалом, но вообще дурно стрелял»¹³.

«9 декабря. Весь день на охоте в Лисине у Лярского. В 9 часов отправились по чугунке в Павловск и в санях через Федоровское направо в Лисино. Я ехал с Сашей. В числе гостей был французский посол Монтебелло... В облаве было три лося. Мы стояли 3 часа, и лоси не выходили и не показывались. Это было порядочно скучно, но воздух был чудный, и было очень приятно»¹⁴.

Упомянутое место охоты – Лисино, иначе говоря Лисинская лесная дача, расположенная неподалеку от Тосно, с 1846 года

¹² Русская охота: Исторический очерк Н. Кутепова. М.: Белый город, 2007. С. 378.

¹³ Имеется в виду издание: 1857–1861 Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994. С. 205. Далее: Дневник Великого Князя Константина Николаевича...

¹⁴ Дневник Великого Князя Константина Николаевича... С. 212.

официально считалась местом царской охоты. По проекту архитектора Н. Л. Бенуа в 1853–1855 годах здесь был построен Охотничий дворец. Сюда любил приезжать на охоту император Александр II. В состав его свиты обычно входили великие князья, представители столичной знати и иностранные дипломаты.

Рискнем предположить, что второй сын императора Николая I не очень увлекался охотой, а интересовался ею, отдавая тем самым определенную дань моде. На это, в частности, указывают дневниковые записи самого великого князя Константина:

«27 октября. ... охота. Я на ней не был, потому что до ½ 4-го работал с Краббе, а потом сделал большую прогулку пешком...

27 января 1860. Встали в ½ 8-го, а в 9 поехали за 9 верст на медведя. Охота продолжалась недолго. Паскевич его застрелил. После завтрака поехали на лосей за 23 версты, а я остался дома и писал до обеда, потому что был слишком уставший»¹⁵.

Как видим, великий князь иногда «игнорировал» охоту, предпочитая работу с документами, что, безусловно, делает ему честь, ибо некоторые государственные мужи ради своего любимого развлечения могли отложить на потом государственные дела, будь то доклады министров или иные важные встречи.

Говоря об отношении к охоте представителей Императорской фамилии, можно отметить следующее: «Охота для Романовых в XIX столетии превратилась чуть ли не в фамильное занятие. Охотились практически все члены императорской семьи, императоры в первую очередь, все, кроме Александра I. «Царское дело» не увлекало, может быть, всего нескольких великих князей. Остальные были на высоте»¹⁶. Сегодня это

¹⁵ Дневник Великого Князя Константина Николаевича... С. 201, 229.

¹⁶ Панкратов В. В. Августейший выстрел. Романовы и русская охота. М.: Вече, 2013. С. 138.

«фамильное занятие» изучено еще недостаточно подробно. Пожалуй, самыми серьезными исследованиями в данной области являются книги Н. И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси», изданные в 4 томах в Санкт-Петербурге в 1895, 1898, 1902 и 1911 (переизданные в 2007 году), и современного историка охоты В. В. Панкратова. Дореволюционный историк завершает свои исследования личностью императора Александра II, наш современник, продолжая работу генерала Н. И. Кутепова, завершает свое повествование временем Николая II. В этих исследованиях фактически нет упоминаний о великом князе Константине Николаевиче. И если Кутепов, который работал над книгой по просьбе императора Александра III, мог не упоминать его, так как венценосный племянник не питал симпатии к своему родному дяде, то Панкратов не был связан никакими условностями. Тем не менее в его книге, приуроченной к 400-летию воцарения династии, о Константине Николаевиче практически не сказано ничего. Из великих князей – признанных охотников специальные разделы посвящены Михаилу Николаевичу, Владимиру Александровичу, Николаю Николаевичу (младшему), Михаилу Александровичу, Алексею Александровичу, Сергею Михайловичу. Род Константиновичей «выпадает» из когорты опытных охотников. Однако это не совсем так. Склонность к охоте, как и к другим великосветским развлечениям, питал старший сын великого князя Константина Николаевича великий князь Николай Константинович. Так, Кутепов, рассказывая об охоте императора Александра II вблизи станции Малая Вишера 3 января 1872 года, упоминает имя этого племянника государя. Дальнейшие сведения о его участии в императорских или великокняжеских охотах отсутствуют. Хотя, скорее всего, это связано с тем, что 11 декабря 1874 года император

подписал указ о болезни Николая Константиновича и о назначении над ним опекуна со стороны отца. Фактически это означало отлучение от Императорского дома.

Как охотников необходимо отметить еще двух представителей Константиновской ветви Дома Романовых – внуков великого князя Константина Николаевича Олега и Игоря (сыновья великого князя Константина Константиновича). Они, если уж и не были заядлыми охотниками, то, во всяком случае, были весьма расположены к этому занятию. В своих письмах к родителям братья нередко упоминают охоту, которой главным образом занимались в окрестностях своей усадьбы Осташево Волоколамского уезда Московской губернии. 2 января 1911 года Игорь сообщает отцу: «Мы каждый день пропадем на охоте верхом на здешних лошадях, но до сих пор ничего не убили и даже не видели ни одного зайца, которых тут совсем нет; мы даже решили не охотиться на них, чтобы дать им развестись»¹⁷. Из последующих писем мы узнаем, что в округе много лисиц и волков. Вероятно, именно с этим и связано отсутствие зайцев. Летом 1912 года Игорь в письме к Олегу подробно рассказывает о своей жизни в Осташево, упоминает и об охоте на барсуков. При этом сообщает подробности о том, что собаки Электра и Пиза отлично выполняют свои обязанности. С сожалением юноша констатирует полное отсутствие пернатых: «Уток, дичи совсем нет, только я убил у нас в парке сову и несколько ворон»¹⁸. На первый взгляд, такое откровение кажется по меньшей мере странным – ничего ценного в этих «трофеях»

¹⁷ Князь императорской крови Игорь Константинович (1894–1918). Биография и документы / Составитель Т. А. Любашкова. М.: ООО «Буки Веди», 2014. С. 183.

¹⁸ Князь императорской крови Игорь Константинович (1894–1918)... С. 310.

нет. Единственным «оправданием» может служить непреодолимый охотничий азарт и желание совершить меткий выстрел.

Люди, по-настоящему увлеченные охотой, считают, что для нее необходим особый дар, который дается далеко не каждому: «Охотником нельзя сделаться потому же, почему нельзя сделаться поэтом, живописцем, скульптором... это особый талант, который можно развивать и совершенствовать... Охота – это страсть, и страсть, имеющая такую громадную силу, против которой ничто не может устоять, которую ничто не может потушить»¹⁹.

Среди охотников наиболее почитаема была охота на «хозяина» наших лесов – бурого медведя. Добыча этого зверя рассматривается иностранцами как русская национальная традиция. Но выходить на такого свирепого и опасного хищника может лишь тот, кто обладает смелостью, отвагой, отменной реакцией. Солидные размеры, ум – все это делает медведя грозным противником. Поэтому чем серьезней трофей – тем почетней его иметь! Не лишним будет отметить, что император Александр II любил медвежью охоту и лично добыл около 150 косолапых.

Первая медвежья охота Олега состоялась в конце декабря 1912 года в Вологодской губернии. В письме к отцу юноша сообщает о своих впечатлениях: «Поездка была преинтересная и очень поучительная. В 5 дней мы сделали на лошадях... двести с лишним верст... ночевали в простых избах, видели девственные леса, убили двух медведей (мой очень большой)...»²⁰

¹⁹ Вавилов М. П. Охота в России во всех ее видах. М.: Издательство «Э», 2016. С. 8.

²⁰ Князь императорской крови Олег Константинович (1892–1914). Биография и документы / Составитель Т. А. Любашкова М.: Буки Веди, 2014. С. 179–180.

Воспитатель князей Олега и Игоря Н. Н. Ермолинский полагал, что занятия охотой дают прекрасную возможность сочетать приятное времяпрепровождение с полезным. В своем письме к великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне он указывает на положительный результат от этой поездки: «Князь Олег Константинович вернулся в Петербург 31-го декабря с богатой трофеей в виде громадного девятипудового черного медведя... Пять дней в Вологодской губернии принесли много пользы: Его Высочество, наглотавшись там свежего морозного воздуха, порозовел, спал все время как убитый, и зимнего переутомления как не бывало»¹.

Великий князь Константин Константинович, получив известие об охоте сына Олега на медведя, лаконично замечает: «Поздравляю с первым убитым медведем. Хорошо, что ты встряхнулся и отдохнул... Теперь начинается для тебя последняя и самая тяжелая страдная пора. Желаю тебе благополучно ее осилить»². Истинный охотник не ограничился бы такой короткой фразой. Охоту великий князь рассматривал лишь как средство «мобилизовать» силы для достойного завершения обучения сына в Александровском лицее, который ему предстояло окончить в 1914 году.

Говоря об охоте, нельзя обойти вниманием и еще одного участника, без которого, как правило, она не обходится. Это верный друг и помощник охотника – собака. Примечательно, что в уже знакомом нам письме Олега к отцу от 3–4 января 1913 года встречается еще одно прямое доказательство серьезного увлечения охотой двух младших сыновей. «В Осташеве развелось у Игоря и меня много собак. Им надо строить особое

¹ Князь императорской крови Игорь Константинович... С. 287.

² Князь императорской крови Олег Константинович... С. 112.

помещение. Надеюсь, что ты позволишь построить охотничий домик с рогами и зелеными ставнями – «домик мисий» – для 20 собак и с помещением для Аникеева. У него будут 3 комнаты и кухня, тут же собаки»³.

Забота о своих четвероногих помощниках – естественное дело для охотника. О породах охотничьих собак рода Константиновичей мы узнаем из письма Олега к матери, написанного из Осташево: «С Юрием Ширинским мы вместе ведем собачье дело – у нас отличные английские и ирландские сеттера, которые, благодаря поразительным знаниям Ширинского ... получили первые места на выставках в Петербурге, Москве и Гельсингфорсе»⁴.

Имя князя Ю. А. Ширинского-Шихматова в начале XX века было хорошо знакомо многим охотникам. Он являлся владельцем питомника английских сеттеров «Май» в Петербурге. Его питомцы не раз завоевывали призы на специальных выставках. Упоминание этого признанного специалиста, скорее всего, свидетельствует о серьезной постановке вопроса охотничьего собаководства в Осташеве.

Почему князья императорской крови Олег и Игорь, несмотря на то, что их отец великий князь Константин Константинович, будучи натурой тонкой и возвышенной, сторонился охотничьих забав, все же увлеклись этим занятием? Потому ли, что оно является традиционным для привилегированных слоев общества? Думается, здесь дело в другом.

М. П. Вавилов – автор первой в России энциклопедии охоты, изданной еще в 1873 году, отмечал, что не добыча главная цель охотника, а чувство наслаждения природой, умение видеть ее красоту в различных проявлениях. Олег, так же как и

³ Князь императорской крови Олег Константинович... С. 182.

⁴ Там же. С. 273.

отец, был натурой поэтической, серьезно увлекался литературой. Его рассказ «Ковылин» начинается с описания неудавшейся охоты: «Вчера был замечательный день... Я поехал на охоту в дальние леса. Утро выдалось чудное, ясное, морозное... Приехали мы по зимней дороге в казенное болото, вылезли из саней и пошли к озеру... Направо и налево невообразимое пространство заросло корявым низеньким сосняком... Только у берега в виде исключения тянется узенькая полоска высокого леса... Далеко впереди, с легким шумом протянули белые куропатки... Я прибавил шагу и, взойдя на пригорок, увидел озеро. Все покрытое снегом, оно производит таинственное впечатление своим безлюдьем... Пропутались мы вокруг озера довольно долго, но стрелять не пришлось: куропатки и глухари снимались слишком далеко.

Когда мы вернулись обратно к саням, поднялась погода. Было видно, что из охоты ничего не выйдет»⁵. Как видим, из охоты ничего не вышло, а день все же был замечательный. Потому, что вокруг была чудесная природа, она, а не добыча в данном отрывке становится главным в процессе охоты.

Этот фрагмент интересен тем, что он написан явно на основе личных впечатлений. Вполне возможно, среди произведений, которыми талантливый молодой литератор князь Олег мог бы обогатить отечественную литературу, были бы и охотничьи рассказы. Но, к сожалению, князь Олег трагически погиб: он был смертельно ранен в конце сентября 1914 года на полях сражений Первой мировой войны. По желанию покойного, он был похоронен в его любимом Осташево.

Опытным охотником не стал и князь Игорь Константинович, хотя это занятие очень ему было по душе. Об этом свидетельствует письмо А. Ф. Сукина к нему от 13 февраля 1917 года: «... я осмелюсь, ради Бога не сердитесь на меня за это,

⁵ Князь Олег. Петроград, 1915. С. 191–192.

как бывалый, порекомендовать [выделено мной – А. В.] на предстоящие охоты захватить следующее: 1. На охотника по два ружья, 2. побольше пуль, 3. кроме теплой одежды, взять что-нибудь полегче, и по возможности, цвета белого и, наконец, н<овые> лыжи – все эти вещи необходимы, и достать их у нас невозможно. Вчера получил телеграмму. Егерь сообщает, что найдено два больших медведя, и еще двух ищут... Если Вас интересует работа собак по средним медведям, то прихватите их с собой – вреда не будет»⁶. Письмо датировано 13 февраля 1917 года, остались считанные дни до начала Февральской революции. Может быть, князь Игорь просто не успел стать настоящим охотником, этому помешали роковые для России события. Летом 1918 года он вместе со своими старшими братьями – Иоанном и Константином – погибнет от рук большевиков в Алапаевской шахте.

⁶ Князь Олег... С. 393.

В. Ф. Байрамова
А. Г. Куприянова

«ОХОТНИЧЬЯ СТОЛИЦА» ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В середине XIX века Орловская губерния славилась на всю Россию псовой охотой. Из разных мест съезжались заядлые охотники в село Шаблыкино, что находилось в самой северной части Орловской губернии, совсем рядом с богатыми дичью брянскими лесами. Больше века в этих местах проводились псовые охоты, но только благодаря местному помещику Николаю Васильевичу Киреевскому, бережному хранителю охотничьих традиций, Шаблыкино стали называть «охотничьей столицей».

Знаменитые «киреевские охоты» были известны далеко за пределами Орловской губернии и не раз описаны в произведениях И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. С. Аксакова. Так, например, в цикле охотничьих рассказов Тургенева хозяин поместья Киреевский стал прототипом одного из героев рассказа «Гамлет Щигровского уезда» – богатого помещика и охотника Александра Михайлыча Г***. А Лев Николаевич Толстой, неоднократно бывавший в Шаблыкино, в 1865 году во время работы над романом «Война и мир» приезжал сюда специально, чтобы с натуры описать в романе знаменитую псовую охоту.

Да и хозяин имения, куда съезжались столь именитые гости, был не менее знаменит. Известность свою орловский помещик Николай Васильевич Киреевский приобрел не только благодаря страстному увлечению охотой, но и парку, который он создал в своей усадьбе. Охоте и парку Киреевский посвятил всю свою жизнь.

В XIX веке Шаблыкино было разделено на несколько частей, которые представляли собой отдельные населенные пункты. Самая большая часть села известного владельца называлась его именем: «Шаблыкино, село под названием сельца Киреевского, Никольское тож, с деревнями владения Гвардии Ротмистра Н. В. Киреевского»¹. В селе проживало около двух тысяч человек, имелась даже школа. Помещикам Киреевским кроме села принадлежало еще более 6000 десятин земли. Елизавета Федоровна Киреевская, мать Николая Васильевича, завещала Шаблыкино своему единственному сыну. Он начал службу в 1815 году и поступил из камер-пажей в Кавалергардский полк, а спустя 6 лет, в апреле 1821 года, «... уволен за болезнью от службы ротмистром. Выйдя в отставку, поселился в своем имении, с. Шаблыкине, Карачевского уезда»².

А вот как о Киреевском и его отставке пишет Егор Сергеевич Пракудин-Горский: «Службу свою в молодости Н-й В-ч начал в кавалергардах; но, не чувствуя призвания, должен был ее оставить и из Питера переселиться к себе в деревню. Да и можно было не служить с такими средствами, в особенности страстному охотнику, которого душа и сердце рвались на волю, в привольные родные места. Н-й В-ч до старости сохранил горячую страсть и привязанность к псовой и ружейной охотам. Первая была его страстью в лета молодости, а последняя – под старость. Охотник он в полном смысле страстный, дельный и замечательный опытностью»³.

¹ Ашихмина Е. Н. Историческая топонимика Орловской области. Орел: А. Воробьев, 2014. С. 351.

² Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. По случаю Столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Марии Федоровны полка. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1906. С. 276.

³ Пракудин-Горский Е. С. Поездка в Карачевские болота // http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2066 (Дата обращения: 04.09.2017).

Столь сильное увлечение охотой получило отражение в устройстве усадьбы – господский дом, службы, псарня, все то, что определяло усадебный быт помещика, подчинялось этой страсти.

Спустя несколько лет после выхода в отставку, в 1828 году, Николай Васильевич заложил парк, который впоследствии стал не только ярким образцом усадебного парка эпохи романтизма, но и местом притяжения таких же страстных охотников. Дух слияния с природой, окружающим ландшафтом, азарт и гордость охотника создавали удивительную атмосферу, которая проникала все уголки парка, диктовала выбор места и декоративного убранства усадебного дома и павильонов.

В 1856 году в Санкт-Петербурге небольшим тиражом был выпущен альбом Рудольфа Казимировича Жуковского «Виды парка при селе Шаблыкино Орловской губернии в имении Н. В. Киреевского. Рисунки выполнены с натуры и на камне Р. К. Жуковским». Шестнадцать литографий форматом чуть меньше А1 дают представление о том, как выглядел знаменитый парк орловского помещика. Годом позже, в 1857 году, известный в то время писатель Нил Андреевич Основский в «Журнале садоводства» опубликовал подробное описание усадьбы Киреевского. Спустя двадцать с лишним лет после смерти Н. В. Киреевского в своей книге «Замечательные чудачки и оригиналы» Михаил Иванович Пыляев представил парк в селе Шаблыкино уже как проявление чудачества орловского помещика. Пыляев был в первую очередь журналистом, и насколько соответствуют его описания действительности, было бы не ясно, если бы в начале XX века краевед Александр Константинович Юрасовский не выпустил бы книгу «Былые чудачки в Орловской губернии», где вслед за Пыляевым описывал усадьбу Киреевского как явление крайне занимательное и

чуждаковатое. А. К. Юрасовский был соседом Н. В. Киреевского по имению и видел парк и причуды помещика воочию.

Вот и все немногочисленные письменные и художественные свидетельства очевидцев расцвета одного из удивительных усадебных парков первой половины XIX века. Следующий всплеск внимания к уникальному дворцово-парковому ансамблю случился уже в семидесятых годах XX столетия, но все работы краеведов, историков и архитекторов основывались на уже озвученном историческом материале.

Дворцово-парковый ансамбль, принадлежащий Киреевскому, раскинулся на высоком берегу речки Мог, иногда называемой Мох. Парк занимал площадь пятьдесят две десятины и расположен он был на бывших конопляных полях. Орловская губерния издревле занимала первые места в России по сбору и переработке конопляного сырья, и именно эта отрасль принесла помещикам Киреевским их богатство. «Удивительно, как сильна растительность в Шаблыкинском саду!.. Здесь именно применимо выражение: слышно как трава растет. Конечно главное условие для такой быстрой растительности – земля, находившаяся в продолжении нескольких лет под конопляниками»⁴.

В книге С. И. Федорова, архитектора, всю жизнь проработавшего над восстановлением архитектурного наследия Орловской, Курской и Белгородской областей, – «Эпоха, памятники, люди»⁵ говорится, что на настоящий момент не удастся выявить имя автора архитектурных и парковых построек на территории усадьбы. Архивные поиски продолжаются по

⁴ Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино // Журнал цветоводства, № 7. М., 1857. С. 11.

⁵ Федоров С. И. Эпоха. Памятники. Люди: Автомонография архитектора. Орел: Изд-во Орлов. гос. телерадиовещ. компании, 2001. С. 375.

сей день, но все исследователи сходятся во мнении, что весь ансамбль создавался под личным руководством Николая Васильевича Киреевского, а непосредственными исполнителями задуманного были крепостные умельцы.

Главной доминантой парка был дом помещика, больше напоминающий дворец. Он возвышался над всем парком (перепад высот составлял 15 метров), и с его балконов открывались виды на парк и на близлежащие охотничьи угодья. «Барский дом был громадный. Главный корпус соединялся с каждой стороны длинными галереями с флигелями, отчего строение принимало огромные размеры. Большие залы в доме были в два света»⁶.

Более полное представление о грандиозности постройки дает рисунок Жуковского «Вид из Федосинской беседки на дом» (илл. 1). К сожалению, Рудольф Казимирович на своих литографиях отобразил только внешний облик дворца, чтобы представить внутреннее убранство, необходимо вновь обратиться к Пыляеву: «По прихоти хозяина, все украшения, как внешние, так и внутренние представляли непривычному взгляду довольно странный вид. Начиная с решетки до флюгера на крыше дома, все изображало одни принадлежности охоты. Из окон выглядывали медвежьи головы, в углу притаился пушной зверь, вместо ковров владелец набросал звериные шкуры. На стенах висели картины, изображавшие псовую охоту, вся мебель была из оленьих и лосиных рогов, кабаньих голов, лошадиных ног»⁷. Были ли эти предметы мебели или ковры личными трофеями Николая Васильевича – неизвестно, но во многих воспоминаниях современников Киреевского говорилось, что

⁶ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб.: А. С. Суворин, 1898. С. 265.

⁷ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 266.

Николай Васильевич вел постоянный дневник своей охоты: «Прибавить численность взятой дичи было бы недобросовестно и недостойно настоящего охотника, – пишет частый гость Киреевского, лесничий и писатель Егор Сергеевич Пракудин-Горский, – да и к тому же журнал старого стрелка есть улика налицо. Все число заповелеванной дичи введено в журнал, и итоги каждого дневного поля подведены рукой главного распорядителя»⁸.

Парк, простиравшийся от дворца вниз по пологому склону вплоть до берегов Мога, был уникален не менее, чем дворец, и в первую очередь тем, что его структурной основой являлись водоемы. Наличие на территории несколько бьющих ключей и двух естественных прудов, близость реки позволило создать сложную систему из прудов, водохранилищ, каналов, ручьев, проток, водопадов и фонтанов. Площадь водных пространств составляла более трети от всей территории – почти двадцать два гектара. Самый верхний естественный пруд находился за пределами парка. Вода из него частично питала фонтан у дворца, а частично, собранная в искусственные каналы, попадала в средний пруд. Он также был естественного происхождения, но при создании всего паркового комплекса был расширен. Берега этого пруда были значительно видоизменены, и в результате строительства здесь появилось два искусственных острова. В этот водоем также стекалась вода из ключей и родников, находящихся на территории. Русло реки преграждала плотина, тем самым образуя большое водохранилище, вода из него попадала в пруд-копань, соединенный со средним озером. Уровень воды в прудах был достаточно высок, что позволяло устанавливать на островах и в водоемах фонтаны. Высота струй

⁸ Громов В. А. Охотник былых времен (Н. В. Киреевский) // Альманах «Охотничьи просторы» № 23, 1966. <http://borzoi.org.ua/index.php?itemid=1344> (Дата обращения: 04.09.2017).

некоторых из них, если судить по рисункам Жуковского, превышала человеческий рост, а по свидетельству Н. А. Основского высота струй фонтана «Ананасная планета» достигала 12 аршин, т. е. более восьми с половиной метров.

Такое большое количество воды в разных ее проявлениях – текущая, журчащая, бьющая, со спокойным зеркалом – стало основой композиционного решения парка не случайно. Все рукотворные преобразования в садах эпохи романтизма были направлены в первую очередь на раскрытие эстетики природного материала и создание у зрителей определенных эмоциональных переживаний. И включение воды в композицию, безусловно, справлялось с этой задачей. Спокойная созерцательная гладь воды, радуга в струях фонтанов, манящие в неизведанные дали извилистые берега ручейков – все это создавало так необходимый в романтическом парке особый настрой.

Парковая планировка в основном носила пейзажный характер, и лишь у дворца она имела четко выраженную осевую композицию. У самого дома, на склоне, был устроен партер, «имеющий форму полуэллипса, прилегающего диаметром к дому»⁹. Центром этого партера служил фонтан «Ананасная планета», за ним по оси располагался следующий фонтан – «Леда», а далее, к пристани на водоеме вела прямолинейная аллея «100 сажень, ширина – три»¹⁰, обсаженная стриженным кустарником. Вдоль всей аллеи, с внутренней стороны, были устроены цветники-рабатки, в которых высаживались георгины, розы, левкой и другие «более или менее красивые цветы». У дворца партер обрамляли солитерные посадки каштана и вяза.

Одновременно с искусственными водоемами в парке появлялись и рукотворные горы. «Николаевский холм» и «Еловая

⁹ Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино... С. 8.

¹⁰ Там же. С. 11.

горка» представляли собой насыпные холмы, земля для которых бралась от вновь выкопанных прудов. Начиная с середины XVIII века искусственные горы и насыпные холмы были нередким явлением в парках романтизма. Связано это было в первую очередь с большим интересом к традициям раннехристианских строений, обнаруженных в Англии. Сохраняя символику культовых построек, сады и парки эпохи романтизма буквально были наводнены подобными сооружениями. На вершине этих холмов, как правило, устраивали смотровые площадки.

Кроме прудов и всевозможных водных устройств парк отличало также большое количество павильонов, беседок и газебо.

По свидетельствам современников, Николай Васильевич Киреевский был эстетом и интеллектуалом. Он выписывал огромное количество книг и журналов и, вероятно, был знаком с трудами теоретиков и практиков садово-паркового искусства – А. Т. Болотова, Н. А. Львова, К. Гиршфельда, У. Чемберса. И с большой вероятностью можно предположить, что именно Уильям Чемберс оказал влияние на художественные предпочтения Киреевского. В своих трудах У. Чемберс неоднократно критиковал однообразие и призывал наполнить сад множеством архитектурных форм, выполненных с оригинальным национальным колоритом. Их количество, художественное решение и расположение в парке Киреевского практически «следует рекомендации» архитектора.

Вот как беседки Киреевского описаны у Пыляева: «По главной аллее стояли статуи и памятники. В кущах дерев виднелись храмики с названиями, значение которых было особенно приятно и понятно только одному владельцу. Они были построены во имя дружбы, истины, любви и терпения... Но особенно были великолепны беседки»¹¹.

¹¹ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 268.

Всего в парке Шаблыкино насчитывалось двадцать два павильона, выполненные из разного материала – 5 каменных, 7 деревянных и 10 древесных. Каждый из них имел свое название, которое отражало его стилистические особенности. Каменная «Византийская» беседка представляла собой небольшую постройку, выполненную в готическом стиле. У Жуковского в его художественном альбоме этому павильону посвящены две литографии, показывающие постройку с разных сторон (илл. 2, 3).

Она была расположена на искусственном острове, на одном из прудов. Вид на строение открывался с балконов барского дома. Кроме того, на остров можно было попасть через мост, также выполненный с элементами готики. Позади, на одном из мысов острова, был устроен «Римский фонтан», который окружали пирамидальные тополя. Гости помещика, знакомые с парками Италии, без труда узнавали в этой композиции кипарисовую ротонду виллы д'Эстэ, а может, вспоминали о Тополином острове в парке Эрминонвиля – одного из самых известных парков эпохи романтизма.

Еще один павильон, выполненный в камне, назывался Къеск-Синоп. Павильон был выполнен в турецком стиле, о чем, собственно, и свидетельствовало название. Къеск – это русифицированное турецкое köşk (в значении цветочный павильон), а Синоп – город и одноименный район Северной Турции, имеющий богатую историю. Къеск-Синоп находился на берегу большого пруда, в северо-восточной части парка. У павильона был устроен сход к воде и смотровая площадка, открывающая виды на мавзолей, расположенный на острове Любезного. Отвечая своему названию, павильон Къеск-Синоп был богато украшен цветами (илл. 4, 5).

Остров Любезного и мемориал на острове были посвящены любимому псу Николая Васильевича по кличке Любезный. После кончины пса Киреевский распорядился

захоронить собаку со всеми почестями и возвести в честь памяти о псе мавзолей.

Также еще существовали павильоны-беседки – «Шведовская», «Швейцарская», «Родительская». Интерес представляла беседка, которая так и называлась – беседка с деревом. Находилась она на вершине «Николаевского» холма. Павильон был сооружен прямо под раскидистой кроной старой липы. Еще одна из беседок, выполненная в металле, была выкрашена в цвет кашемировой шали, построена в честь событий Кавказской войны, а именно – битвы русской армии при крепости Ахалцих.

Очень интересна была и внутренняя отделка всех павильонов. Вот как об этом пишет Пыляев, а вслед за ним и Юрасовский: «В одной из беседок в его саду, богато отделанный в виде надгробного мавзолея, внутренность здания была украшена более чем странно: здесь были собраны все враги пернатых. Над самую дверь парила с распростертыми крыльями и разинутым клювом огромная сова. По стенам, окрашенным черным цветом, прибиты головы и крылья филинов, орлов, коршунов, копчиков, ворон, обведенные каймой из мышей, крыс, хорьков, ласточек; все эти хищники прибиты к стене узорами и составляли звезды, треугольники, розетки, словом все украшения, которое умудрилось большое воображение нарисовать крыльями, головами, ногами и корпусами птиц и животных. Также отделан и потолок. В простенках между окнами прибиты головы кошек; под ними укреплены на-крест их лапки в том положении, как на надгробных камнях ставят кости над мертвыми головами... Над каждой надпись, когда и за какое преступление виновная лишена жизни. Например: «Приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя», на другой надписи виднелось «лишена жизни за убийство воробья» и т. д. Но самая любопытная особенность этой беседки

была другая комната; она отделана была в мавританском вкусе, где потолок и стены убраны золотыми арабесками, лучистыми венками и целыми двустигиями из наших поэтов доброго старого времени, и все эти хитросплетения букв, венков делались из мышинных и крысиных хвостов, которые известным путем очищались, сортировались, делались твердыми и покрывались позолотою»¹².

Еще одним очень интересным композиционным центром в парке был грот с устроенным перед ним цветочным амфитеатром (илл. 6).

Вот как его описывает Н. А. Основский: представьте, что попав на «... деревянную террасу, под которой находится каменный обширный грот и вам представится очаровательный вид. Внизу террасы разбит круг, перерезанный на две равные части дорожкой. Оба полукружия состоят из полуциркульных гряд, на которые высаживаются тюльпаны, турнесоли, гиацинты. Дорожка, перерезывающая круг подходит к восьмиугольному бассейну, в середине которого находится фонтан в виде бронзового Купидона... канал находится в 10 шагах. Через канал на трех устоях из дикого камня, поставлен превосходной работы трехгранный чугунный мост с бронзовой отделкой... Все это взятое вместе, то есть мост с бассейном и гряды с цветами, составляет почти правильный круг, обрамленный сплошным, очень крупным лесом»¹³.

Насаждениям у Киреевского уделялось не меньше внимания, чем павильонам. Бывшие сельхозугодия, на которых создавался парк, представляли собой открытую, продуваемую всеми ветрами безлесую местность. И все деревья, которые можно увидеть на рисунках Р. К. Жуковского, были любовно

¹² Пыляев М. И. Указ. соч. С. 226–268.

¹³ Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино... С. 13.

посажены хозяином. В своем письме к Софье Андреевне Лев Николаевич Толстой писал: «Обходил я весь парк. Парк хорош, но деревья молоды, и все-таки парк лучше тех подмосковных, которые ты знаешь»¹⁴.

«Садом заведывал главный садовник (Саксонец). При нем находится человек двадцать пять помощников и учеников; сверх этого числа садовников, к парку прикомандировано сто человек крестьян»¹⁵. По словам Основского, в парке насчитывалось более 100 видов деревьев из 43 родов. Среди хвойных растений были представлены лиственницы, пихты и ели, среди лиственных – каштаны и вязы, о которых уже упоминалось, липы, ясени, пирамидальные и серебристые тополя. В усадьбе существовал небольшой питомник древесно-кустарниковых растений, откуда деревья и кустарники по достижении определенных размеров высаживались в парк.

Особую гордость хозяина составляли, конечно же, цветы. Так, в одном из писем об охоте, адресованном Л. Н. Вакселю, к своему отчету об убитой во время отъезда дичи он прибавлял: «Нынче я был обрадован привозом парижских розанов, все дошли в отличном виде. Хотя вы по этой части и не товарищ мне, за меня порадитесь»¹⁶. Личный кабинет Киреевского с обширной оранжереей, где выращивались различные экзотические растения, разделяла лишь стеклянная стена. Кроме того, были еще оранжереи для георгинов и тропических фруктов. Общее количество растений только в оранжереях достигало двадцати тысяч, растениям же, высаживаемым в саду, счет не велся. В усадьбе также был и фруктовый сад, «...которым охотник до фруктов и ягод может остаться совершенно доволен»¹⁷.

¹⁴ Федоров С. И. Указ. соч. С. 375.

¹⁵ Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино... С. 7.

¹⁶ Громов В. А. Указ. соч.

¹⁷ Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино... С. 7.

В парке Шаблыкино мог остаться довольным не только любитель фруктов и ягод. Для любителей водных прогулок, игр на свежем воздухе и просто любящим кататься на качелях и каруселях – всем в парке предоставлялось занятие по желанию. От пристани, расположенной вблизи дворца, отчаливали гондолы с гребцами, лодки, шлюпки и водные лыжи. Последнее представляло собой маленькие лодочки, которые крепились к ногам. Одев эти лодочки и проверив на прочность крепление, гость получал шест, при помощи которого человек мог буквально передвигаться по воде. Современники вспоминают, что вид у водных лыжников был «ошалелый», но вполне счастливый. За островом с Византийской беседкой открывался просторный луг, где были расположены «летние катальные горы», площадка для игры в кегли и качели «всех возможных конструкций».

Дом и парк были всегда полны гостей. Большие охоты, которые были удивительно популярны в усадьбах по всей России еще в начале века, смогли уцелеть к середине XIX столетия лишь у незначительного числа помещиков, каким без сомнения являлся Н. В. Киреевский. В одном из своих охотничьих рассказов «Неистовый Орланд» Н. А. Основский так описывает гостеприимство хозяина: «... даже в наш положительный и меркантильный век [он] сохранил право называться вполне русским хлебосолом, и дом его истинно был всегда открыт для званых и незваных»¹⁸.

В 1870 году Николай Васильевич скончался, и, за неимением других наследников, имение перешло Сергею Владимировичу Блохину. Новый хозяин имением не занимался, и парк к началу XX века стал терять былую роскошь и потихоньку угасать. В 1917 году во время вооруженных беспорядков сго-

¹⁸ Основский Н. А. Неистовый Орланд // http://ohot-prostory.ru/hosting-file/index.php?option=com_content&task=view&id=2843 (Дата обращения: 04.09.2017).

рел дворец, а в парке местное крестьянство начало несанкционированные вырубki. Внимание к парку стало возвращаться только во второй половине XX столетия. Впервые интерес к парку и парковым постройкам после длительного перерыва проявил главный архитектор города Орла С. И. Федоров в 1973 году. Были проведены натурные исследования состояния парка и павильонов. В планах исследователей и архитекторов стояло превратить эту территорию в санаторную зону. Также было написано несколько научных статей, поднимающих вопрос о проблемах сохранения историко-культурного наследия. По заказу Орловского областного управления культуры были выполнены архитектурные проекты восстановления некоторых павильонов шаблыкинского парка.

В течение двух лет, с 1983 по 1985 год, в парке работала группа специалистов Парколесоустроительной экспедиции под руководством Валентины Александровны Агальцовой. Был выполнен эскизный проект восстановления парка, но, к сожалению, как и многие проекты Агальцовой, этот проект реализован не был.

В 2013 году выпускники Орловского государственного аграрного университета по специальности «ландшафтная архитектура» представили свой проект восстановления усадьбы Киреевского. Фильм о видении студентов был представлен на местном телевидении.

До сегодняшнего дня парк Киреевского не утратил своего романтического характера. Несмотря на запущенность, парковый ландшафт сохранил легкость и изящество в причудливых очертаниях еще читающейся водной системы и выразительных формах рельефа. «Охотничья столица» Орловской губернии пока еще жива, раскрывая особенности русского быта, русской души, с любовью подчинявшей зарубежные нововведения родной природе.

Литература

1. Ашихмина Е. Н. Историческая топонимика Орловской области. Орел: А. Воробьев, 2014. С. 35–354.
  2. Грёнинг Г. Киреевский на небесах. Шаблыкино – замечательный образец паркового искусства начала XIX века в Орловской губернии // Материалы Международного симпозиума «Садово-парковая культура в России» Ганновер, 9–11 мая 2012. С. 18–20.
  3. Громов В. А. Охотник былых времен (Н. В. Киреевский) // Альманах «Охотничьи просторы» № 23, 1966. (http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2937&Itemid=67) (Дата обращения: 04.09.2017).
  4. Лихачев Д. С. Сад и культура России // Альманах «День за днем», 1985. <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=255> (Дата обращения: 04.09.2017).
  5. Основский Н. А. Сад в селе Шаблыкино // Журнал цветоводства, № 7. М., 1857. С. 3–15.
  6. Петрованова О. Н. Парк в селе Шаблыкино. Московский журнал, № 1. 1998. С. 27–33.
  7. Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб.: А. С. Суворин, 1898. С. 224–270.
  8. Соколов Б. М. Романтизм и историзм // <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=195> (Дата обращения: 04.09.2017).
  9. Федоров С. И. Эпоха. Памятники. Люди: Автомонография архитектора. Орел: Изд-во Орлов. гос. телерадиовещ. компании, 2001. С. 371–377.
  10. Gröning G. Die Veränderung der Kulturlandschaft. Waxmann Verlag, 2003. P. 116–119.
- Иллюстрации: Виды Парка при селе Шаблыкино Орловской Губернии в имени Николая Васильевича Киреевского. СПб.: печ. в Лит. М. Бергмана, [1850 ?] // Виды Парка при селе Шаблыкино и Жуковский Рудольф Казимирович (<http://aldusku.livejournal.com/18170.html>) (Дата обращения: 04.09.2017).**

В. М. Белковская

ПАМЯТНИК УДАЧНОГО ВЫСТРЕЛА,
ИЛИ ХРАМ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Дворцовый парк в Гатчине, на протяжении XVIII века именовавшийся Английским садом и служивший для прогулок в период Гатчинских охотничьих сезонов, постоянно привлекает внимание исследователей.

Парковые сооружения Гатчины, существующие более двухсот лет, открывают красоту различных форм архитектуры русского классицизма, но историю их создания порой заменяют легенды.

Гатчина, подаренная императрицей в 1783 году наследнику престола великому князю Павлу Петровичу, впоследствии стала одной из императорских резиденций.

История строительства в бывшей дворянской мызе, по мнению некоторых исследователей, началась только в 1790-х годах, после завершения строительства Павловска, и это связывают с нехваткой денег для реализации архитектурных проектов великокняжеской четы.

Павел Петрович с супругой, владевшие этими двумя имениями, отмечали в 1784 году годовщину замечательного подарка и изъявляли в различной форме признательность императрице.

В ответном письме Екатерина II писала: «Годовщина, празднуемая Вами сегодня, любезные дети и выражения благодарности, которые Вы повторяете по поводу дарения Гатчины, доказывает мне справедливость того, что Вы мне говорите, что это место Вам нравится; этого я и желала, воздух там здоров и воды хороши...»¹

¹ Сборник Русского Исторического общества 1875 г. Т. 15. С. 17.

В Павловском парке в этот же год в излучине реки Славянки по проекту архитектора Чарльза Камерона завершили строительство павильона-ротонды, называемого Храмом Дружбы.

Это парковое сооружение, его совершенные пропорции, декор и название являлись знаком благодарности великокняжеской четы императрице Екатерине II за подаренные им земли.

В Гатчине в дворянском имении князя Григория Орлова к этому времени также было завершено строительство павильона Орла, выражавшего признательность владельца императрице.

Небольшие строения Гатчинского парка неоднократно привлекали внимание художников. В конце XVIII века в акварели «Колонна Орла» С. Щедрин запечатлел один из самых поэтичных уголков парка.

В центре изображения мраморная колонна на четырёхгранном пьедестале, увенчанная фигурой орла. Перспективу уходящей от холма дорожки замыкает построенный на Длинном острове павильон Орла.

Колонна Орла, претерпевшая за два века своего существования несколько реконструкций, является одним из старейших сооружений Дворцового парка.

По мнению некоторых исследователей, колонна Орла, созданная по проекту Антонио Ринальди, была привезена в Гатчину из Царского Села в июле 1770 года. Детали колонны изготовили в мастерских Конторы строения третьего Исаакиевского собора; с гранитным основанием и «со всем принадлежащим к ней мраморным же прибором в три поездки на семидесяти семи лошадях» перевезли в Гатчину и установили на небольшом искусственном холме².

Гатчина с 1765 года была собственностью графа Григория Орлова, а изображение одноглавого орла существовало на ста-

ринном фамильном гербе Иова Осиповича Орлова, за которым в 1651 году состояли поместья. Подаренный императрицей монумент, таким образом, становился своеобразным владельческим знаком на этой земле.

Существует легенда, что колонну установили на месте падения орла. Согласно раннему варианту, записанному в 1810-е годы, его подстрелил Григорий Орлов. Поздний вариант, зафиксированный через сто лет, приписывал удачу Павлу I.

Павильон Орла, или Тампль (франц. Temple – храм) – одно из старейших парковых сооружений, автором которого до настоящего времени предположительно считается В. Бренна. Наиболее раннее упоминание о павильоне относится к 1792 году.

Легенда связывает оба парковых сооружения и говорит, что отсюда Павел I стрелял в летевшего над парком орла. На колоннаде павильона ранее также находилась высеченная из белого мрамора фигура одноглавого орла. Он поддерживал щит с вензелем императора Павла I. Два памятника – колонна и павильон, – увенчанные скульптурным изображением царственной птицы, дополняли друг друга и создавали своеобразный ансамбль.

Государственный музей-заповедник «Гатчина», предоставляя информацию, упоминает легенды и также справедливо предполагает, что оба сооружения составляют единый ансамбль.

«Общая высота колонны составляет 6,4 метра, диаметр ствола – 50 сантиметров. Она композиционно и визуально связана с еще одной постройкой, возведенной в 1790-х годах, – павильоном Орла, который находится на Длинном острове и, по мнению некоторых исследователей, имеет в своей архитектуре признаки масонской символики»³.

³ http://gatchinapalace.ru/park/attractions/column_rla.php (Дата обращения: 27.08.2017).

² Макаров В. К., Петров А. Н. Гатчина. Л.: Искусство, 1974. С. 46.

Последнее замечание намекает на принадлежность Г. Орлова к масонской ложе, следовательно, связывает замысел о создании павильона с личностью князя.

В имении князя Г. Орлова на протяжении нескольких десятилетий постоянно велись строительные работы, которые финансировал сам владелец. Также с момента закладки Каменного дома в Гатчинской мызе Екатерина II внимательно следила за проведением работ и щедро их оплачивала. Императрица регулярно, иногда два раза в год посещала Гатчинское имение Г. Орлова и преподносила многочисленные ценные подарки для убранства интерьеров. Об этом сообщают камер-фурьерские журналы. Заметим, что в Гатчинском дворце находился знаменитый «Охотничий сервиз», заказанный императрицей в 1766 году, через год после начала возведения здания по проекту А. Ринальди.

Расположение Екатерина II к исполнявшему должность генерал-фельдцейхмestера князю не изменилось и после его женитьбы на Е. Н. Зиновьевой.

Григорий Григорьевич Орлов – постоянный участник обедов в Зимнем дворце, малых куртагов в «брильянтовой комнате», представлений в театре Эрмитажа, проходивших в период январских маскарардов 1779 года.

Летом 1779 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что 24 августа императрица «благоволила обрадовать своим посещением Его светлость Князя Григория Григорьевича Орлова, в Гатчинской его мызе, ... и там иметь обеденное кушанье. После же стола изволила забавляться картошною игрою, между тем петы были Италианские кантаты, кои пела сама хозяйка Светлейшая Княгиня с музыкою»⁴. В заключение

⁴ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. С. 69.

посещения императрица пожаловала хозяйке «весьма драгоценные брильянтовые серьги»⁵. Этот визит Екатерины II в Орловскую Гатчину стал последним. В апреле 1780 года в связи с болезнью княгини Екатерины Николаевны супруги уехали за границу. Оттуда княгине уже не суждено было вернуться.

Вероятно, в конце 1779 или в начале 1780 года Г. Орлов успел заказать проект паркового павильона, называя его, как и в Павловске, Храм – Тампль. Павильон задуман как знак признательности и благодарности князя императрице. Заказчик не случайно определил и место нового строения, соединив его в перспективе с колонной Орла – первым памятником – подарком императрицы, обозначившим принадлежность имения.

Автором проекта был собственный архитектор Ея Императорского величества Джакомо Кваренги, только что в 1799 году начавший службу при российском дворе.

Об этом проекте сам Д. Кваренги извещает своего друга Луиджи Марквези в Бергамо в письме от 1 марта 1785 года⁶.

Представляя отчет о занятиях и важных для архитектора работах, выполненных по заказу императрицы, Д. Кваренги также сообщает: «Для разных частных господ я исполнил еще следующие проекты: е. с. г. графу Чернышеву круглая церковь для его деревни; для брата г. графа Безбородко его Casa di campagna; другой для г. Студенцова, другой для г. Львова; церковь для покойного г. Олсуфьева, с разными павильонами для его сада; равно как очень большая галерея для возведения у самой воды Гатчинского озера для покойного князя Орлова. Другие проекты, отчасти исполненные, отчасти имеющие

⁵ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век... С. 70.

⁶ ГМИ СПб. Рукописно-документальный фонд. КП 227874, инв. № IIIA 45 р.

быть исполненными, имеющими малое значение или не имеющие его вовсе, не заслуживают упоминания»⁷.

Архитектор ценил это небольшое парковое сооружение. Остается неизвестным, кто непосредственно осуществлял надзор за строением.

Князь Г. Орлов, отправившийся за границу для лечения супруги, не увидел созданного по проекту Д. Кваренги здания с полукружием из десяти мраморных колонн тосканского ордера. Возможно, павильон окончательно возвели уже при новом владельце Гатчины. Этот факт и объясняет появление легенды, сообщающей, что отсюда Павел I стрелял в летевшего над парком орла.

Храм признательности утратил свой истинный смысл и за два века существования претерпел немало разрушений. Достоинство архитектуры павильона замечательно отмечено в 1927 году при описании парка Гатчины.

В старом Путеводителе по окрестностям Ленинграда так представлена эта часть парка: «За Горбатым мостом в глубине поляны – Темпль (храм), другое название «Павильон Орла»: на полукруглой колоннаде из серого олонецкого мрамора – орел с буквой «П» – Павел; над орлом красивый полукупол, не дающий тени и как бы собирающий солнечные лучи на желтые стены павильона. Отсюда за озером видна узкая просека с белой «Колонной Орла» у ворот Дворцового парка в «Сильвию». Легенда связывает эти два памятника...; однако эти памятники одновременные – «Колонна» поставлена при Орлове, «Павильон» при Павле»⁸.

⁷ Земцов С. М. Материалы для биографии Гваренги // Архитектура СССР, № 3, 1934. С. 65.

⁸ Анцифиров Н., Бируля Б., Конашевич В. и др. Окрестности Ленинграда. Путеводитель. М., Л., 1927. С. 514.

Обращение к документам позволяет уточнить некоторые факты истории. Трагическое стечение обстоятельств не позволило Г. Орлову увидеть «здание благодарности» как «очень большую галерею у озера».

Этот краткий очерк выявил имя знаменитого зодчего, создавшего проект, действительное назначение храма – памятника и отчасти возможное появление легенды.

А. А. Дмитриенко

ПОЧЕМУ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ СМОГЛО РЕШИТЬ ВОПРОС ОБ УПРАВЛЕНИИ ЗВЕРИНЦЕМ В 1917 ГОДУ

В ходе событий конца февраля – начала марта 1917 года в Российской империи перестала существовать монархия. Среди многих других встал вопрос – что делать дальше с дворцовой собственностью, управлявшейся ранее дворцовым управлением, и в частности с гатчинским зверинцем. Никакой общественной организации, объединяющей обывателей Гатчины (так тогда называли горожан), никаких органов самоуправления до 1917 года в городе не было. Следовательно, в Гатчине не было городского бюджета, на баланс которого можно было бы принять содержание Зверинца.

16 марта 1917 года, когда было «солнечно, в тени -2»¹, вышло постановление Временного правительства о том, что «все имущества, капиталы и предприятия удельного ведомства», в том числе Зверинец, «национализируются на нужды государственной обороны» впредь до решения Учредительного собрания. Их охрана возлагалась «по-прежнему на должностных лиц удельного ведомства, коим все правительственные становления, общественные организации и частные лица обязаны оказывать должное содействие»².

Во второй половине марта Временным правительством был принят еще ряд решений, касавшихся Зверинца. Так, 20 марта 1917 года, когда в Гатчине было «немного солнечно, +4»³, в журнале Временного правительства появляется запись:

¹ Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918 / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2012. С. 401.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 36.

³ Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича... С. 401.

«Объявить во всеобщее сведение, что имущества, предприятия и капиталы бывшего министерства двора, перешедшие ныне в собственность государства, состоят под его охраною, в лице назначенного Временным правительством особого комиссара по делам названного министерства, Федора Александровича Головина, от которого только и могут исходить распоряжения, касающиеся упомянутых имуществ, предприятий и капиталов. Ближайшую охрану указанных имуществ, капиталов и предприятий возложить на обязанность и ответственность подлежащих должностных лиц, предписав всем правительственным установлениям, введенным частям, общественным организациям и частным лицам оказывать им законное содействие»⁴. Постановлением Временного правительства от 15 апреля 1917 года земля и имущество бывшего гатчинского дворцового имения перешли в управление Министерства земледелия и комиссара бывшего Министерства двора.

14 апреля 1917 года, во исполнение постановления от 16 марта 1917 года, вышло постановление Временного правительства «О порядке управления бывшими удельными и находившимися в управлении удельного ведомства имуществами, предприятиями и капиталами», которое было опубликовано в газете «Вестник Временного правительства» в № 31/78. Согласно документу Гатчинский дворец и бывшая Императорская охота⁵ попали в подчинение Министерства земледелия⁶. Министром земледелия в это время являлся А. И. Шингарев. Он подчинялся государственному контролеру И. Годневу, так как «все хозяйственные, сметные и финансовые операции по делам бывшего удельного ведомства были

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 81.

⁵ Для сравнения: собственная его императорского величества охота в Крыму была национализирована 26 апреля 1917 г.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 66.

подчинены ведению Государственного контроля на общих основаниях». В составе Министерства земледелия был образован особый отдел для управления бывшей императорской охотой.

16 апреля 1917 года последовал приказ министра земледелия № 16, согласно которому А. И. Шингарев возложил на своего заместителя, товарища министра земледелия А. Г. Хрущева, приведение в жизнь постановления Временного правительства от 14 апреля 1917 года. В том числе «распределить все переходящие в министерство земледелия имущества между отдельными частями министерства и организовать управление ими как в центральных учреждениях, так и на местах»⁷.

10 октября 1917 года был составлен проект передачи недвижимых имуществ бывшего гатчинского дворцового управления, в том числе Зверинца, для надлежащего обсуждения в совещании. Автором его стал уполномоченный комиссара Временного правительства по гатчинскому дворцовому управлению Голубков. Имущества предполагалось передать в ведение сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, других государственных учреждений, а также городскому самоуправлению. Были приложены 3 ведомости с подробными сведениями и планами. С момента постановления правительства о передаче имуществ и ухода из занятых помещений войск должен быть предоставлен 6-месячный срок для выполнения передачи. Однако этот проект правительству не отправили, была отправлена одна ведомость. Среди прочего в ней речь шла о Зверинце, с обязательством его не застраивать и содержать в виде парка⁸.

В течение всего 1917 года, пока решалась судьба гатчинского Зверинца, последний, согласно дневниковым записям великого князя Михаила Александровича, постепенно начал

⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 8. Л. 69.

⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1168. Л. 19, 21.

приходить в упадок. Так, 11 мая 1917 года, записал он, «когда мы возвращались с тока, то видели, как догорал переносной домик, который стоял на ближайшем току уже много лет. Вообще поджогов теперь очень много, и браконьерство страшное идет всюду, – слышали несколько выстрелов»⁹. 19 августа в Зверинце «поймали трех мальчиков Сиротского института 10–12 лет, которые развели огонь под деревьями. Посадив их в мотор, отвезли их в институт и сдали их воспитателю. Затем возвратились в парк и пошли смотреть на горевшие старые березы на Мартьяшкине лугу, где встретили детей в количестве шести человек, которые нам сообщили, что поджогами занимаются главным образом солдаты, и показали нам еще пять елей, сваленных также огнем»¹⁰.

Кроме того, «все эти дни в Зверинце шла пальба по бедным оленям, которых перебили в громадном количестве. Стреляли солдаты разных частей. Пули долетали даже до города. Вчера на них, т. е. на этих охотников, сделали облаву и прекратили, к счастью, эту бойню и хулиганство»¹¹. 2 мая «в караулке в помощь Богданову даны 4 солдата, которые охраняют охоту»¹².

Предотвратить сложившуюся ситуацию попытались с помощью экономических мер. Так, 1 октября, согласно дневниковой записи великого князя Михаила Александровича, в Ремизе «встретили пятерых людей с ружьями и собакой. Теперь кто угодно может охотиться, заплатив за билет 17 р. Дичь почти вся истреблена»¹³.

⁹ Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича... С. 418.

¹⁰ Там же. С. 451–452.

¹¹ Там же. С. 401.

¹² Там же. С. 415.

¹³ Там же. С. 464.

Таким образом, вопрос об управлении Зверинцем в Гатчине и выделении финансов на его содержание в течение 1917 года так и не был решен – шла Первая мировая война и денег в казне не было. Однако причины затруднений уходили также в историю создания самого города Гатчины¹⁴.

Во-первых, города дворцового ведомства, каким являлась Гатчина до февраля 1917 года, стали городами не в результате торгового или промышленного развития, а по воле императоров, которые сделали городами принадлежавшие им дворцовые мызы. Изначально основой городов дворцового ведомства были дворцовые постройки и придворнослужительские слободы. Этим вновь образованным городам не дано было ни узаконенной пропорции земли, ни других оброчных статей. Взамен того их обыватели освобождались от городских повинностей, а деньги шли в дворцовую казну распоряжением дворцового начальства из Министерства императорского двора. Для лучшего обустройства и скорейшего заселения этих городов места под постройки раздавались бесплатно посторонним лицам из императорских собственных земель. Поэтому нужно было вводить имущественные цензовые условия для участия в городском представительстве и платежи в пользу города, на что горожане вряд ли бы согласились.

Кроме того, городские доходы, находившиеся под контролем дворцового ведомства, не могли покрывать другие расходы, кроме содержания полиции, пожарной части, ремонта улиц и освещения. Основой городских доходов был сбор с торговли, он взимался в размере, установленном мнением Сената, утвержденным императором 8 февраля 1865 года. Все же основные городские расходы покрывались за счет дворцовой казны. Судьбу Зверинца придется решать в 1918 году уже представителям советской власти.

¹⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1195. Л. 8об.-10.

ОХОТА В ОРАНИЕНБАУМЕ ПРИ ДВОРЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА (ПО КНИГАМ ДОМОВЫХ КОНТОР КОНЦА 1740-Х – НАЧАЛА 1760-Х ГОДОВ)

Статья является первой и во многом пробной попыткой обобщить информацию, полученную при работе с комплексом приходно-расходных книг Домовых контор великого князя Петра Федоровича – Санкт-Петербургской и Ораниенбаумской¹. Это достаточно специфический источник: сведения об одном предмете (или событии) могут собираться, как пазл, из многих записей в разных делах и документах. Домовые конторы занимались материальным обеспечением «малого» великокняжеского двора в столице и в любимой летней резиденции великого князя – Ораниенбауме. Мир вещей способен многое рассказать о своих владельцах, об их интересах, занятиях, образе жизни и даже круге общения. Здесь речь пойдет об ораниенбаумской придворной охоте – любимейшем развлечении «малого» двора. Ей с азартом предавались как сам великий князь Петр, так и его жена Екатерина (о чем она упомянула в своих записках). Разумеется, придворная охота не могла существовать без соответствующих людей, зверей и прочего антуража.

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61449, 61450, 61451, 61453, 61455, 61457, 61461, 61463, 61464, 61467, 61470, 61472, 61473, 61476, 61480, 61483, 61484, 61485, 61488, 61492, 61494, 61498, 61501, 61503, 61504, 61506, 61508, 61512, 61515, 61517, 61522, 61524, 61526, 61528, 61529, 61531, 61532, 61533, 61534а, 61535, 61536, 61541, 61542, 61544, 61545, 61548, 61549, 61550, 61554, 61556, 61558, 61565, 61569, 61570, 61574, 61575, 61577, 61578, 61581, 61582 и др.

Служители «Собственной охоты», «при охоте Его Императорского Высочества» (принятые наименования) упоминаются в книгах не позднее 1747 года. В первую очередь это Бастиан – обер-ферштер, форштмейстер², в ведении которого находились собаки и другие звери. В Верхнем парке Ораниенбаума у Петра Федоровича был Зверинец («Тиргартен», или «Менажерия»), а рядом – охотничьи дворы. Охот в Ораниенбауме содержалось три: немецкая (егеря), русская (охотники) и французская (пикеры). Все охоты были псовые; при всякой имелись казенные лошади и седла с небольшими (судя по количеству отпускаемой ткани) чепраками или вальтрапами. Первой по времени создания и главной следует признать немецкую охоту (при ней состояли почти все должностные лица); за ней – русская, и как бы в стороне – французская.

Впрочем, для владельца Ораниенбаума все охоты были хороши. Охотничье платье и оружие великого князя занимают видное место в записях приходно-расходных книг. Это и серебро 74-й пробы, которое отпускалось «для насекания ружей Его Высочества», и сами эти ружья, как правило, эксклюзивной работы, рассчитанные на прицельный выстрел (а не грубую залповую пальбу, обычную для кремневых ружей XVIII века), охотничьи кортики и ножи, кортичные портупей – из красного сафьяна или красного сукна, с серебряными пряжками, шитые серебром, выложенные золотыми позументами и т. д. Эфесы и оправа охотничьего оружия зачастую были из серебра либо с позолотой; вообще, подобные вещи и аксессуары не зря относят к произведениям декоративно-прикладного искусства.

Одежда для охоты называлась «охотничьими» и «полевыми» платьями. Петру Федоровичу таких платьев шилось множество, разных цветов и из разных материалов. При

² Förster (нем.) – лесничий.

обыкновенном тогдашнем покрое – комплект из кафтана, камзола и коротких штанов³ – в их отделке присутствуют нехарактерные для гражданского платья кисти со шнурами (золотые, серебряные, гарусные), а костюм могут дополнять кушаки (на поясе), охотничьи сапоги и присущие охотникам головные уборы – картузы с козырьками и отворотами, шапки с меховым околышем. Вот несколько описаний одежд, пополнивших гардероб великого князя в течение 1750-х годов:

Охотничье платье

– Кафтан алого сукна, подкладка зеленой саржи, камзол зеленого бархата с лацканами пунцового бархата, подкладка белой саржи, штаны алого сукна, пуговицы высеребранные, позумент на камзоле серебряный клетчатый с битью⁴ узкий.

Полевое богатое платье

– Кафтан голубого травчатого бархата, подкладка пунцового гладкого бархата, камзол пунцового травчатого бархата, подкладка белого косматого бархата, пуговицы золотые, позумент золотой с битью, кисти и шнуры золотые, кушак пунцовый гродетуровый.

Охотничье платье

– Кафтан алого сукна, подкладка палевой саржи, камзол палевого гродетюра, подкладка белой саржи, пуговицы высеребранные, позумент на кафтане и камзоле серебряный, кисти на кафтане серебряные, кушак палевый саржевый, шапка пунцовая бархатная с позументом в 1 ряд.

³ Платье счислялось «парами». Пара платья – это кафтан и камзол (иногда со штанами, иногда без).

⁴ Бить – битая, плющенная проволока (ей вышивались узоры на позументах).

Полевое богатое платье

– Кафтан светло-голубого сукна, подкладка алого сукна, камзол алого сукна, подкладка белого косматого бархата, штаны алого сукна, пуговицы золотые, позумент на кафтане и камзоле золотой с битью, кисти и шнуры на кафтане золотые.

Обращают на себя внимание бархат разных сортов, утепленные подкладки (сукно под сукном, тот же бархат), а также нагрудные лацканы на камзолах; все это делалось в расчете на холодную, ветреную погоду, которая, случалось, заставляла охотников в «поле».

Важен еще один момент. Коллективная, зрелищная охота, ее обрядовость (правила и обычаи) рано или поздно породили мысль об одинаковости внешнего вида охотников. Такая униформа у владетельных особ не считалась мундиром в настоящем смысле слова. Охоты состояли из служителей (но не солдат); в них отсутствовало понятие «офицер», как в войсках или, в случае Ораниенбаума, в военизированных формированиях – Ораниенбаумском морском флоте (потешном) или Ораниенбаумском стрелковом обществе (гильдии). По той же причине на охотничьих платьях крайне редко упоминаются шитые орденские звезды (к мундирам они прилагались в обязательном порядке).

Как уже отмечено выше, записи приходно-расходных книг дают представление о том, с кем любил проводить свой досуг Петр Федорович. Летом 1751 года для великого князя, его камердинера С. Е. Карновича и парикмахера П. Никодимова⁵ было сшито 3 суконных пары охотничьего платья; серебряный

⁵ Это те самые «лакеи» (лица незначного происхождения), с которыми «безобразничал» (общался на равных) великий князь Петр – фраза, тиражируемая до сих пор и особенно нелепо звучащая в исполнении историков советской школы.

позумент на них употреблен из числа «подаренного от Ее Императорского Высочества» (великой княгини Екатерины):

Великому князю Петру Федоровичу

– Кафтан алого сукна, подкладка лосинного этамина⁶, камзол лосинного сукна с лацканами зеленого бархата, подкладка белого стамеда, штаны лосинного сукна, пуговицы серебряные (48 кафтанных и 48 камзольных), позумент на камзоле серебряный с битью широкий (11 аршин).

– Картуз: верх алого сукна, поля зеленые (с лица бархат, а на отвороте сукно), козырь желтого сукна, позумент на козыре серебряный с битью широкий (½ аршина), позумент по швам серебряный узкий (2 аршина), петли из серебряного шнура, кисть серебряная.

Камердинеру Степану Карновичу

– Кафтан алого сукна, подкладка лосинного этамина, камзол лосинного сукна с лацканами зеленого бархата, подкладка белого стамеда, штаны лосинного сукна, пуговицы серебряные вырезные (48 кафтанных и 48 камзольных), позумент на камзоле серебряный с битью широкий (9 аршин).

– Картуз: верх алого сукна, поля зеленые (с лица бархат, а на отвороте сукно), козырь желтого сукна, позумент на козыре серебряный с битью широкий (½ аршина), позумент по швам серебряный узкий (3 аршина), петли из серебряного шнура, кисть серебряная.

Парикмахеру Петру Никодимову

– Кафтан алого сукна, подкладка лосинного этамина, камзол лосинного сукна с лацканами зеленого бархата, подкладка

⁶ Étamine (фр.) – вид гладкой шерстяной ткани. Лосинный цвет – палевый, светло-желтый.

белого стамеда, штаны лосинного сукна, пуговицы серебряные вырезные (48 кафтаных и 48 камзольных).

– Картуз: верх алого сукна, поля зеленые (с лица бархат, а на отвороте сукно), козырь желтого сукна, петли из серебряного шнура, кисть серебряная.

К платьям было сделано 3 одинаковых конских убора: седло с наметом из черной кожи и тонкой подпругой, паперсти, пахви, пара стремян, красная кожаная уздечка с небольшим мундштуком (удилами) и, наконец, алый суконный чепрак, по борту обложенный серебряным узорчатым позументом в 2 ряда – один широкий, другой узкий.

Уж если благородные господа не почитали для себя зазорным одеваться для «полеванья» в некое подобие мундира, то «нижним» служителям регламентация в прямом и переносном смысле была предписана свыше. Чины ораниенбаумской охоты получали казенное платье каждый год от Домовой конторы. Оно так и называлось «платьем», «парой» или «мундиром» (либо же «мундиром» именовался только кафтан) и подразделялось на: 1) «парадное», или «богатое», и 2) «вседневное», или «простое», «ординарное». Богатство и простота платья определялись наличием/отсутствием позументной расшивки («простой мундир без позумента», «богатый мундир с позументом»). Парадный мундир мог храниться в Казенной и выдавался на руки лишь в случае надобности. Служители рангом помладше богатого платья не имели вовсе.

Изменения в покрой и/или отделку мундиров могли вноситься хоть ежегодно, но для всякой охоты в Ораниенбауме была характерна своя стилистика, которая сохранялась и воспроизводилась из года в год. Егеря носили платье «немецкого манеру», «немецкий мундир» – шляпы (треугольные), кафтаны, камзолы, штаны и епанчи. Последние были не в виде плаща,

а более практичные, с рукавами и застежкой на 2–3 портища пуговиц⁷. У охотников кафтаны кроились «на полевой манер» («полевой охотный мундир») – с кистями, кушаками и охотничьими шапками. Пикеры отличались от егерей тем, что вместо кафтанов могли носить сюртуки; наряду со шляпами у них бытовали картузы. Верхняя одежда при необходимости подбивалась мехом (например, волчьим черевьем). Многие вещи (белье, галстуки, обувь и др.) служители строили от себя, из получаемого жалованья. Основными цветами ораниенбаумских охот были зеленый и алый (он же красный). Оружие, помимо стрелкового: у егерей – кортики на специальных кортичных портупях, у охотников – ножи.

Немецкая и русская охоты

Во главе всего охотничьего дела стоял обер-ферштер (обер-ферстер), в разные годы носивший звания: форштмейстер (форстмейстер), обер-егерь, форштвахтер или форштвервальтер. На первых порах служителей было немного – егеря с их учениками и охотники (10–12 человек). Затем структура охоты начала усложняться. Появились ружейный мастер (биксмахер, или слесарь, равный по статусу егерям); стремянной егерь (он мог выезжать в «поле» вместе с охотниками), а также биксеншпендер (бикшеншпендер) – старший среди егерей. В 1754 году великий князь принял на службу целую группу русских охотников, наварщиков и учеников, в том числе ружейных (слесарских). В 1757 году многие из них перешли на службу в ораниенбаумские (голштинские) войска, и численность охоты вновь упала. Однако сложившийся за эти годы состав почти не менялся до 1761 года:

⁷ Пуговицы в книгах считаются «портищами» (дюжинами). Портище – 12 штук.

– Обер-егерь, биксеншпендер (егерь), стремянной (егерь), егеря и ружейный мастер (биксмахер) немецкой охоты;

– Стремянной охотник, носивший немецкое платье и постепенно заместивший собой стремянного егеря;

– Корытничий охотник, носивший как немецкое, так и полевое платье (поскольку числился при двух охотах сразу);

– Охотники русской охоты, носившие полевое платье;

– Ученики (егерские, валторнистские, ружейные).

Ученическая категория была самой неоднородной. Ученики-валторнисты явно превосходили по статусу обычных егерских учеников, а ружейные ученики, напротив, уступали, приравняваясь больше к охотникам, чем к егерям. То же можно сказать о существовавших совсем недолго наварщиках, носивших немецкое платье. Собственно, и егерские ученики встречались разные. Об этом можно судить по мундирному довольствию, нормы которого соответствовали ступени, которую человек занимал в иерархии придворной охоты (линейка описаний, реконструированных по тексту документов, приведена ниже).

Численность немецкой и русской охот не превышала 30–40 человек; при этом, не считая начальства, егерей бывало 3–5 человек, охотников – примерно столько же (или, как в 1754–1757 годах, около 20 человек). В 1761 году при охотах находились: обер-ферштер, биксеншпендер, 3 егеря, ружейный мастер, 6 егерских учеников, стремянной и корытничий охотники, 6 охотников, 3 ружейных ученика (всего 23 человека).

1750 год

Форштмейстер

– Парадный мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая саржевая, пуговицы вызолоченные.

Позумент золотой с битью (34 ½ аршина на платье, шляпу и портупею). Шляпа и портупея с таким же позументом.

– Вседневный мундир: кафтан и камзол зеленые баракановые⁸, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные.

Егеря

– Парадный мундир: кафтан алый суконный, камзол зеленый суконный, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа с золотым позументом.

– Вседневный мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой широкий (≈ 8 аршин). Шляпа с золотым позументом.

Егерские ученики

– Мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа с золотым позументом.

Охотники

– Парадный мундир: кафтан алый суконный, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На кафтане кисти со шнурами гарусные (1 пара), шлифы⁹ алые гарусные (≈ 16 пар), шлифы боковые (1 пара), шнур гарусный (≈ 22 аршина). Шапка алая суконная, околыш серый мерлушчатый, с золотым узким позументом.

– Вседневный мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Штаны лосинные. Шляпа.

⁸ Вагасан (фр.) – вид плотной шерстяной ткани.

⁹ Шлифы – здесь: одно из названий декоративных нашивок, застежек.

1751 год

Форитмейстер

– Парадный мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая саржевая, пуговицы вызолоченные. Позумент золотой с битью широкий (35 ¼ аршин на платье, шляпу и портупею). Шляпа и портупея с таким же позументом; к шляпе золотая петлица и золотой шнурок «на обдержку»¹⁰.

– Вседневный мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы гарусные.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая стамедная, пуговицы гарусные.

Егеря, стремянной (егерь), ружейный мастер

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой узорчатый широкий в 1 ряд (8 аршин), у старшего егеря в 2 ряда (11 аршин 2 вершка). Шляпа с таким же позументом.

– Сюртук дикий¹¹ суконный, подкладка дикая стамедная, пуговицы гарусные.

Егерские ученики

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа с золотым узорчатым широким позументом.

Охотники

– Мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Штаны лосиные. Шляпа с «обдержкой» из черного шнура.

¹⁰ Обдержка – связка полей и тульи шляпы.

¹¹ Дикий – серый цвет стального оттенка.

Полевое богатое платье

Форитмейстер

– Кафтан и штаны алые суконные, камзол зеленый суконный, подкладка зеленая стамедная, пуговицы высеребранные. Масиф¹² серебряный (43 аршина на платье и шляпу). Шляпа с таким же масифом.

– Вальтрап зеленый суконный; по борту позумент золотой с битью широкий (6 аршин).

Стремянной (егерь)

– Кафтан алый суконный, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая саржевая, пуговицы томпаковые¹³. Позумент золотой с битью широкий (30 аршин); на кафтане кисти со шнурами золотые. Кушак зеленый тафтяной.

– Картуз зеленый суконный, поля и козырь алые суконные, позумент золотой с битью узкий, «с одной стороны с городками» (2 ½ аршина).

– Вальтрап зеленый суконный; по борту позумент золотой с битью широкий (6 аршин).

Охотники

– Кафтан алый суконный, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая саржевая, пуговицы вызолоченные. Позумент золотой с битью узкий, «с одной стороны с городками» (26 аршин); на кафтане кисти со шнурами золотые. Кушак зеленый тафтяной.

– Картуз зеленый суконный, поля и козырь алые суконные, позумент золотой с битью узкий, «с одной стороны с городками» (2 ½ аршина).

¹² Massif (фр.) – вид золотой или серебряной тесьмы.

¹³ Tombac (фр.) – сплав меди с цинком; имитировал позолоту.

– Вальтрап зеленый суконный; по борту позумент золотой узкий (6 аршин).

1754 год

Форштмейстер

– Парадный мундир: кафтан и камзол зеленые бархатные, подкладка зеленая саржевая, пуговицы золотые волоченые. Подишпан золотой тканый (21 ½ аршин), шлейфы¹⁴ золотые широкие «подгишпанные» (36 штук). Шляпа с таким же подишпаном.

– Вседневный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы гарусные вышивные. Шляпа и портупея с золотым с битью позументом (гасом)¹⁵.

Биксеншпендер (егерь)

– Парадный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На кафтане и камзоле по борту, на обшлагах и карманных клапанах шлейфы золотые «позументные» (34 ¼ аршина); в фалдах кафтана позумент золотой с городками. Шляпа с золотым узорчатым позументом.

– Вседневный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой с городками в 2 ряда. Шляпа и портупея с таким же позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая стамедная, пуговицы гарусные вышивные.

Егеря, стремянной (егерь), ружейный мастер

– Парадный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы

¹⁴ Schleife (нем.) – здесь: декоративная нашивка на пуговичной петле.

¹⁵ Gaze (нем.) – вид золотой или серебряной тесьмы.

вызолоченные. На кафтане и камзоле по борту, на обшлагах и карманных клапанах позумент золотой широкий¹⁶; в фалдах кафтана позумент золотой с городками. Шляпа с золотым узорчатым позументом.

– Вседневный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой с городками в 1 ряд. Шляпа с таким же позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы гарусные вышивные.

Егерские ученики

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа с золотым с городками позументом¹⁷.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы гарусные вышивные.

Стремянной и корытничий охотники

– Немецкий мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа без обшивки.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы гарусные вышивные.

¹⁶ Как пояснялось в описании строящегося платья, «у егеря Домма на кафтане и на камзоле будут выкладены по борту, на обшлагах и на клапанах позументные шлейфы, а у прочих також на кафтанах и на камзолах по борту, на клапанах и на обшлагах – просто без шлейфов позумент».

¹⁷ В 1755 году шляпный и мундирный позумент у егерей и егерских учеников называется «травчатым» (то есть всякий раз брали тот позумент, который был в покупке).

Корытничий охотник¹⁸ и охотники

– Полевой мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы медные (томпаковые), кисть зеленая гарусная 1 («к охотничьему платью шнур гарусный зеленый с кистями»). Штаны лосинные. Кушак алый стамедный. Шапка алая суконная, околыш овчинный (мерлушчатый).

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая каразейная, пуговицы медные (томпаковые).

Наварщики, егерские и ружейные ученики¹⁹

– Немецкий мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы медные (томпаковые). Шляпа без обшивки. Или шапка алая суконная, опушка лисья.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая каразейная, пуговицы медные (томпаковые).

1756–1761 годы*Обер-егерь (обер-фериттер)*

– Парадный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные.

¹⁸ Корытничий охотник состоял при двух охотах и, соответственно, получал униформу двух покровов – немецкий мундир, полевой «охотный» мундир и егерскую епанчу.

¹⁹ В 1754 году «новопринятых» русских охотников обмундировали непривычно просто. Платье из «ординарного» (простого) сукна на 11 человек обошлось в 206 рублей 55 копеек, тогда как один биксеншпендер немецкой охоты в 1754 году «стоил» около 200 рублей. И хотя это была простота «по-ораниенбаумски», где дешевым считалось сукно ценою рубль (!) за аршин, «новопринятые» охотники, наварщики, ученики заметно отличались от старых. Если традиционно егерский ученик отличался от егеря лишь отсутствием позумента на камзоле, то новые ученики с виду больше походили на охотников (некоторые даже в шапках вместо шляп). Старые же егерские ученики теперь стали «валторнистскими».

«На кафтане по борту, на обшлагах и клапанах в один, а на камзоле в два ряда» гас золотой или позумент («а-ля мушкатер») широкий. Шляпа (с золотой петлицей) и портупея с таким же гасом/позументом (на портупее он «пошире»).

– Вседневный мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы полуселковые (или «под цвет гарусные») вышивные.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы вышивные.

Биксеншпендер (егерь)

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На кафтане «по обеим сторонам до пояса» и на штанах балеты²⁰ золотые французские; на камзоле балеты и позумент золотой гладкий («а-ля мушкатер») широкий в 1 ряд. Шляпа и портупея с таким же позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы вышивные.

Егеря, ружейный мастер

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой гладкий («а-ля мушкатер») широкий в 1 ряд. Шляпа с таким же позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы вышивные.

Валторнистские ученики

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Балеты

²⁰ Балеты, палеты – золотые или серебряные нашивки точно по размеру пуговичных петель.

золотые французские, позумент золотой узкий (≈ 20 аршин). Шляпа с золотым широким позументом.

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. На камзоле позумент золотой узкий (8 аршин). Шляпа с золотым широким позументом.

Егерские и ружейные ученики²¹

– Мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Штаны лосинные²². Шляпа с золотым («гвардейским») позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы вышивные.

Стремянной и корытничий охотники

– Немецкий мундир: кафтан, камзол и штаны зеленые суконные, подкладка зеленая стамедная, пуговицы вызолоченные. Шляпа с золотым («гвардейским») позументом.

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая байковая, пуговицы вышивные.

Корытничий охотник и охотники

– Полевой мундир: кафтан и камзол зеленые суконные, подкладка алая стамедная, пуговицы томпаковые, на кафтане кисти гарусные. Штаны лосинные. Кушак алый стамедный. Шапка алая суконная, околыш куний у корытничьего охотника и черный овчинный у остальных, с «узеньким» позументом («обшитых вокруг узким золотым позументом»).

²¹ Это, образно говоря, идеальная схема, когда все ученики довольствуются на равных. Однако ружейные ученики (мастеровые) так до конца и не сравнялись с егерскими.

²² Большинству служителей ораниенбаумской охоты выдавалось по двое суконных штанов на год. Егерские ученики могли получать одни, «понеже еще даются замшевые».

– Епанча зеленая суконная, подкладка зеленая каразейная, пуговицы томпаковые.

Как видно из приведенных выкладок, к казенным комплектам одежды могли прилагаться портупей – замшевые лосинные, с «замками» (пряжками) и наконечниками медными вызолоченными. Оружие и другую экипировку служителям охот изготавливали отдельно, иногда – наряду с аналогичными предметами для обихода великого князя.

В 1750 году к охоте в Ораниенбауме сделаны 4 стальных копья, шлифованных и полированных. А также 8 егерских кортиков двух разновидностей. У 2 кортиков эфесы, ножевые черенки, крючки с мундштуками и наконечники были серебряные; клинки – с золотом. У остальных кортиков серебро заменяла позолоченная медь; у 2 клинки были с золотом, у 4 – без. Работа, помимо шлифовки и полировки, включала «проверчивание на тех клинках по две дыры, и ко оным для ввинчивания по одному винту, к ним же по одному ножевому лезвию и копьцу» (то есть каждый кортик представлял из себя комбинированное оружие – клинок с эфесом, ножевое лезвие с черенком, копьцо). Завершающей деталью были ножны «с чехлом».

К серебряным кортикам сделали портупей из черной кожи, весь прибор на которых (пряжки, пукли²³ и проч.) – серебряный. 3 егеря немецкой охоты, кому, в частности, достались медные вызолоченные кортики, тогда же получили и портупей – черные кожаные, с каймой (обшивкой) из красной кожи, с пряжками и пуклями медными вызолоченными.

В 1751 году сделаны 6 больших охотничьих ножей и к ним ножны с железной оправой (кольцами, бляхами и наконечниками). В 1755 году на Сестрорецких заводах сделаны 6 охотничьих

²³ Пукли – здесь: декоративные металлические бляшки на ремнях.

ножей с черными роговыми череньями, в ножнах с медными чеканными бляхами и нижними наконечниками. Там же, в Сестербеке, был изготовлен для великого князя «охотничий ножик с ножнами и с медными чеканными бляхами, с железным череном и с трубкою на древке, посреди оной древки еще с [в]ертною трубкою ж железными». К заказу данного образца, как и ко многим другим подобным работам, имел отношение ружейный мастер И. Г. Шуман. В 1755 году он и 4 егеря немецкой охоты получили амуницию, даже словесное описание которой поражает своей роскошью.

В комплект входили «бантлер» (панталер), он же «эгарская перевязь», и кортичная портупея. Обе ременные, покрыты зеленым гладким бархатом и украшены золотым позументом. У биксеншпендера позумент был с городками и «положен» в 1 ряд; у остальных егерей – «узенький» прорезной и нашит по краям. На каждой перевязи красовался бант из зеленых широких лент, с разноцветным гарусным «пучком» и 10 вышитыми золотом «цветками», в нем был укреплен медный чеканный вензель Петра Федоровича. К каждой перевязи прилагался пороховой рог из черного дерева. Пряжки, запряжники, пукли, наконечники, «замки» на перевязях и портупеях – медные вызолоченные. На «бантлере» биксеншпендера упоминается еще «лев с цепочкою» (то есть, скорее всего, медная бляха-накладка в виде звериной морды).

В том же 1755 году егеря и ружейный мастер получили портупеи не столь роскошные. Биксеншпендер – лосинную с золотым позументом; остальные – красные кожаные. Все портупеи были «с медными вызолоченными пуклями и с вензеловым именем» (пряжкой с вензелем Петра Федоровича). В дальнейшем егерскую амуницию продолжали делать из красной (сафьянной) кожи – красные лядушки на 25 патронов, красные портупеи

с медными пуклями и «замками» под позолотой. В 1758 году обер-егерю были специально изготовлены 2 сумки «для клажи дичи». Охотились в Ораниенбауме и на крупного зверя. В книгах сохранились описания присланных с заводов «рогатин с медными порезанными бляхами и нижними наконечниками, с железными череньями и с трубками железными и помочьми» (не менее 5 штук), а также опытных (?) образцов: «рогатина, к которой сделана труба железная круглая с яблоками, да посреди древки свертная, с шестью помочьми»; «рогатина наподобие ножа на винту, древко оковано железом, в ножнах, при оной рогатине одна трубка железная для привинчивания».

Охота протекала под звуки медных духовых инструментов. У охотников это были медные рога, у егерей – медные валторны с мундштуками. В 1755 году мастер-медник не только чинил казенные рога и валторны, но также получил плату «за переделку десяти рогов охотничьих, к которым подведены тоны против валторн» (то есть музыка разных охот должна была быть созвучна). Обучавшиеся игре валторнистские ученики имели особый статус, что отражалось на их мундирном довольствии (см. выше). От обычных егерских учеников валторнистов отличали золотые позументы и французские балеты с «обшивным» золотом. Охотничья (или полевая) музыка тоже вошла в моду с легкой руки французского королевского двора XVIII века.

Французская охота

Особняком от немецкой и русской охот, тесно связанных друг с другом, стояла французская охота. Самую малочисленную, ее представляли пикер и пикерские ученики, называемые иногда просто «мальчиками» (мальчики при Собственной охоте, мальчики при французской псовой охоте)²⁴. Для этой

²⁴ В начале 1760-х годов появился еще обер-пикер.

разновидности охоты (гон зверей стаями собак) оружие не требовалось, зато приобретались специфические принадлежности: например, в 1756 году «сделаны два ошейника кожаные красные на волка да на барса, что при французской псовой охоте». В следующем году во множестве, десятками, заготавливались собачьи ременные смычки (парные ошейники) из черной кожи с железными пряжками «к французской охоте».

Пикерское платье – алое (красное) с зеленым, с серебряной отделкой – неоднократно упоминается в книгах (само по себе или как разновидность полевого платья). Собственно, и полевые мундиры охотников были той же расцветки, но преимущественно с золотом. К середине 1750-х годов относится роспись сукна и приклада «для делания новых пикерских мундиров» на 5 человек (сам Петр Федорович и 4 служителя):

1 мундир

– сукна английского алого 4 аршина, зеленого 2 ½ аршина; стамеда английского зеленого 5 аршин, белого 2 аршина; шляпа французская – 1, позумента серебряного на камзол и шляпу 10 аршин; пуговиц высеребранных кафтанных 4 портища (48), камзольных 4 портища (48);

2 мундира

– сукна голландского алого 8 аршин, зеленого 5 ½ аршин; стамеда английского зеленого 10 аршин, белого 4 аршина; шляп поярковых – 2, позумента серебряного на камзолы и шляпы 20 аршин; пуговиц высеребранных кафтанных 8 портищ (96), камзольных 8 портищ (96);

2 мундира

– сукна ординарного алого 8 аршин, зеленого 5 ½ аршин; стамеда английского зеленого 8 аршин, белого 3 аршина; шляп ординарных – 2, позумента серебряного на шляпы 4 аршина;

пуговиц высеребранных кафтанных 7 портищ (84), камзольных 6 портищ (72).

Таким же пикерский мундир оставался в дальнейшем. В 1761 году великому князю построено «платье полевое с серебряным в два ряда гасом – кафтан алый, камзол и штаны зеленые, подкладка саржевая, – портупея с гасом же, шляпа с белым плюмажем и серебряным подгишпаном». Мундиры обер-пикера и пикера за тот год: «платье с серебряным по борту широким гасом, то есть кафтан алый, камзол и штаны зеленые, обер-пикеру»; «платье точно такое ж, только гас узкий с городками, пикеру». Либо: обер-пикеру «кафтан алый, а камзол и штаны зеленые, кафтан и камзол с гасом серебряным» (широкого и узкого поровну по 17 аршин, на воротник узкого 1 ⅛ аршин); пикеру «кафтан суконный алый, камзол и штаны зеленые, на кафтане по обеим сторонам балеты серебряные, а на камзоле балеты и серебряный позумент». У пикерских учеников – кафтаны алого сукна, камзолы и штаны зеленого, подбой зеленый стамедный, пуговицы серебряные или оловянные.

Все перечисленные чины носили шляпы с серебряным позументом. У пикерских учеников были в употреблении картузы с козырями: верх алого сукна, опушка зеленого; на 3 таких головных убора считалось 6 ¼ аршин серебряного шнура и 1 ¾ аршин узкого серебряного «гасика» (позумента).

Другой комплект пикерского костюма заключался в сюртуке, камзоле и штанах. Две последних вещи, как обычно, из зеленого сукна, с высеребранными камзольными пуговицами (ученикам еще выдавались лосинные штаны). Суконный сюртук мог быть диким или песочным; стамедная подкладка – строго «под цвет», то есть тоже дикая или песочная; «сертушные» пуговицы – полушелковые вышивные (48 штук). Независимо от наличия сюртуков, пикеру и пикерским ученикам строились

епанчи с рукавами – зеленые суконные, с байковой (пикеру) или каразейной (ученикам) зеленой подкладкой и томпаковыми пуговицами.

Люди ораниенбаумской охоты

Одними из первых, еще с 1740-х годов, в книгах Домовых контор упоминаются обер-ферштер Бастиан и старший егерь Фридрих Сиверс. Бастиан так и служил форштмейстером вплоть до своей отставки в 1755 году; после его заменял биксеншпендер Гиндрих (Индрих) Домм (Dohm), ставший оберегерем, а затем обер-ферштером (форштвервальтером).

Егеря немецкой охоты: Фридрих Сиверс, Кондрат Зурбер, Дидрих Калл, Ганс Бурс (Ганз Бурз), Фридрих Эленбергер, Арнольд (Арнолт) Рейн, Фридрих Долгрин, стремянной егерь Алексей Коев (ставший впоследствии биксеншпендером), «либирицкий»²⁵ егерь Эйслер и др.

Охотник-иноземец Фридрих (Гиндрих) Пещей с товарищами, всего 6 человек (до 1754 года). Стремянной охотник Андрей Тон, корытничий охотник Иван Вегнер. Русские охотники: Евсей (Евсевий) Соловьев, Игнат Воробьев, Федор Лемехов (Лемихов), Иван Журавлев и др.

Егерские ученики: Петр Тон, Ганц Вильгельм, Григорий Андросов, Иван Тимофеев, Савелий Клыков, Антон Шнюхалев (Шнукалев), Иван Орлов, Федор Чеплыгин, Фридрих Кляргин, Иван Щелкунов (Щелкуненков) и др., валторнистские ученики Фингер и Апт.

Пикер Миллери, пикерские ученики (мальчики) Иван Кузьмин, Петр Никитин и др. Обер-пикером французской охоты в

²⁵ Либерицы (Люберцы) – подмосковное имение, принадлежавшее великому князю Петру Федоровичу; там тоже в начале 1750-х годов была заведена охота.

1761 году был назначен Петр Надастий (Надашди) – офицер голштинской службы Его Императорского Высочества – венгр по национальности и, похоже, бедовый авантюрист.

И, наконец, едва ли не единственное лицо, принадлежавшее к ораниенбаумской охоте и получившее хоть какую-то известность вне ее: ружейный мастер Иоганн Генрих (Яган Гиндрих) Шуман (Johann Heinrich Schumann). Подобно многим служащим «малого» двора, он бесценно исправлял свою должность в Ораниенбауме все эти годы – биксмахер при егерской охоте, рюстмастер ораниенбаумской Ружейной каморы (Gewehr-Kamer). Оружие его работы (охотничье, офицерское) хранится в коллекциях нескольких российских музеев, в том числе ГМЗ «Гатчина». Шуману помогали ружейные ученики: Семен Дубенский, Лев Шадрин, Александр Краснослов, Степан Кавтанников. На оружейника учился родной сын Шумана, подмастерье, тоже Яган Шуман, скончавшийся в Ораниенбауме от оспы в октябре 1762 года в возрасте 22 лет.

К охотам в Ораниенбауме имел отношение и знаменитый Гаврила Извольский, которого молва и анекдоты называют любимым стремянным охотником императрицы Елизаветы Петровны. Он тоже пользовался щедротами великого князя – в 1747 году, будучи охотником Егермейстерской канцелярии, получил охотничье платье и шапку, шитую серебром. А в 1751 году Петр Федорович пожаловал Извольскому суконную пару на манер егерских мундиров – зеленую, на зеленой подкладке, с вызолоченными пуговицами и золотым широким позументом с битью на камзоле и шляпе.

В 1757 году немало русских охотников было переведено великим князем в гарнизонные солдаты Ораниенбаумской крепости (так поначалу назывался Петерштадт): Никифор Демидов, Иван Черетаев, Семен Федоров, Афанасий Воронов, Иван

Лебедев, Николай и Тимофей Полетаевы, Алексей Соколов, Сидор Медведев и др. Крепостной гарнизон стал первой в Голштинском корпусе воинской частью «российского» происхождения; вскоре на его основе был сформирован пехотный полк Нарышкина (Ферстера)²⁶.

К началу 1761 года ораниенбаумские охоты стали называться «Обер-егермейстерской командой», а в приходно-расходных книгах замелькали имена таких важных персон, как обер-егермейстер Бредаль и егермейстер Польман. Этим господам также отпускались казенные материалы и готовые платья – «полевые» или «охотничьи». Кафтан, камзол и штаны зеленого сукна, с подбоем зеленой саржи, «с узкими и широкими гасами золотыми». Гас нашивался в 2 ряда – узкий (18 ½ аршин) и широкий (15 аршин). Шляпа с золотым подишпаном, белым «полимажем» (плюмажем) и золотой петлицей. В общем, это уже почти «генералы» от охоты. Ораниенбаум к тому времени превратился в дворцовую слободу, достаточно густо населенную. Количество служителей «малого» двора, переживавшего пору своего расцвета, исчислялось сотнями и сотнями человек. Среди них егеря, охотники, пикеры по праву занимали привычное место в окружении великого князя. Но впереди был 1762 год, короткое царствование императора Петра III, и сокрушительный крах, положивший конец ораниенбаумскому двору и всем его красочным проявлениям. Этот пестрый мир столь основательно стерся из исторической памяти, что сейчас мы можем рассчитывать, как правило, лишь на словесные описания. Столь же расплывчатые, как дальний отзвук «отъезжего поля»...

²⁶ Это те самые «выписанные» из Голштинии полки, которые якобы составляли гарнизон Петерштадта. В действительности большинство этих солдат являлось уроженцами Российской империи и в Гольштейне никогда не было.

ОХОТА В ЖИЗНИ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Двоих сыновей императора Николая I современники признавали крупными охотниками: это, конечно, цесаревич Александр Николаевич и его младший брат Николай. Как известно, сам император охоту не любил¹, хотя понимал ее значение в дипломатическом ритуале и в обучении военным навыкам, поэтому при воспитании старшего сына вначале способствовал его охотничьей склонности. Император изменил свои взгляды уже в 1832 году, когда цесаревич Александр Николаевич в возрасте 14 лет получил в «подарок от главного лесничего Курляндии, графа Мантейфеля три своры борзых, необыкновенно малого роста (левреток?) и одну легавую собаку». Через месяц цесаревич поехал на волчью охоту, промок до костей, «верхом гонялся с собаками за волком, а на вечернем уроке был рассеян»². Тут император Николай I понял свою ошибку и далее не слишком поощрял охотничьи увлечения своих сыновей, абсолютно не препятствуя им содержать собственных собак.

О развитии охотничьих навыков молодого великого князя Николая Николаевича мы узнаем из его юношеского дневника 1846–1852 годов³. Великий князь Николай, как и все дети

¹ А. И. Михайлов: «Государь Николай Павлович не любил такой охоты, как делал наследник, и никогда не охотился, но только в минуты досуга стрелял оленей в Гатчинском дворцовом парке». Цит. по: Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век. Исторический очерк. Т. IV. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1911. С. 27.

² Кутепов Н. Указ. соч. С. 25.

³ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45–47. 1846–1852.

Николая I, с детства был приучен ежедневно вести дневник. Годы возмужания очень важны для молодого человека, поэтому особенно ценны записи 1850–1852 годов, предшествовавшие его совершеннолетию. Обычно, как, например, у старшего брата, в подобных записях фиксировались только события, без оценок и без интимных переживаний. Три переплетенные в золотисто-коричневую кожу с золотым обрезаем, снабженные замочками тетради «Дневника» великого князя Николая Николаевича за 1846–1852 годы, хранящиеся в Российском Государственном Историческом архиве, опровергают это правило. Но в первой и в начале второй тетради «Дневника», т. е. до 1850 года, до 19-летнего возраста автора, об охоте не упоминается.

Воспитывали молодых великих князей как будущих офицеров, ведь отец-император предназначил Николая к службе в кавалерии и инженерных войсках, с рождения записав его в свой родной гвардейский саперный батальон и назначив шефом Уланского полка. Поэтому охота, развивающая навыки кавалериста и стрелка, конечно, рано или поздно должна была войти в его расписание. Всю жизнь великий князь Николай обожал животных, много возился со своими лошадьми и собаками. Молодым человеком он ежедневно записывал: «Гулял пешком с собакой», или: «Гулял на рысаке». Например, весной 1850 года: «Царское Село. 4 мая ...гулял, погода хорошая, на рысаке и собаки повсюду, за нами бегают... 9 мая ездил верхом и потом стрелял в цель... после ездил на Шимларе искать собак, которые вчера убежали, и нигде не нашел»⁴.

Собак в подарок великому князю выписывали⁵ родители: «20 июля 1850. Петергоф. ...Собаки приехали из Англии, шесть, хороши. Один ...большой немного скуласт, но хо-

⁴ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 16–17.

⁵ Главным источником пополнения придворной псовой охоты собаками была покупка их у частных лиц, а также из-за границы (Кутепов Н. И. Указ. соч. С. 80).

рош, кличку ему дали Залет»⁶. Через месяц Николай записал: «23 августа ...утром у папа, потом гулял с мама. В час поехал с фрейлинами морем в Петергоф, мама сухим путем. Приехав, тотчас обедал, после чего смотрел щенят, которые чудо как хороши...»⁷ Родители позволяли держать собак не только на псарнях, но и в апартаментах: «4 марта ...утром гулял в санях с собаками. Щенок, сестра Амишки, прозванный Чернушкой, с сегодняшнего дня у нас в комнате...»⁸

В Петергофской слободе при «императорской охоте» уже в 1850 году содержалась личная легавая собака великого князя Николая⁹. Во время пребывания в Крыму осенью 1851 года, он приобрел белую борзую, названную Алушкой, а в первом самостоятельном заграничном путешествии весной 1852 года – бульдога: «19 (апреля). Писал журнал и в 1,5 уехал по железной дороге в Сиену, видели собор и обедали. Поехали дальше и ночевали в Радикофани¹⁰. Купил чудесного бульдога. На акциях все разбойники вместе, и потому назвал его Разбойник»¹¹. Окружали молодых великих князей и другие животные и птицы: в Петергофе, где с 1829 года размещалась императорская охота¹², в Фазаннике жил орел, подаренный юным братьям Николаю и Михаилу¹³.

⁶ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 159.

⁹ Кутепов Н. Указ. соч. С. 62.

¹⁰ Radicofani, небольшой город в южной Тоскане, на полпути между Сиеной и Витербо.

¹¹ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1852. Л. 123.

¹² Кутепов Н. И. Указ. соч. С. 84: «С переводом императорской охоты (из охотничьего двора на Фонтанке у Обухова моста) в Петергоф в 1829 г. здесь сосредоточились почти все охотничьи учреждения, размещавшиеся раньше в С.-Петербурге и других местах. В самой слободе помещена была псовая охота, а рядом со слободой был устроен Зверовой дом». В Большом Петергофском зверинце были устроены заячий садок, оленник, фазанное и куропаточное заведения и ремиз.

¹³ Кутепов Н.И. Указ. соч. С. 50.

Едва ли не первое упоминание о самостоятельной, пока еще очень скромной охоте великого князя относится к лету 1850 года, когда ему исполнилось 19 лет, ко времени полковых учений: «17 июля. ...На линейном учении командовал 2 Дворянским батальоном. Вечером стали в Ропше и мы пошли на охоту с Тирасом и Плутоним, и я убил одного бекаса»¹⁴. Охотился он еще редко, следующее упоминание записано месяцем позже: «27 августа. Петергоф. Был у обедни в уланском мундире и потом у развода в конногренадерском. После завтракали на балконе. ЕК¹⁵ была и с нею говорил. Ездил на охоту с гончими Саши и ничего не подняли, вечером на рысаках. На собрании у мама»¹⁶. Как увидим и в дальнейшем, охота в дни пребывания в Петергофе или в Царском Селе занимала очень немного времени, заполняя часы, в другие дни занятые прогулками или занятиями стрельбой.

Изредка во время путешествий молодым великим князьям, а братья Николай и Михаил в те годы путешествовали обычно вместе, устраивали охоты побольше (как правило, в отсутствие отца-императора), но все равно они были по времени коротки и не нарушали программы. Осенью 1850 года при проезде через Тульскую губернию: «7 сентября. Утром поехали в богоугодное заведение для отставных солдат, после были на выставке, где купил складни и кресты, в продолжение коего был и народный праздник. Было очень мило. Все вчерашние дамы были тоже тут. Я с ними простился. Оттуда поехали все без тряски и рысаков. После поехали на охоту, приготовленную для нас на дороге, помещиком Офросимовым. Было очень весело. Взяли 8 выпущенных лисиц. В селе Сергиевском у С. С. Гагарина обедали. Сережа нам показывал все комнаты, в Орел приехали

¹⁴ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 45.

¹⁵ Фрейлина Елена Карловна Толь.

¹⁶ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 73.

в 3 часа»¹⁷. В том же путешествии: «30 сентября (после смотра у Белой Церкви) я сам простился со своим полком, папа уехал в Варшаву в 2 часа. А мы поехали на охоту с Браницким¹⁸. Сел на чудную рыжую лошадь их завода и мы охотились с ½ 3 часа до 6 часов. Уж было совсем темно. Затравили 2 волков, 7 лисиц, и 5 зайцев, пропустили 1 волка, 4 лисицы и 4 зайца. Чудо как было весело. Вот охота, так охота! Два, три зверя разом выбегали! После охоты обедали у Браницких...»

Осень 1850 года императорская семья проводила в Царском Селе, где продолжались небольшие часовые охоты, заменявшие прогулки: «26 октября. Царское село... Уроки по старому до 2, очень рад, что уроки, ибо в Царском такая скука, это обычно занимает. Собаки приехали, ужасно обрадовались, все узнали нас. Жижи щенки околели, а Удалой живы. Обедал вечером у Мари, ходил до обеда на охоту и ничего не видел... 30 октября. Уроки до 2 часов. После верхом с борзыми и гончими Саши, коих теперь 8, поехали на охоту и подняли двух зайцев, но травить нельзя было. Вечером у Мари. 31 октября. Уроки до 2 часов, ходил пешком на ворон, и ничего не убил...»¹⁹.

В начале ноября, когда отец не жил в Царском Селе, молодой человек ходил на охоту почти каждый день, и эти «охоты» по времени были равноценны ежедневным прогулкам: «2 ноября. Уроки до часу, потому что трех учителей не было. Верхом с

¹⁷ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 82. Князь С. С. Гагарин (1831–1890) – выпускник Пажеского корпуса, товарищ игр Николая и Михаила Николаевичей, адъютант великого князя Михаила Николаевича.

¹⁸ Там же. Л. 97. Упоминается один из сыновей уже умершего в 1843 году Владислава Браницкого, скорее всего, граф Александр Владиславович Браницкий (1821–1877), хозяин имения, где занимался выращиванием породистых лошадей, или его младший брат камер-юнкер Владислав-Михаил (1826–1884).

¹⁹ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 114–116.

гончими и борзыми на охоте двух зайцев подняли, травили одного, но близко лег и от нас ушел в лес... 3 ноября. Были на охоте, травили 2 зайцев и не взяли²⁰... 4 ноября. ...Уроки до 2 часов, гулял на беговых санках... 5 ноября. ...писал журнал. После в драгунском мундире у молебна и мама была в зале. После ездили на охоту, и все время ходили с Мердером и Слепцовым, было очень весело»²¹, 11 ноября «...уроки до 3 часов, ибо между ними были на артиллерийском учении ...вечером собрание, скучно. Наши собаки гуляя затравили зайца... 13 ноября. ...Ходил пешком на охоту. Снегу много и мокрый, тяжело ходить и устал ужасно»²².

Большие по времени охоты, хотя и не всегда удачные, великий князь осуществлял в 1850–1851 гг. в Царском Селе вместе с Герсдорфом²³: «12 ноября у обедни в гренадерском мундире, после Саша и Маша у нас завтракали. После чего поехали на охоту по пороше с Герсдорфом. Были на Красносельской дороге верст 8, и ничего не видели. Снег ужасный, лошади проваливались. Очень весело. Обедали у мама, вечером собрание...»²⁴

²⁰ В книге Н. И. Кутепова «Императорская охота на Руси» (Т. 4. С. 24) под этой датой записан текст из камер-фурьерского журнала: «3 ноября. Суббота, Царское село. По прибытии Его Величества в Гатчино с Государем Цесаревичем, Великим Князем Николаем Николаевичем и приглашенными особами изволили охотиться...», но великий князь о том, что ездил в Гатчину, не упоминал.

²¹ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 117. Возможно, адъютанты наследника Александра Николаевича капитан гвардии Петр Карлович Мердер и ротмистр гвардии Василий Николаевич Слепцов.

²² Там же. Л. 119.

²³ Возможно, командир лейб-гвардии Кирасирского полка, генерал-майор кавалерии Арист Федорович фон Герсдорф (Путеводитель. 600 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села... СПб., 1854). Упомянут среди участников охоты в Гатчине 3 ноября.

²⁴ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850. Л. 119.

Зимой 1851 года в Петербурге об охоте не вспоминали, ее заменяло катание в санях и с гор в Таврическом саду, в феврале почти ежедневное: «9 февраля ... после в Тавриду, катались с гор с дамами, гулял... 11 февраля. Был на горах, все катались с Павлушею²⁵..., вечером на бале у Протасова. 16 февраля ...потом на горах. Бог знает, что мы там ни делали падали, но никто не ушибся...» На охоту старший брат его не приглашал: «17 февраля. В «Гугенотах» ...Саша был, и очень весел, приехал с охоты. Перед последним актом он уехал...»²⁶

Охоты начинались в середине лета и продолжались осенью. Зимой и весной великий князь на охоту никогда не выезжал. Николай Николаевич, возвратившись из-за границы, записывал: «2 июня приехали в Царское село во время учения, которое папа делал Кирасирскому, Гусарскому и Образцовому полкам. Прямо к Мари, потом домой переоделся, выпил кофе и поехал к папа, потом дома ходил с собаками по саду...»²⁷ Летом 1851 года молодой великий князь охотился чаще, может быть, потому, что в Петергофе не было отца: «5 августа. Был на кадетском церковном параде, Миша им командовал. Дождь вдруг пошел проливной и мы перемокли до костей. Так остались к обедне. После погода сделалась хорошей, пошел на охоту и после обеда был тоже, и убил с одного выстрела трех травников. После обеда гулял на рысаке. 6 августа... После обедни поехали в Петергоф, после обеда был на охоте и потом в кадетском лагере. 7...холодно, гулял, был на охоте, в три обедал, в 4 поехал в лагерь... 8 августа. Погода довольно хороша. Гулял

²⁵ Павел Андреевич Шувалов (1830–1908) – граф, поручик Конногвардейского полка, адъютант великого князя Николая Николаевича, в дальнейшем – начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа, варшавский генерал-губернатор..

²⁶ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. Л. 158.

²⁷ Там же. Д. 47. 1851. Л. 1.

с мама, был на охоте, убил утку, вечером у мама. 11 августа. ...пил кофе с мама на Озерках. В 2 часа был на закладке церкви во имя св. великомученицы Александры на Бабьемгону, а папа приехал после обеда. На охоте. Вечер с мама. 12 августа. ...был у обедни в уланском мундире, потом ставили садки на зайцев, лис и волков, очень было весело. Вечером гулял с мама, пили чай на мельнице, вечер у мама...»²⁸.

Вскоре молодые люди уехали в Москву и там 31 августа «...в 8 часов поехали на охоту в Царицыно, дождь. Ужас как промокли, но было очень весело. Взяли 22 лисицы и 1 волка, воротились в 2...»²⁹ Из Москвы отправились на юг и осенью были в Крыму: «1 октября. ...Купил для себя борзую собачку белую крымской породы и назвал ее Алупкой, очень хорошенькая...», и на следующий день: «...Алупка все время бежала на своре и нисколько не устала...»³⁰ Возвратившись, жили в Царском Селе всей семьей, но император постоянно ездил в Петербург, и молодой великий князь каждый день выезжал на небольшие охоты: «18 октября. Метель. Мама легче, осталась в постели. Уроки, ездил на рысаке в беговых санках, потом ездил с ружьем, смотрели зубров у которых теленок родился. 19 октября. Мороз. Были на пороше на зайца, подняли его, но в чаще. Так, что ни стрелять, ни травить нельзя было. Ездил верхом по пороше по Петергофской дороге, но ничего не нашли. Пропотел до костей. Уроки.

20 октября. Чудо что за погода! Утром 12 1/2 градусов морозу. Уроки, солнце, тихо совсем. Январская хорошая погода. Ходил по пороше, и подняли у Баблова [Баболова – Е. Ж.] русака и затравили его. [На следующий день был с отцом в Петербурге – Е. Ж.] 22 октября. В 1/2 8 поехал в Царское Село, уроки, там

²⁸ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851. Л. 23–28.

²⁹ Там же. Л. 36.

³⁰ Там же. Л. 48.

ходил стрелять. Вечером у мама. 24 октября. День смерти Марии Федоровны. Уроки, стреляли в Павловском и убили пару белок. Вечером папа читал завещание гранмама...»³¹

«28 октября, Царское Село. У обедни во флигель-адъютантском... был на охоте с Герсдорфом, нашел лежачего, за мною пошел и я его долго искал, наконец нашел, подняли зайца и Побеждай один в кустах затравил его. Потом подняли русака, только поздно было, и мы уехали...»³² «12 ноября. Царское Село. Ходил после уроков стрелять, холодно, мокро, гадко... 13 ноября. ... был с Герсдорфом на охоте, и мы с ним с собаками в лесу разъехались так, что ничего не слышали и не видали. Олсуфьевы были, Татищев и Андриевский со своими борзыми...»³³

Иопять, хотя Николай Николаевич почти совершеннолетний, но в присутствии строгого отца охот не было, и только с приездом брата-цесаревича опять однажды были приглашены в Гатчину, о чем есть запись в камер-фурьерском журнале: «18 ноября, среда. Гатчино. ¼ 2 часа Государь цесаревич с Великими князьями (Константином, Николаем, Михаилом Николаевичами и принцем Виртембергским) и приглашенными особами выезд имел на охоту...»³⁴ В дневнике эта охота отдельно отмечена не была, хотя в ней даже принимал участие адъютант великого князя Николая Николаевича, полковник

³¹ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851. Л. 53–54. Олсуфьев В. Д. – обер-гофмейстер, управляющий двора наследника Александра Николаевича, сын его, Алексей Васильевич – штаб-ротмистр Гусарского полка. Братья Татищевы Дмитрий и Леонид Александровичи – ротмистры Гусарского полка. Андриевский П. Д. – действительный статский советник.

³² РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851. Л. 55 об.

³³ Там же. Л. 60.

³⁴ Камер-фурьерский журнал за ноябрь 1851 года. РГИА, ф. 516, оп. 1 (120/2322), д. 308, л. 62.

Краснокутский. Опять-таки охота проводилась в отсутствие отца, хотя прогулки и другие развлечения не только им дозволялись, но и поощрялись, ведь спустя четыре дня Николай Николаевич записал: «22 ноября. Царское Село. Снег, метель, уроки до 1, потом травили 2 лисиц и зайца, все наши берут лисицу. Потом поехали в салазках всем обществом без мама и папа искать Сашу и Мари, и поехали гулять, я в последних санках. И раз только меня вывалили, потом развозили дам по домам... 23 ноября... Гуляли с салазками с папа и валяли здесь на дворе. Два раза упал. Потом доехали до Павловска и назад, и когда папа ушел, развезли дам по домам. Вечером последнее собрание здесь, потом катались с горы и было довольно весело»³⁵.

Двор переехал в столицу, и больше специально на охоту великий князь не выезжал, но почти ежедневно, как и раньше, прогуливался по городу с собаками, упоминая об этом в дневнике. Декабрь прошел скучно, но в январе и феврале почти каждый вечер был наполнен спектаклями и балами. К весне молодые великие князья Николай и Михаил со свитой отправились в первое самостоятельное путешествие: Германия, Австрия Италия... Великий князь записал 6 мая 1852 года в Неаполе: «В 8 часов в Капо ди Монте отправился на фазанью охоту. Очень весело, убили 5 фазанов, 2 зайцев и 35 перепелок. Всего убили 25 фазанов и 3 зайцев; одного убил Мятлев, канцелярская крыса. Воротившись домой, оделись в полную форму и прощались с семьею [короля. – Е. Ж.]...»³⁶ Адъютант великого князя Сергей Трубецкой³⁷ написал в «Журнале», который вел воспитатель великих князей, генерал

³⁵ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851. Л. 64–65.

³⁶ Там же. Л. 136.

³⁷ Сергей Никитич Трубецкой (1829–1899) – князь, прапорщик Преображенского полка, адъютант великого князя Михаила Николаевича, в конце жизни, в 1895 году, – обер-гофмейстер двора.

А. И. Философов³⁸: «6 мая в 8 часов Их Высочества отправились в Каподинамонте, где по приказанию Короля была приготовлена охота на фазанов. Поохотившись немного, Их Высочества завтракали на ферме и вышел, чтобы продолжить охоту, встретили Его Величество, приехавшего из Неаполя, чтобы поохотится с Великими Князьями. Все это продолжалось до 12 часов. Простившись с королем и поблагодаря Его Величество, Великие Князья возвратились домой, и, надев полную парадную форму, поехали с прощальными визитами к Его Величеству и ко всем членам королевского дома...»³⁹

В первый же день по возвращении в Россию, сразу после встречи с отцом, Николай Николаевич бежит на псарню: «15 июня ... Какая радость опять вернуться на Родину, ее еще больше любишь, чем прежде. Папа очень был рад нас опять видеть. Папа, Костя Никола и мы двое поехали в одной коляске в Церковь Коттеджа, потом домой, оттуда к Саше. И вернувшись домой, разделись и пошли в сад, в перголу. Собака наша одна Алупка вчера оценилась 8 щенками, но они очень большие. Обедали у Саши потом гуляли на рысаке»⁴⁰.

Совершеннолетний великий князь уже более самостоятелен в выборе занятий, но в июле он выезжал на короткие охоты лишь 4–5 раз: «8 июля. Петергоф ... в 9 часов кадетам смотр, папа отлично доволен. Погода хорошая. Потом славный

³⁸ Генерал-адъютант, генерал от артиллерии Алексей Илларионович Философов (1799–1874), с 1838 года воспитатель младших сыновей Николая I, вел. князей Николая и Михаила Николаевичей. Закончил Пажеский корпус. Участвовал в войне с Турцией 1829 г. С 1852 г. состоял при великих князьях в роли «попечителя». В свите великих князей при их пребывании на театре военных действий в 1854–1855 гг.

³⁹ РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 31. 1852. Фонд преподавателя их высочеств генерала А. И. Философова. Л. 63.

⁴⁰ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1852. Л. 158.

кавалергардский развод, потом был на охоте. После обеда читал»⁴¹. «14 июля. Гау кончил мой портрет, потом у мама и после на стрельбе ракетами в саперном лагере довольно удачно. Туда и назад верхом, после на охоте... 15 июля. Миша утку убил. После обеда гуляли с мама и обществом, пили чай на мельнице»⁴². «25 июля. Гулял с мама, потом пошел на охоту пешком в Стрельну, и опять вечером гулял на рысаке... 28 июля. Пили кофе в Никольском с мама. В 12 купался и после пошел стрелять с собакой *Тотана Бюкеншайдера*⁴³, он продаст ее»⁴⁴.

Приведенные отрывки из законченного в конце июля 1852 года дневника показывают, что пока для великого князя Николая Николаевича охота не являлась самоцелью, он еще не стал страстным охотником, не слишком горюет, например, об отсутствии трофеев, которыми тем не менее гордится. Он ни разу не записал, хотя с собой откровенен и по другим поводам подобные заметки есть, что хотел бы поехать охотиться, но «не отпустили». Дневник, конечно, не точен. Например, понятно, что очень часто автор ходил на охоту, как делал и все остальное, вместе со своим младшим братом Михаилом, но упоминал он об этом редко, поскольку для родителей и окружающих младшие сыновья императора были почти одним целым. Кстати, великий князь Михаил Николаевич тоже был страстным охотником, что не очень заметно в изучаемых петербургских источниках, поскольку молодость свою он провел на Кавказе, но в петербургском дворце хранились многочисленные его охотничьи трофеи, несколько десятков оленьих рогов, чучело зубра и др.

⁴¹ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1852. Л. 172.

⁴² Там же. Л. 174.

⁴³ Так в тексте, видимо, прозвище.

⁴⁴ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1852. Л. 178.

В дальнейшем великий князь Николай Николаевич держал охоту с легавыми в Графской Славянке, был страстным лошадиником и собачником. Первую страсть он воплотил, став начальником всей Российской кавалерии, вторую он тоже смог удовлетворить: у него были самые большие своры охотничьих собак в России того времени. В каждой охоте Николая Николаевича участвовало 15–20 групп собак по 3–4 в каждой группе, таким образом, в каждой охоте принимало участие 60–120 собак. И эта любовь автора к животным гораздо ярче просвечивает в его юношеском поведении, чем стремление к охоте.

И. В. Зимин

СТРУКТУРА ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ, ШТАТЫ, ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДЧИНЕННОСТЬ И ФИНАНСИРОВАНИЕ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Великокняжеская и царская охота издревле традиционно замыкалась на первых лиц, поскольку охота являлась одной из важнейших, представительских забав великих князей и московских царей. После перенесения столицы государства в Петербург царская охота осталась в Москве, по причине отсутствия к оной интереса со стороны Петра I.

При Петре I сложилась парадоксальная ситуация, когда наименования должности императорского двора были переведены на немецкую терминологию, однако охота, по причине ее удаленности от политического центра, продолжала сохранять старые названия. Ситуация изменилась при Анне Иоанновне, увлекавшейся охотничьими забавами, когда часть подразделений охоты перевели из Москвы в Петербург и Петергоф. В результате при ее дворе в 1733 году была учреждена должность обер-егеря (нем. Oberjäger – старший охотник) и в 1736 году – обер-егермейстера (нем. Jägermeister – дословно – мастер-охотник; Oberjägermeister). Кроме этого в придворном штате появились должности для «узких» специалистов: яхт-юнкер (от нем. ягд-юнкер), парфорс-егерь и пикер¹. Впрочем, названия большинства специалистов низшего звена вплоть до начала XX века сохранили традиционные наименования, и новомодные обер-берейторы вполне уживались с традиционными сокольниками и ястребенниками.

¹ См. подробнее: Девятов С. В., Жилаев В. И., Зимин И. В. и др. Охота и политика. Десять веков русской охоты. М.: МедиаПресс, 2009. С. 21.

О внимании императрицы к охоте свидетельствует то, что Анна Иоанновна и последующие правители страны лично принимали решения по ее структуре, штатам и финансированию. В 1740 году, в самом конце правления Анны Иоанновны, императорская охота впервые получила точную организацию с изданием *первого ягд-штата*². Согласно штату при Императорской охоте в 1740 году состояло 175 человек, и расход на ее содержание составлял 8 302 рубля в год. Штатные служащие получали жалованье от 80 до 300 рублей в год, помимо довольствия. Примечательно, что решения, связанные с организацией царской охоты, проводились через Сенат, который издавал указы, например, устанавливавшие «расценки» на «доставление» медведей, волков, лисиц и зайцев в царские зверинцы. По этим расценкам «доставление» медведя оценивалось в 3 рубля, волка – 1 рубль, за лисиц «по полтине», а за зайцев – от 10 до 20 копеек.

Любопытно, что даже мать императора-младенца Ивана VI Анна Леопольдовна оставила свой мимолетный след в организации охоты, подтвердив штат времен Анны Иоанновны³. Пришедшая ей на смену в результате дворцового переворота императрица Елизавета Петровна также приняла ряд важных «охотничьих» организационных решений. Во-первых, в феврале 1742 года она вновь подтвердила существовавший штат Императорской охоты: «Ягд-штат Наш, учиненный генваря

² ОР РНБ. Ф. 650. Д. 457. Штат, учиненный по указу Е. И. В. о придворной псовой и птичьей охоте, как оную впредь содержать, и указ полковнику фон Трескау о передаче излишних лошадей при егерской охоте в придворную конюшню. 22 и 24 сент. 1740 г. См. также: ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 11 (1740–1743). № 8251. Сентября 22. 1740. Высочайше утвержденный Штат придворной псовой и птичьей охоты.

³ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 11 (1740–1743). № 8328. Января 28. 1841. Именной, данный полковнику Трескау. Об отпуске из Штатс-Конторы денег на содержание Придворных егерей и псовой охоты.

28 дня, за подписанием принцессы Мекленбургской ... ныне мы повелеваем содержать до будущего Нашего о сем рассмотрения»⁴. Во-вторых, в октябре 1742 года была создана новая структура – Обер-егермейстерская канцелярия (30 октября 1742), сначала ведавшая только московскими охотами, а с 1745 года и петербургскими. Главной задачей Обер-егермейстерской канцелярии была организация царских охот и содержание обслуживавшей ее инфраструктуры: приобретение и содержание собак и лошадей; наблюдение за выездкой верховых лошадей; натаскивание собак; обучение персонала охотничьему делу; покупка и ремонт ружей; истребление хищных зверей в окрестностях загородных дворцов; надзор за частными лицами, производящими охоты⁵.

Следует отметить, что 1742 год, как дата принятия организационных решений по Императорской охоте, был не случаен. Дело в том, что на свою коронацию в Москву Елизавета Петровна приехала в сопровождении императорской охоты и всю осень и зиму 1742 года провела в охотничьих забавах под Москвой. Таким образом, царские охоты, процветавшие при московских царях, в своих главных подразделениях перекочевали в Петербург только к середине 1740-х годов, но ряд подразделений охоты продолжали оставаться в Москве на своих «исторических» базах.

В период правления Екатерины II Обер-егермейстерская канцелярия изменила ведомственную подчиненность. С 30 октября 1742 года по 15 декабря 1763 года она, как и при Анне Иоанновне, замыкалась непосредственно на Сенат. Затем

⁴ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 11 (1740–1743). № 8520. Февраля 18. 1742. О содержании ягд-штата до рассмотрения по-прежнему.

⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб.: Наука, 2002. С. 158.

Обер-егермейстерскую канцелярию подчинили Третьему департаменту Сената (15 декабря 1763 – 30 декабря 1796)⁶. Такое переподчинение означало снижение статуса императорской охоты, что в свою очередь можно объяснить весьма скромной ролью охоты в увлечениях Екатерины II.

Важным событием для Обер-егермейстерской канцелярии в период царствования Екатерины II стало принятие *второго ягд-штата*, «конформированного» императрицей 26 июня 1773 года⁷. Подготовка нового штата, видимо, началась в середине 1760-х годов обер-егермейстером С. К. Нарышкиным, который еще летом 1764 года направил доклад на имя императрицы Екатерины II о необходимости повышения жалованья служащим Императорской охоты и приложил к докладу штатное расписание «Ее Императорского Величества птичьей охоты»⁸. На следующий 1765 год Нарышкин познакомил императрицу со штатом «венской птичьей охоты»⁹. Видимо, это только некоторые из дошедших до нас документов, из которых следует, что обер-егермейстер С. К. Нарышкин последовательно готовил новый штат Императорской охоты, который и был

⁶ При Екатерине II делопроизводство по управлению императорской охотой было сосредоточено в Обер-егермейстерской канцелярии, которой в 1773 году были предоставлены права наравне с коллежиями. Тогда Обер-егермейстерская канцелярия стала во главе самостоятельного Обер-егермейстерского корпуса.

⁷ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 19. № 14.003. Июня 26. Высочайше утвержденный штат Главной Дворцовой Канцелярии, со всеми принадлежащими к ней местами.

⁸ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 477. Всеподданнейшие доклады императрице Екатерине II о необходимости повышения жалованья служащим Императорской охоты с приложением штата Е. И. В. птичьей охоты. Август 1764 г.

⁹ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 480. Штат венской птичьей охоты. Июнь 1765 г.

подписан императрицей в 1773 году, наряду с другими «охотничьими указами»¹⁰.

Штат определял уровень руководства Обер-егермейстерской канцелярии – должность обер-егермейстера была приравнена к «рангу» генерал-аншефа с жалованьем в 4.188 рублей в год. Должность егермейстера была приравнена к рангу генерал-поручика с жалованьем в 2.531 рублей. Должность унтер-егермейстера к рангу бригадира с жалованьем в 1.271 рублей. Управление Обер-егермейстерской канцелярии продолжало состоять из двух структур: в Петербургской канцелярии работало 12 человек¹¹, в Московской канцелярии всего 4 человека¹².

В штате 1773 года перечислены технические специалисты, которые обслуживали императорский ружейный арсенал и роговой хор: «ружейный рисовальный мастер, ложенный мастер, ружейных егерских и прочих серебряных и медных приборов и гербов литейный мастер, ружейный подмастерье, ствольный заварщик, ложенный подмастерье, обронщик, семь ружейных, ложенных и отливальных учеников». Музыкальные специалисты для ремонта рогов и валторн подмастерье и два ученика.

Штат «птичьей Ее Императорского Величества охоты» включал в себя нижеследующие руководящие должности: «главного статейничего ранга против придворного конюшенного обер-берейтора», статейничего, статейщика, казначея и писаря. Среди должностей служителей упоминаются кречетники, сокольники, ястребенники. Судя по штату, при Обер-егермейстерской канцелярии значилось два птичьих двора. Один

¹⁰ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 19 (1770–1774). № 14.004. Июня 26. 1773. Об отпуске из Дворцовой канцелярии суммы на строения Егермейстерскому Корпусу принадлежащие.

¹¹ Секретарь, протоколист, три канцеляриста, шесть копиистов и казначей в ранге придворного конюшенного комиссара.

¹² Секретарь, канцелярист, подканцелярист, копиист.

находился в Петербурге: «позади Итальянского сада, вблизи Лиговского канала»¹³, другой – в Астрахани¹⁴. Для пополнения птичьих дворов и «для увеселений Вашего Императорского Величества птиц кречетов и соколов содержать, сколько оных ... без недостатка, а для лова тех птиц быть помытчикам для кречетов в Казани, Свияжске, Кузьмудемьянске, в Чебоксарах, в Кошкайке ... всего 211 душ»¹⁵. Упомяну, что Екатерина II любила и трогательно заботилась о птицах, которые жили под сеткой в Малом Эрмитаже.

Штат жестко определял число зверей и служителей в четырех зверинцах. Так, в Петергофском зверинце должны были содержаться американские (120 шт.), немецкие и сибирские (100 шт.) олени, «свиньи американские» (50 шт.) и кабаны (50 шт.). За ними ухаживали 10 человек¹⁶. В маленьком Царскосельском зверинце содержалось 40 маранов [порода кур – *авт.*], которых обслуживали два зверовщика. При московском Измайловском зверинце содержались американские (120 шт.), немецкие и сибирские (200 шт.) олени и кабаны (100 шт.). Обслуживало их 9 человек¹⁷. В Петербургском зверинце содержались экзотические животные: два барса, каракулак, четыре соболя, четыре разных лисицы, три рыси, волк и песец. За ними ухаживали шесть человек¹⁸.

¹³ Его обслуживали два птичника и два ученика.

¹⁴ Обслуживали комиссар и два птичника.

¹⁵ Штат Придворной Обер-Егермейстерской канцелярии с ее конторою, которой имеет равенство с коллежиями, и сколько содержать разного звания чинов, охот, зверей, лошадей и на что определяется годовая сумма, контору. В два годовые срока, то есть в Генваре и июле месяцах получают из нижеписанных присутственных мест. СПб., 1773. С. 15.

¹⁶ «Форштмейстер ранга порутчического», казначей, писарь и семь «зверовщиков».

¹⁷ Форштмейстер и семь зверовщиков.

¹⁸ Комиссар, писарь и четыре зверовщика.

Кроме этого, в штате есть упоминание о собачьих питомниках, которые «доныне имеются в Александровой слободе и в Измайлове», использовавшихся для комплектования Санкт-Петербургской охоты. Там держали борзых кобелей (2 шт.), сук (26 шт.), щенят (112 шт.) и гончих старых выжлецов (6 шт.). Эти питомники обслуживало 56 человек¹⁹.

Главная псовая охота при Екатерине II находилась в Петербурге. Согласно штату, она была укомплектована следующими породами собак: борзые (50 шт.), две стаи гончих (100 шт.), мордашки (12 шт.), духовые (4 шт.) и две легавых. При этой псовой охоте упоминаются охотники, стремянной егеря, выжлятники, наварщики, конюхи, казначей и при нем магазинвахтер, коновал и кузнец, кузнечные ученики и даже семь служителей для бритья и «убирания волосов»²⁰. При егерской команде числился обер-егерь, два биксеншпаннера при ружьях, егеря (10 чел.), егерские ученики (12 шт.) и восемь птичников. Общий штат Обер-егермейстерской канцелярии в 1773 году составил 321 человек. В имперский период истории России это была максимальная численность штатного состава Императорской охоты.

Говоря о новациях в Императорской охоте этого периода, можно упомянуть, что по инициативе обер-егермейстера Нарышкина в 1771 году были решены следующие важные вопросы.

¹⁹ Служитель-пикер, пикерский ученик, корытничий, стремянный Его Императорского Высочества, два корытничих, при всей означенной охоте 20 охотников, шесть доезжачих, 13 выжлятников, два коблущешника, два колоколешника, четыре конюха, коновал, кузнец и его ученик.

²⁰ Должности служителей включали в себя: кречетников, сокольников и ястребеников – 30 человек, пять охотников, шесть выжлятников, пять наварщиков, два конюха, семь наварщиков, семь конюхов, казначей и при нем магазинвахтер, коновал и кузнец, два кузнечных ученика, и казначей при псовой охоте.

Во-первых, указом от 6 мая 1771 года все чины обер-егермейстерского ведомства вместе со всеми дворцовыми служителями были освобождены от телесных наказаний. Во-вторых, был решен «пенсионный вопрос» – чины охоты, выходя в отставку «за дряхлостью лет» или за полной «инвалидностью», награждались пенсией в размере жалованья, или же им поручали более легкое дело с сохранением прежних окладов. Также можно упомянуть, что в 1773 году в штат Обер-егермейстерской канцелярии были определены ягд-пажи, из которых предполагалось вырастить специалистов в различных областях императорской охоты²¹.

Третье изменение штатного расписания Императорской охоты произошло при императоре Павле I. Надо заметить, что именно Павел I в декабре 1796 года придал императорскому двору структурную устойчивость, подвергнув его глубокому реформированию. По-немецки пунктуальный император впервые включил Императорскую охоту непосредственно в придворные структуры, ликвидировав фактическую подчиненность обер-егермейстера непосредственно императору. По указу от 30 декабря 1796 года Обер-егермейстерская канцелярия ликвидировалась, как и ее московский филиал. Затем на ее базе была сформирована Егермейстерская контора, которую подчинили Придворной Его Императорского Величества Конторе. Во главе структуры по-прежнему стоял обер-егермейстер, которому подчинялись егермейстер и унтер-егермейстер. При этом обер-егермейстер был отнесен по должности к первым, а егермейстер ко вторым чинам императорского двора. Видимо, эти изменения придворной охоты готовились еще при Екатерине II

²¹ ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 19 (1770–1774). № 14.005. Июня 26. 1773. Об определении при Обер-Егермейстерском Корпусе 10 лет-пажей из Дворянства, для образования их к должностям при сем Корпусе и к форштмейстерским делам и о назначении 2.000 рублей на содержание их.

(императрица умерла в ноябре, а в декабре 1796 года был принят новый штат), которая в силу возраста и болезней уже не присутствовала на охотах полтора десятка лет.

Таким образом, Императорская охота была организационно еще дальше отдалена от первого лица, и, что особенно важно, число штатных должностей охоты значительно сокращалось – с 321 человека до 162, то есть на 50 %. При этом больше всего пострадали псовая и птичья охоты. Например, псовая охота по штату 1773 года насчитывала 86 человек, а по штату 1796 – 55 человек. Птичья охота, соответственно, была сокращена с 45 до 19 человек. Тогда же были ликвидированы Петербургский и Астраханский птичники. Такие изменения могли произойти только с ведома императора, который весьма мало интересовался охотой.

Четвертый штат Императорской охоты был утвержден в декабре 1801 года²². Отмечу, что по традиции российские императоры начинали с совершенно бесполезной вещи – попыток сократить расходы императорского двора. После воцарения Александра I, который, как и его отец, охоте не уделял большого внимания, последовало очередное сокращение штатов. По штатам 1801 года весь персонал Императорской охоты составил 110 человек (в 1796 году – 162 человека). При этом численность егермейстерской команды составила 31 человек, псовой охоты – 54 человек и птичьей охоты – 19 человек.

При этом, если псовая охота в начале XIX века продолжала свое скромное существование, то птичья охота, как ярчайший феномен XVII века, свое существование при императорском дворе Александра I фактически закончила. К этому времени

²² ПСЗРИ. Изд. 1. Т. 26 (1800–1801). № 20079. Декабря 18. 1801. Придворный штат.

охота с ловчими птицами (соколиная охота) базировалась в Москве на Семеновском потешном дворе. Но еще Павел I отнял льготы у помытчиков²³, которые традиционно занимались поставками ловчих птиц к императорскому двору, фактически обратив их в дворцовых крестьян²⁴. В результате на Семеновском потешном дворе в 1805 году числилось всего 5 ловчих птиц. Окончательно (де-факто) соколиная охота была уничтожена пожаром Москвы в 1812 году. Де-юре московская соколиная охота была ликвидирована Николаем I в 1826 году, и все строения Сокольничьей слободы были переданы в ведение Кремлевской экспедиции.

С образованием Министерства императорского двора (1826) был утвержден *пятый штат* Императорской охоты²⁵, оставивший без изменений штатное расписание, принятое в 1801 году (110 человек)²⁶. Таким образом, к 1826 году Императорская охота из влиятельной придворной структуры, которая выполняла важные представительские и дипломатические функции, превратилась в одно из многих установлений Министерства императорского двора. Обер-егермейстер, который до

²³ Помытчики (от «помыкать», «помыскать») – ловцы птиц, для царской птичьей охоты.

²⁴ Около 900 чел.

²⁵ РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 128. По именным Высочайшим повелениям о доставлении списков всему состоящему в ведении Егермейстерском, о новом преобразовании сего ведения с поднесением нового штата. 1826.

²⁶ Примечательно, что в 1826 году со всех чиновников Министерства императорского двора были взяты подписки о запрещении состоять в масонских ложах. Это было связано с тем, что Александр I в последние годы своего царствования масонские ложи запретил, однако в ходе следствия по делу декабристов выяснилось, что многие из них продолжали фактически состоять в различных масонских ложах. Такую подписку дали и чиновники «обер-егермейстерского ведения». См.: РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 132. О взятии со всех обер-егермейстерского ведения чиновников подписок кто состоял и не состоял в масонских ложах. 1826.

1796 года фактически имел прямой «выход» на первое лицо, утрачивает эту важнейшую привилегию и становится одним из высокопоставленных чиновников Министерства императорского двора, подчиненного министру двора.

Шестой штат Императорской охоты был завизирован 22 января 1833 года Николаем I. Прежде всего стоит отметить, что принятие нового штата означало дальнейшее сокращение штатных единиц со 110 до 108 человек. Сокращение было весьма незначительным – 2 человека, но важна была тенденция. Фактически Императорская охота медленно умирала. Третий император подряд не проявлял к охоте фактически никакого интереса. Для придворных структур такое отношение со стороны первых лиц было губительным.

В качестве структурного новшества штат 1833 года разделил весь личный состав охоты на три категории. К первой категории были отнесены старший егерь, старший доезжачий, стремянный и ряд других должностей. Во вторую категорию были включены младшие егеря, младшие доезжачие, стремянные, вабельщик и выжлятники. К третьей категории – егерские ученики, стремянные, младшие тенетчики, наварщики и прочие.

Во второй половине 1830-х годов для Императорской охоты забрезжили более светлые перспективы. Это было связано с искренним интересом к охоте подрастающего цесаревича Александра Николаевича. Благоприятную ситуацию пытался использовать в 1838 году временно управляющий Егермейстерским ведомством граф П. А. (?) Фредерикс, а вслед за ним и обер-егермейстер граф Д. В. Васильчиков. Однако Николай I новые проекты штатов охоты не утвердил.

В начале 1840-х годов Министерство императорского двора вступило в период реформ. Николай I подписал несколько

штатов по Министерству императорского двора 1 января 1843 года, в том числе и *седьмой штат* по Егермейстерской конторе. Принципиально важным было то, что по этому штату был несколько увеличен личный состав охоты со 108 до 126 человек, т. е. прирост составил всего 18 человек. При такой численности личного состава во время высочайших охот невозможно было выводить на стрелковую линию более чем 15 стрелков.

Конечно, такой «прирост» личного состава не мог реанимировать Императорскую охоту, но тем не менее обнадеживающая тенденция вполне оформилась, правда, реализации надежд ждали еще почти 15 лет. Все это время личный состав Императорской охоты обеспечивал охоты наследника-цесаревича, которые шли все с большим размахом. Это удавалось делать с большим напряжением сил. Интересы наследника были сосредоточены на ружейной и псовой охоте, поэтому ее удалось сохранить. Согласно штатам 1833 года псовая охота включала в себя всего 145 собак: 90 взрослых и 55 щенков. По штату 1843 года число собак было сокращено, поскольку было решено держать только борзых собак, всего 6 свор. Однако, не без «прикрытия» наследника цесаревича, это сокращение не было реализовано. Более того, кроме борзых и гончих собак в составе псовой охоты появились собаки новых пород: медельянские псы, водолазы, духовые, сеттера. Имелись и легавые собаки. Надо сказать, что Николай I всячески поддерживал увлечение сына охотой, справедливо считая, что охота формирует мужской характер.

Возрождение императорской охоты началось в царствование Александра II. На 1857 год в Москве готовилась коронация Александра II в Успенском соборе Московского Кремля. По традиции в коронационных торжествах принимала участие и Императорская охота. Егеря в парадных кафтанах, расшитых

золотым галуном, должны были принять участие в коронационном проходе. Кроме этого, для молодого императора, аристократии и дипломатов должны были быть устроены масштабные охоты в подмосковных лесах.

В этой ситуации обер-егермейстер граф П. К. Ферзен возбудил ходатайство об увеличении штатов Императорской охоты. В результате 3 марта 1857 года Александр II утвердил *восьмой штат* Императорской охоты. Тенденция к увеличению численного состава Императорской охоты, обозначившаяся в 1843 году, была сполна реализована в 1857. Согласно новому штату личный состав охоты был увеличен с 126 до 170 человек, т. е. увеличение составило 44 человека по сравнению со штатом 1843 года. Произошли и некоторые изменения в перечне штатных должностей: добавили 10 егерей, 10 егерских учеников, 17 тенетчиков, 9 вабельщиков, трех конюхов, ветеринарного врача и фельдшера. Но были и некоторые потери – в 1857 году ликвидировали «Фазанную ферму», сочтя содержание фазанов в условиях петербургского климата весьма затратным.

В последующие годы «де-факто» численность Императорской охоты то увеличивалась, то сокращалась, например, вне штата восстановили «Фазанное заведение». Эти решения проводились разовыми приказами министра императорского двора, с ведома и одобрения Александра II. В результате сложилась довольно обычная ситуация, «штатно-бюджетный» состав Императорской охоты вплоть до смерти Александра II определялся указом 1857 года, однако существовали и сверхштатные должности, вводимые разовыми приказами министра императорского двора.

В результате на конец 1870-х годов реальный штат императорской охоты включал в себя:

1. К Конторе Императорской охоты причислялись: обер-егермейстер, егермейстер, управляющий конторой, два столоначальника, четыре канцелярских служителя и два сторожа (11 человек).

2. Лица «первой статьи»: унтер-егермейстер, управляющий охотой, комиссар, лекарский помощник, смотритель зверинцев, магазейнвахтер и писарь при комиссаре, писец при унтер-егермейстере, писец при управляющем охотой, егерь при Его Величестве, егерь при команде, фазан-егерь, коновал, доезжачий, стремянный, тенетчик, вабельщик и фельдшер (всего 17 человек).

3. Лица «второй статьи»: егерей 14 человек, стремянных 5 человек, доезжачих 3 человека, вабельщиков 5 человек, выжлятников 4 человека, конюх, кузнец и шорник (34 человека).

4. Лица «третьей статьи»: помощник фазан-егеря, егерей 15 человек, стремянных 5 человек, тенетчиков 19 человек, выжлятников 4 человека, наварщиков 3 человека, конюхов 6 человек, зверовщик, кузнец, караульщики 4 человека, школьников 12 человек (71 человек)

5. «Щенячье заведение»: выжлятник 2 ст., выжлятник 3 ст., наварщик 3 ст. (3 человека).

Таким образом, фактический штат Императорской охоты на конец правления Александра II составил 136 человек²⁷, «заточенных» под охотничьи предпочтения Александра II.

Александр III унаследовал от погибшего отца страсть к охоте. Как принято, после смены ближайшего окружения императора начались структурные и кадровые изменения, пришедшиеся на 1882 год. Если ранее охота замыкалась на министра императорского двора, то 17 января 1882 года Императорскую охоту подчинили обер-гофмаршалу. В рамках

²⁷ РГИА. Ф. 478. Оп. 4. Д. 321. Штаты императорской охоты. 1882.

этой подчиненности 5 марта 1882 года Егермейстерская контора была ликвидирована и на ее основе создали новую структуру – Управление императорской охотой. 13 мая 1882 года был установлен дополнительный штат личного состава императорской охоты. Кроме этого, Гатчинский зверинец, ранее подведомственный Гатчинскому дворцовому управлению, был подчинен руководству Императорской охоты. В конце концов 2 декабря 1882 года Управление императорской охотой вновь переподчинили министру императорского двора графу И. И. Воронцову-Дашкову.

С 1882 года структура Управления императорской охоты включала три подразделения: 1. *Канцелярия начальника* (с 15 марта 1882 года по 1917), которая ведала письмоводством, счетоводством и отчетностью; 2. *Охотничья часть* (с 28 марта 1883 года по 1917), которая занималась организацией и проведением высочайших охот. Кроме этого, ее персонал отвечал за обучение служащих охотничьему делу, наблюдением за выездкой верховых лошадей, подготовкой охотничьих собак, наблюдением за правильным уходом за лошадьми, собаками и зверьми. Главные структуры Императорской охоты с 1857 года базировались в Гатчине в Егерской слободе, расположенной поблизости от Гатчинского дворца. Возглавлял Охотничью часть «Ловчий Его Императорского Величества» (после утверждения 17 января 1886 года министром императорского двора дополнительных правил к «Положению об управлении Императорской охотой»). Ему подчинялись «Государев стремянной», оруженосец и весь личный состав «охотничьей прислуги»; 3. *Хозяйственная часть* (с 28 марта 1883 года по 1917) ведала всеми зданиями, сооружениями и заведениями, а также приписанными к Императорской охоте угодьями; заготовлением, приемом, хранением и выдачей необходимых для содержания охоты припасов, материалов и вещей.

28 марта 1883 года Александр III утвердил новый временный *девятый штат* Императорской охоты, «в отмену прежнему», в составе 148 человек²⁸. Фактически этот «временный» штат с небольшими изменениями просуществовал до 1917 года. Результатом решений 1882–1883 годов стало обретение Императорской охотой большей профессиональной и хозяйственной самостоятельности. Очень важным было решение о возможности охоты царскими егерями на территории казенных лесных дач, без высочайшего присутствия. Это было необходимо для поддержания «рабочей» формы как егерям так и собакам. Следует напомнить, что запрет Павла I использовать

²⁸ Штатное расписание 1883 г. включало: Начальник Императорской охоты (1 чел., 6.000 руб. в год, 3 кл. должн.); Ловчий Его Величества (1 чел., 3.000 руб., 5 кл. должн.); Заведующий хозяйством (1 чел., 1.500 руб., 7 кл. должн.); Государев стремянный (1 чел. 1.200 руб.); Старший стремянный (1 чел. 360 руб.); Стремянных (13 чел., по 300 руб.); Старший доезжачий (1 чел., 360 руб.); Доезжачих (3 чел., по 300 руб.); Выжлятников (8 чел., по 240 руб.); Старший вабельщик (1 чел., 420 руб.); Вабельщиков (5 чел. по 360 руб.); Старший тенетчик (1 чел., 360 руб.); Тенетчиков (38 чел., 240 руб.); Старший кучер (1 чел., 300 руб.); Кучеров (5 чел., по 240 руб.); Наварщиков (5 чел., по 216 руб.); Кузнецов (2 чел., по 240 руб.); Шорник (1 чел., 240 руб.); Государев ружьеносец (1 чел., 700 руб.); Егерей (20 чел., по 300 руб.); Старший корытничий (1 чел., 360 руб.); Корытничих (2 чел., по 240 руб.); Смотритель зверинцев (1 чел., 600 руб.); Зверовщик старший (1 чел., 240 руб.); Зверовщиков (2 чел., по 240 руб.); Мл. Зверовщиков (4 чел., по 180 руб.); Караульщики (2 чел., по 216 руб.); Мл. Караульщики (4 чел. по 180 руб.); Классный фельдшер (1 чел. 540 руб.); Фельдшер (1 чел., 360 руб.); Ветеринарный фельдшер (1 чел., 480 руб.). Канцелярия Начальника Императорской охоты: Делопроизводитель (1 чел., 1.800 руб.); Бухгалтер (1 чел., 1.000 руб.); Зав. материальным столом (1 чел., 800 руб.); Канцелярских чиновников 1-го разряда (2 чел. по 540 руб.); Канцелярских чиновников 2-го разряда (3 чел., по 420 руб.); Сторож (1 чел., 180 руб.). По Дворцовой ферме: Смотрительница Фермы (1 чел., 300 руб.); Рабочих мужчин (3 чел., по 180 руб.); Женщин (3 чел., по 144 руб.). По Волковицкой лесной даче: Смотритель дачи (1 чел., 360 руб.); Лесников (2 чел., по 180 руб.). Всего 148 чел.

псовую охоту в его отсутствие привел к фактической ее ликвидации. В результате за 13 лет царствования Александра III Императорская охота была задействована 852 раза, при этом охот «в высочайшем присутствии» состоялось 204. Следовательно, Императорская охота в среднем задействовалась 65–66 раз в год, а император охотился 15–16 раз в год²⁹. Такая практика позволяла эффективно поддерживать форму как егерям, так и собакам.

Императорская охота официально «закончилась» в марте 1917 года, вскоре после отречения Николая II. Однако медленное умирание охоты началось гораздо раньше, после начала Первой мировой войны в 1914 году, когда многие из чинов Императорской охоты были мобилизованы в действующую армию, а император Николай II фактически перестал охотиться. В архиве сохранился документ, датируемый 24 декабря 1916 года, в котором перечислен действующий состав Императорской охоты за три месяца до ее «официальной кончины». Тогда по штату охота включала 134 человек, но в строю фактически оставалось 59 человек.

В этом же документе приводится список мобилизованных чинов Императорской охоты на 90 человек. Например, из числа прикомандированных к Николаю II в качестве ординарца упоминается егерь Н. Кожин; при великом князе Михаиле Александровиче ординарцем числился егерь И. Баранов; при обер-егермейстере князе Д. Б. Голицине на Кавказском фронте служили егерь и тетенчик³⁰.

²⁹ Обзор деятельности министерства Императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894 гг. Ч. 1. СПб., 1901. С. 244.

³⁰ РГИА. Ф. 498. Оп. 4. Д. 398. Рапорт о состоянии Императорской охоты на 24 декабря 1916 г.

Личный состав	По штату	На военной службе	В командировке	Налицо
Государевых стрелянных	1			1
Стрелянных	14	4		10
Доезжачих	4	1		3
Выжлятников	8	6		2
Вабельщиков	6			6
Тенетчиков	20	11	1	8
Наварщиков	5	2		3
Корытничих	3	2		1
Старших егерей (ранее государев ружьеносец)	1	1		
Егерей	20	8	6	6
Лесников	30	20		10
Смотрителей конюшни	1			1
Конюшенных	15	11		4
Кучеров	6	2		4
	134 чел.	68 чел.	7 чел.	59 чел.

Официально Императорская охота «закончилась» 28 марта 1917 года с отставкой обер-егермейстера князя Д. Б. Голицина. С этого времени императорская охота стала именоваться в документах «бывшей Императорской охотой». Название Егерской слободы в Гатчине также было изменено на Гатчинское государственное учебно-показательное охотничье хозяйство. На протяжении марта – ноября 1917 года бывшую императорскую охоту возглавлял Г. П. Карпов.

Осенью 1917 года, в связи с ухудшившимся положением на фронтах, началась подготовка к эвакуации охоты. 5 сентября 1917 заведующему бывшей императорской охотой Карпову было предложено разработать план ее эвакуации. 29 сентября 1917 года Карпов представил свои соображения, где в числе

прочего он предлагал эвакуировать наиболее ценные породы собак императорской псарни: «Имея намерение сохранить хотя бы часть высокоценной стаи гончих англо-костромичей, еще более ценных псовых борзых и меделян после частичной ликвидации псарни бывшей императорской охоты, администрация организуемого Гатчинского государственного учебно-показательного охотничьего хозяйства предполагает переселить до 60 собак при 6 служащих в охоты на один из государственных конских заводов в восточной России, где условия размещения псарни, прокорм собак и возможность предоставления им практических охот были бы благоприятны»³¹. В качестве конечного пункта эвакуации Г. Карпов предлагал «Кустанайский рассадник киргизских лошадей».

В ответе Г. П. Карпову (21 октября 1917) управляющий Министерством земледелия предписывал: во-первых, принять меры к скорейшей отправке всех собак в Кустанай; во-вторых, разработать план эвакуации зубров; в-третьих, разработать план охраны территории и имущества бывшей императорской охоты на случай общей эвакуации. Однако эти планы осуществлены не были, поскольку в ночь с 25 на 26 октября 1917 года власть в Петрограде взяли большевики и страна начала погружаться в хаос Гражданской войны.

Таким образом, с 1740 по 1883 год было принято 9 штатных расписаний Императорской охоты. Как следует из приведенных документов, максимальной численности штаты охоты достигли при Екатерине II (321 человек), минимальной – в 1833 году (108 человек)³² при Николае I. Периодически менялась ее

³¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3028. Л. 2. Об эвакуации охоты. 1917 г.

³² Штаты: 22 сентября 1740 г. (175 чел.); 26 июня 1773 г. (321 чел.); 30 декабря 1796 г. (162 чел.); 18 декабря 1801 г. (110 чел.); 22 августа 1826 г. (110 чел.); 22 января 1833 г. (108 чел.); 1 января 1843 г. (126 чел.); 3 марта 1857 г. (170 чел.); 28 марта 1883 г. (148 чел.).

структура и подчиненность, но всегда главенствующую роль, де-факто определяющую статус Императорской охоты, играла увлеченность охотой первого лица империи.

Несколько слов надо сказать и о *финансировании Императорской охоты*. Финансирование определялось при «конфирмации» очередного штата первым лицом страны. В целом финансирование было жестко привязано к штатным единицам и числу подразделений императорской охоты. Поэтому сокращение (увеличение) штатов и упразднение (учреждение) тех или иных подразделений Императорской охоты сопровождалось соответствующим сокращением или увеличением финансирования.

Вместе с тем такая прямая зависимость существовала не всегда. Так, первая половина XIX века, т. е. время Александра I и Николая I, которые не отличались большой любовью к охоте, в целом характеризовалась постепенным увеличением финансирования. По данным Н. Кутепова за 50 лет (с 1808 по 1858) расходы на императорскую охоту увеличились почти в пять раз³³. Связано это было как с инфляционными процессами, так и тенденцией к ее специализации и росту профессионализма. Немаловажным фактором была и интенсивность высочайших охот. Дело в том, что каждая охота имела свою «стоимость». В нее входила и оплата труда загонщиков-крестьян, которые не входили в штат охоты, транспортные и прочие расходы. На рубеже 1840–1850-х годов каждая охота в высочайшем присутствии требовала затрат от 260 до 900 рублей. Поэтому действительные затраты на императорскую охоту постоянно превышали «штатное финансирование». Эту разницу покрывали во время разработки очередного штата.

³³ Кутепов Н. Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век. Исторический очерк. Т. 4. СПб., 1911. С. 155.

Так, в 1857 году, после принятия новых штатов, финансирование охоты увеличилось в 1,5 раза. Следует также иметь в виду, что Николай I, принимая без особого фанатизма участие в охотах, считал необходимым их устраивать не только для своего окружения, но и «угощать» русской охотой дипломатов и высочайших европейских визитеров.

Тщательно подводились итоги охот не только самими охотниками, но и финансистами, которые суммировали все затраты. Судя по итоговым суммам, убитые звери и птицы выходили буквально «золотыми», но удовольствие того стоило, да и настоящий мужской адреналин никто не отменял. Поэтому царям в голову не приходило задумываться над такими мелочами, как стоимость их охот. Тем не менее из архивных документов мы можем узнать об этих затратах. В числе прочих затрат была и такая традиционная статья, как «водочные ямщикам», которые везли охотников на место охоты. В 1856 году царские охоты обошлись в 3.599 рублей 99 копеек. Эти «99 коп.» сегодня просто умиляют. В «коронационном» 1857 году только четыре царские охоты «стоили» 10.201 рубль. В 1858 году семь охот стоили 23.850 рублей. В 1859 году восемь охот – 14.052 рубль. В результате за четыре года высочайших охот было издержано 52.414 рублей. Следует иметь в виду, что эта сумма включала в себя все расходы на охоту, от «водочных» ямщикам до «трактования» (т. е. питания) многочисленных участников охот³⁴.

Примечательно, что до Александра II финансирование высочайших охот не выделялось «отдельной строкой». Деньги на высочайшие охоты, которые требовали значительных затрат,

³⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 4. Д. 1718. Л. 1–4. О доставлении г. Министру выписки о расходах, произведенных по случаю бывших Высочайших охот в 1856, 1857, 1858 и 1859 гг. 1860 г.

каждый раз переводились из фондов Гофмаршальской части³⁵. Это было неудобно, поскольку сопровождалось объемной и мелочной перепиской. Поэтому при Александре II формируется новый порядок финансирования высочайших охот, когда «на производство и подготовку высочайших охот» требуемые деньги «по образцу прежних лет» закладывались непосредственно в бюджет императорской охоты. Эта практика была сохранена при Александре III и Николае II. Так, в «Смете расходов Императорской охоты на 1883 г.» указывалось, что «на производство охот в Высочайшем присутствии» предполагается затратить 20.000 рублей³⁶.

С учетом того, что за 13 лет царствования Александра III состоялись 852 охоты, а на их финансирование (со 2 апреля 1881 года по 29 августа 1894) было потрачено 420.000 рублей, следовательно, каждая из таких охот в среднем обходилась в 500 рублей. Примечательно, что расходы по императорской охоте Александр III с 1884 года взял под свой личный контроль. По его распоряжению чины Егермейстерской конторы должны были ежемесячно предоставлять царю «ведомости о движении и состоянии денежных оборотов по имперской охоте»³⁷. Видимо, это решение царя было вызвано его периодическими эмоциональными всплесками, связанными с попытками начать «экономить» на расходах императорского двора.

³⁵ РГИА. Ф. 478. Оп. 1. Д. 89. О требовании и получении от Обергофмаршала сумм на расходы во время поездок Государя Императора на охоты. 1855.

³⁶ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2644. Л. 3. Смета расходов Императорской охоты на 1883 г.

³⁷ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2681. О предоставлении Его Величеству ежемесячно ведомости о движении и состоянии денежных оборотов по имперской охоте. 1884.

Т. Д. Исмагулова

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА ПОСЛЕДНЕГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ КЕРЕНСКОГО, ИЛИ ОХОТА НА КЕРЕНСКОГО. ГАТЧИНА, 1917 ГОД

Последняя охота 1917 года в любимой императорами Гатчине была печальной. В своем дневнике великий князь Михаил Александрович, младший брат Николая II, по некоторым версиям последний император, «второй Михаил» царствующей династии, на котором она прервалась, записал: «12 марта, воскресенье. Гатчина. В 11 ч. Наташа, Тата и я поехали в церковь. На дворцовой башне развевался отвратительный красный флаг, говорили, что жители требовали, чтобы был снят с купола двуглавый орёл, но это удалось отстоять [...] Все эти дни в Зверинце шла пальба по бедным оленям, которых перебили в громадном количестве. Стреляли солдаты разных частей. Пули долетали даже до города. Вчера на них, т. е. на этих охотников, сделали облаву и прекратили, к счастью, эту бойню и хулиганство»¹.

Событие символическое. Охота на оленей легко преобразилась в охоту на людей, уже на охотников «сделали облаву». Вероятно, это была логика революционного года.

Следующий верховный правитель России, с 7 (20) июля до 26 октября (8 ноября) 1917 года «Министр-председатель Всероссийского Временного Правительства» Александр Федорович Керенский приехал в Гатчину отнюдь не для охоты, а считая ее удачным пунктом для сбора верных ему сил. Временное правительство уже было арестовано.

¹ Цит. по: Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича, 1915–1918 / Сост. Хрусталев В. М. М.: ПрозаиК, 2013. С. 401.

Главнокомандующий ожидал прибытия сюда с фронта преданных ему войсковых частей. О событиях 1917 года здесь он рассказал несколько раз, в разных вариантах и в разное время, но наиболее достоверной представляется версия 1922 года, опубликованная как в журнале², так и изданная отдельной книгой – «Гатчина», 1922 год. Разумеется, автор не называл имен и некоторых обстоятельств, опасаясь повредить кому-либо, но сюда еще не наложила отпечаток неприязнь, возникшая уже в эмиграции между двумя участниками событий – тогда первым директором Гатчинского дворца и верховным правителем России, который приехал в императорскую Гатчину, конечно же, не охотиться – охота началась уже за ним самим.

«Оставалось одно: ехать, не теряя ни минуты, навстречу эшелонам, застрявшим где-то у Гатчины и протолкнуть их в СПб., несмотря ни на какие препятствия. Посоветовавшись с министрами Коноваловым и Кишкиным (к этому времени подоспевшим); переговорив с некоторыми оставшимися верными присяге офицерами Штаба, я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, войска.

Прежде всего для этого нужно было среди белого дня проехать через весь город, не возбуждая подозрения разбросанных повсюду большевистских войск и караулов красной гвардии. Это было самым трудным... После некоторого размышления решили идти напролом: чтобы усыпить всякую неосторожность будем действовать с открытым забралом»³.

Первый спорный момент – как именно Керенский добрался до Гатчины из фактически уже захваченного большевиками

² Керенский А. Ф. Гатчина // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 147–180.

³ Керенский А. Ф. Гатчина... С. [5].

Петрограда? По версии графа Зубова, на автомобиле под английским флагом. По версии Керенского – автомобиль с американским флагом присоединился к нему случайно.

«Я приказал подать мой превосходный открытый дорожный автомобиль. Солдат-шоффер был у меня отменно мужественный и верный человек. Один из адъютантов объяснил ему задачу. Он, ни секунду не колеблясь, её принял. Как назло у машины не оказалось достаточного для долгого пути количества бензина и ни одной запасной шины. Предпочитаю лучше остаться без бензина и шин, чем долгими сборами обращать на себя внимание. Беру с собой в дорогу кроме двух адъютантов ещё капитана Кузьмина, пом. команд, войсками и его штаб-офицера. Каким образом, не знаю, но весть о моём отъезде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского, и, насколько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали, чтобы со мной в дорогу пошёл автомобиль под американским флагом. Хотя было более чем очевидно, что американский флаг, в случае неудачи прорыва, не мог бы спасти меня и моих спутников, и даже, наоборот, во время проезда по городу мог бы усилить к нам ненужное совсем внимание, я всё-таки с благодарностью принял это предложение, как доказательство внимания союзников к русскому Правительству и солидарности с ним»⁴.

А вот версия графа В. П. Зубова: «Неделю спустя, 25 октября, я собирался сесть завтракать в моих комнатах в кухонном карэ Гатчинского дворца, как во двор влетел автомобиль с английским флажком. Приготовленный к серьезным событиям на этот день, я не был слишком удивлен, когда мне доложили, что приехал Керенский, бежавший из столицы. Он вошел к коменданту гатчинского гарнизона, полковнику Свистунову,

⁴ Керенский А. Ф. Гатчина... С. [5].

занимавшему несколько комнат в нижнем этаже. Адъютант Керенского, мой приятель, присяжный поверенный Борис Ипполитович Книрша⁵, офицер военного времени, сейчас же поднялся ко мне и от него я узнал о необычайных событиях, происшедших в это утро в Петербурге. Брожение в тамошнем гарнизоне достигло накануне такой степени, что председатель совета министров не чувствовал себя в безопасности в Зимнем дворце, в частных апартаментах бывшего императора, в которых он имел безвкусие поселиться. Он предпочел переехать на эту ночь в соседнее здание штаба войск гвардии и округа на Дворцовой площади по ту сторону Миллионной улицы. Тут у него созрел план отправиться на фронт за войсками, на которые он мог бы опереться. Утром он, однако, заметил, что все сообщения между ним и внешним миром прерваны: телефонные провода перерезаны, из всех военных автомобилей, в большом числе стоявших на площади, удалены свечи, так что первый министр, в то же время гордо именовавший себя верховным главнокомандующим, не мог воспользоваться ни единым способом передвижения. Ему оставалась одна надежда – помощь иностранного посольства»⁶.

Главный источник противоречащих сведений (кроме глаз самого Зубова, видевшего автомобиль) – адъютант Керенского,

⁵ Борис Ипполитович Книрша (1885–?), – помощник присяжного поверенного, в годы Первой мировой войны находился в армии, в 1917 был адъютантом управления автомобильной частью Петроградского военного округа. Именно поэтому он получил утром 25 октября 1917 года приказ доставить автомобиль для Керенского, а по выполнении этого поручения сопровождал главу Временного правительства до Гатчины, где после бегства Керенского 1 ноября 1917 года был арестован и давал показания комиссии Петроградского военно-революционного комитета. Его показания опубликованы в журнале «Красный архив». 1925. Т. 2 (9). С. 179–185.

⁶ Зубов В. П. Страдные годы России / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Т. Д. Исмагуловой. М.: «Индрик», 2004. С. 47.

приятель директора, «присяжный поверенный Борис Ипполитович Книрша, офицер военного времени», о котором практически ничего не известно, несмотря на его явную связь с «верховным» правителем; в книгах самого Керенского и о Керенском упоминаний о нем пока не обнаружено. Но кое-что выяснить все же удалось.

Борис Ипполитович Книрша родился в селе Черкизове Московской губернии 21 июля (по старому стилю) 1885 года (то есть он всего на полгода младше графа В. П. Зубова и на 4 года младше самого Керенского). Был крещен 28 июля, о чем запись была сделана в метрической книге церкви «Московского уезда Ильинской села Черкизово». Отец его «Киевской губернии города Тараща мещанин Ипполит (по метрике Филипп) Иванов(ич) Книрша»⁷, мать – законная жена его Сусанна Иванова (то есть Ивановна), оба православные. Фамилии матери в документах нет, но возможно, она Шелаева или Елагина, если восприемники новорожденного ее родственники. Крестил младенца священник Павел Смирнов.

По месту рождения сына понятно, что «Киевской губернии города Тараща мещанин Ипполит» с супругой перебрался с Украины в пригород Москвы, а дальше он уже в столице России, и его сын был отдан в 10 лет учиться во Введенскую гимназию на Петроградской стороне. Закончил он учебное заведение не слишком успешно⁸ (опять же в отличие от Зубова, получившего в своей 2-й классической гимназии золотую медаль), пятерка у него единственная по французскому языку, но это знаменательно. После выпуска в 1903 году сын уже «потомственного почетного гражданина», как значилось в его «Кондуитном списке», поступил в 1903 году в

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40915. Книрша Борис Ипполитович. Лл. 4, 10.

⁸ Там же. Лл. 4, 4 об.

Санкт-Петербургский Императорский университет на физико-математический факультет «по разряду математических наук»⁹, что было явной ошибкой, если судить по его аттестату.

16 марта 1895 года его отец «представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство» и из «Санкт-Петербургского второй гильдии купца и кавалера ордена Святого Станислава 3 степени Ипполит (он же Филипп) Иванов Книрша»¹⁰ с женой и сыновьями Борисом, Андреем и дочерью Анной был переведен в сословие почетных граждан. Любопытно, что местом жительства Борис Ипполитович Книрша в своем прошении на получение грамоты указал Курляндскую губернию, а местом временного проживания Европейскую гостиницу Санкт-Петербурга.

Через год, 16 сентября 1904 года, студент-математик Книрша подал прошение¹¹ ректору о переводе на юридический факультет, на котором учился гораздо успешнее. Возможно, к этому времени относится знакомство Бориса Ипполитовича Книрши с графом Валентином Платоновичем Зубовым, в свою очередь поступившим в Императорский университет, но на историко-филологический факультет. Полагаю, тогда общение между разными факультетами университета было достаточно интенсивным, ведь когда осуществилась знаменитая поездка за рубеж студенческой компании во главе с молодым графом Зубовым, двое из них были с юридического факультета (Охотников и Олив), и только Сергей Бертенсон, как и сам Зубов, учился на историко-филологическом.

Не приняв участие в «зубовской» поездке за образованием в Германию, Книрша в том же 1905 году подал прошение о выезде за границу, а 17 февраля 1907 просил ректора университета

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40915. Л. 3.

¹⁰ Там же. Лл. 15, 16.

¹¹ Там же. Л. 19.

по обычаю дать разрешение «вступить в брак с французской подданной Жермэнь-Валентинь Шарлотть Мартэнь»¹². (Вот где сказалась «пятерка» по французскому языку!) Разрешение им было получено¹³.

«Запись студента Императорского Санкт-Петербургского университета юридического факультета Книрша Борис Ипполитович» свидетельствовала об успехах обучения именно в этом направлении: здесь оценки «весьма удовлетворительно» почти по всем предметам, в том числе по римскому праву, курс которого читал профессор Покровский¹⁴, «догмы римского права» вел профессор Гримм, «энциклопедию права» и «историю философии права» – профессор Лев Иосифович Петражицкий, а «полицейское право» – профессор Гессен.

В результате «Книрша Б. И.» был оставлен при университете «на кафедре уголовного права», поскольку был «избран юридическим факультетом для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности»¹⁵. Но вместо солидной работы педагогом, он оказался в кругу приближенных Керенского, который сам незадолго до этого закончил тот же юридический факультет. В мемуарах будущий премьер вспоминал свои «университетские годы», в том числе «молодого казанского профессора Эрвина Гримма, которого назначили на место популярного профессора, специалиста по истории

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40915. Л. 21.

¹³ Там же. Л. 22.

¹⁴ Покровский Иосиф Алексеевич (7 сентября 1868 года, Черниговская губерния – 13 апреля 1920 года, Москва) – российский правовед, профессор, доктор римского права. С 1903 года заведовал кафедрой римского права в Санкт-Петербургском университете, в 1910–1912 годах был деканом юридического факультета.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10290. Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. Книрша Б. И. Об оставлении при университете по кафедре уголовного права. 1909 год. Л. 3.

средних веков И. М. Гревса. Едва завидев в «коридоре» предмет нашего презрения, мы начинали улюлюкать и, войдя вслед за ним в аудиторию, поднимали шум, в котором тонули его слова. Время от времени появлялся кто-нибудь из администрации и удалял из аудитории нескольких нарушителей порядка. Эта кампания продолжалась до тех пор, пока всем не надоело, и только тогда был восстановлен мир»¹⁶. Возможно, благодаря общим знакомствам Книрша оказался адъютантом своего старшего коллеги и в этом качестве появился в Гатчине, в епархии молодого графа Зубова. Именно на его рассказ ссылался Зубов в своих мемуарах: «Я знаю, что подробности следующих тут событий были с других сторон передаваемы несколько отлично, но я привожу их так, как они сохранились у меня в памяти по рассказу моего приятеля, принимавшего в них непосредственное участие»¹⁷.

По словам Книрши: «Перед Керенским стоял вопрос, как добраться до одного из посольств; ближайшим было английское на Дворцовой набережной у Марсова поля и Летнего Сада. Сделав себя неузнаваемым, Книрша обходными путями пробрался туда и умолил посольство одолжить Керенскому автомобиль. Таким образом, председатель совета министров и опереточный верховный главнокомандующий под прикрытием английского флага смог выехать из столицы. По иным сведениям автомобиль принадлежал американскому посольству, но я уверен, что видел на нем английский флажок и слышал от Книрши, что он обратился в английское посольство».

А вот версия Керенского с комментариями Зубова. «В своих вышедших недавно в Америке на английском языке

¹⁶ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. Гл. 2. Университетские годы. М., 1996. С. уточняем

¹⁷ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 47.

воспоминаниях¹⁸ Керенский рассказывает, что американцы, а за ними и англичане предложили ему воспользоваться для отъезда из Петербурга автомобилем под их флагом, но что он, поблагодарив их, от этой услуги гордо отказался, ибо, сказал он, «неуместно главе Российского правительства проезжать через «свою» столицу под иностранным флагом»¹⁹. Это наглая ложь»²⁰.

Даже решение, почему из всех пригородов столицы Керенским была выбрана Гатчина, граф Зубов считает принятым под влиянием Книрши: «Быстрым аллюром автомобиль направился в Гатчину, где небольшой гарнизон был еще сравнительно спокоен. Впрочем, у меня было впечатление, что этот маршрут был выбран Книршей, имевшим личные причины заехать в Гатчинский Дворец. Так иногда мелкие обстоятельства обуславливают крупные события»²¹.

Главнокомандующий съездил в Псков, а вернувшись, потребовал от Зубова комнаты для себя и «своей свиты». Последнее выражение особенно впечатлило директора дворца: «При этих словах я с трудом сохранил серьезный вид. Он очевидно страдал мегаломанией. В своих речах он часто представлял себя облеченным верховной властью, каким-то мистическим образом перешедшей на него от императора. Теперь, утопая, он еще говорил о «своей свите». Перспектива

¹⁸ Kerenskij A. F. Russia and History's turning point. New York. 1965. 558 p. (London, 1966), (Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993 и 1996.)

¹⁹ Цитата не совсем точна: В английском тексте: "but said that the head of the government could not through the Russian capital under the American flag" (Kerenskij A. F. Russia and History's turning point. New York. 1965. P. 438) – "Но сказал, что глава правительства не может ездить по Российской столице под американским флагом".

²⁰ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 48.

²¹ Там же. С. 48.

поселить во дворце целую казацкую дивизию меня не радовала; минута с точки зрения музейной была самой неподходящей...»²². В помещениях кухонного каре находились предметы искусства, упакованные для эвакуации. Из занимаемых комнат их постоянно переносили.

«Лейтенант Книрша, из адъютантов Керенского произведенный в управляющего делами не существующего временного правительства, сидел за моим письменным столом, составляя радиотелеграммы «всем, всем, всем», объявлявшие, что сведения из Петербурга о захвате власти коммунистами ложны, что за исключением столицы вся страна верна временному правительству, и что завтра банда будет выброшена из города. Добрый Книрша был очень горд своими литературными талантами»²³.

Тем не менее с помощью того же Книрши Зубову удалось реально обезвредить «офицера гатчинского гарнизона Печенкина, обвешанного порядочным числом ручных гранат. Он уже раньше был мне известен как монархист, заядлый враг революции (он предлагал мне войти в монархическую организацию) и кандидат в дом умалишенных»²⁴, который намеревался «оказаться вблизи Керенского и убить его своими гранатами или другим способом». Зубов предупредил своего приятеля. «Удивление его (Печенкина – Т. И.) было крайним, когда появился Книрша и заявил ему, что он арестован».

Несмотря на трагикомизм ситуации, положение становилось отчаянным. Попытка захватить Царское Село не удалась из-за ожесточенного сопротивления большевических частей из Кронштадта (по официальной версии) или из-за того, что сражение перешло в вялые переговоры (по версии Керенского).

²² Зубов В. П. Страдные годы России... С. 49.

²³ Там же. С. 50.

²⁴ Там же.

Краснов ничего не предпринимал, а казаки собирались выдать «главнокомандующего» и таким образом получить для себя амнистию от большевиков. Керенского ждала участь Пугачева с похожим финалом²⁵. Сам Керенский, по словам Зубова, «решительно отказался сопровождать войска, сражавшиеся за него; он оставался в своей комнате, лежа на кушетке и глотая успокоительные капли. О его времяпрепровождении я был подробно осведомлен через Книршу, который весьма

²⁵ По воспоминаниям Керенского события представлены иначе: «Уже было светло, когда, уничтожив все бумаги и письма, которые нельзя было оставить в «чужих руках», я прилёг на постель и задремал с единственной мыслью – придут ли утром эшелоны? Около 10-ти часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентёры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов – безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. – Казаки готовы принять это условие. Сообщение было достаточно неожиданное. До последней минуты, несмотря на все подозрительные симптомы и мрачные предчувствия, мы не допускали такой низости. Но факт был на лицо [...] Торг о цене моей головы, происходящий внизу, не был вовсе так безобиден, как мне только что старались его изобразить. [...] Для вооружённой борьбы нас было слишком мало – меньше десятка. Уйти из дворца невозможно – построенное Павлом I в виде замкнутого прямоугольника, здание имело только один выход, уже занятый смешанным караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, как выйти из этого тупика, как выскочить из этой ловушки, явился один из высших служащих Дворца с предложением помощи. По своим служебным обязанностям он знает тайный никому неизвестный подземный ход, который выходит в парк за стенами этого Дворца-крепости, но чтобы пройти к этому тайнику нужно ждать сумерек. Что же? Если до того времени ничего не случится, мы уйдём из западни этим таинственным путём. Ну, а если... Я прошу моих спутников не терять времени и спасаться по одиночке сейчас же, кто как может. Что же касается меня лично и моего юного адъютанта, который и в этот час решительно отказался покинуть меня, то свою судьбу мы разрешили очень просто. Мы остаёмся здесь в этих комнатах но живыми предателям не сдадимся. Вот и всё. Пока ворвавшаяся банда матросов с казаками будет искать нас в первых комнатах, мы успеем покончить свои расчёты с жизнью, запершись в самой дальней». Цит. по.: Керенский А. Ф. Гатчина... С. [12].

потешался за счет своего начальника. Последний внушал мне такую антипатию, что я воздерживался от более близкого контакта с ним...»²⁶

Тем временем начали распространяться слухи, что в опасности уже сам Гатчинский дворец, который собирается обстреливать вражеская артиллерия. «Ночью какой-то солдатик, стоявший на часах в коридоре, ворвался в комнату одной из моих сотрудниц, княгини Шаховской²⁷, заявляя, что большевики окружают дворец и будут его обстреливать артиллерией; «Как бы нам тут всем не погибнуть!» Меня немедленно разбудили. Первой моей заботой были произведения искусства, второй – сотрудницы. Последним я велел немедленно покинуть дворец и на эту ночь искать себе пристанища где-нибудь в городе. Мне не пришлось этого повторять, они смылись в одно мгновение, кроме княгини Шаховской, женщины храброй и обожавшей сенсации; она отказалась последовать моему совету и настояла на том, чтобы остаться во дворце»²⁸.

Пока народное достояние охраняли граф Зубов и княгиня Шаховская, а «народ» «смылся в одно мгновение», к первому «пришел Книрша с вопросом, соглашусь ли в случае надобности спрятать «премьера» во дворце, все закоулки которого я знал, или помочь ему исчезнуть. Если бы я мог предположить, что у него остается малейшая возможность играть политическую роль, я бы отказался, но при тех обстоятельствах я обещал сделать, что будет возможно в нужную минуту. Дворец громаден, две трети его еще находятся под полным моим

²⁶ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 52.

²⁷ Очевидно, Евгения Михайловна Шаховская, позже назначенная официально членом Совета Гатчинского музея-дворца и помощником его директора. (См.: Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб.: Ленарт, 1994. С. 372).

²⁸ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 52.

контролем, там много закоулков, старые дворцовые лакеи вдовствующей императрицы, последней обитательницы дворца, мне преданы, видя во мне как бы блюстителя интересов прежних владельцев, я могу рассчитывать на их молчание, если бы пришлось спрятать где-нибудь Керенского на сутки, а затем вывести его незаметно наружу. Если мне не изменяет память, это было 31 октября: я сидел за завтраком, когда вбежал Книрша: «Идите, пора, Керенского сейчас выдадут, он должен бежать». Мы входим в его гостиную, его там нет; мне говорят, что он переодевается в соседней комнате. Я жду, время проходит, наконец, сообщают, что он уже ушел. Матрос дал ему свою форму, он надел автомобильные очки, прошел в таком виде мимо часового через ворота кухонного каре, сел в автомобиль и уехал»²⁹.

Керенский писал об этом так: «Я не считаю ещё себя вправе подробно рассказать мой уход из Гатчинского Дворца. Большевики ещё у власти – люди ещё живы... Я ушёл из Дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в мои комнаты. Я ушёл, не зная ещё за минуту, что пойду. Пошёл нелепо переодетый, под носом у врагов и предателей. Я ещё шёл по улицам Гатчины, когда началось преследование. Шёл вместе с теми, кто меня спас, но кого я никогда раньше не знал и видел в первый раз в жизни. В эти минуты они проявили выдержку, смелость и самоотвержение незабываемые»³⁰.

Керенский был спасен, но оставались те, которых он называл «свита», в том числе приятель графа Зубова Книрша. «С исчезновением Керенского моя задача, однако, не оказалась исчерпанной. Явились Книрша и начальник штаба

²⁹ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 54.

³⁰ Керенский А. Ф. Гатчина... С. [13].

Петербургского военного округа. Кузьмин³¹, старый революционер, бывший в 1905 г. президентом одной из кратковременных местных республик, выросавших тогда как грибы в Сибири. Он был как и Керенский эсером. На свою должность он был назначен недавно, заместив Петра Александровича Половцова³², помощником которого он до тех пор был. За этими двумя шел молоденький прапорщик Миллер, только что назначенный адъютантом Керенского, когда Книрша попал в управляющие делами. К ним присоединились еще один или два офицера. Они все просили меня, раз Керенский ушел, заняться ими, считая, что они погибли, если попадутся в руки большевикам. В особенности боялся Книрша, накануне арестовавший самых видных большевиков Гатчины: он чуть было их не повесил; счастливая звезда удержала его в последнюю минуту. Он тоже был заражен манией величия своего начальника, видел себя уже министром и даже председателем совета и совсем серьезно предлагал мне портфель просвещения или художеств в будущем своем кабинете. Правда, в то время каждый третий человек мнил себя министром. Впрочем, Книрша был милейшим человеком»³³.

Графу Зубову тогда удалось благополучно вывести всех из дворца, но это не спасло бывшего адъютанта Керенского от аре-

³¹ Кузьмин А. И. В книге: Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power. The revolution of 1917 in Petrograd. New-York-London, 1976 (Издание на русском языке: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989) назван «помощником командующего Петроградским военным округом». В нескольких источниках фигурирует как А. И. Козмин.

³² Петр Александрович Половцов (1874–1964) – впоследствии генерал, командующий войсками Петроградского военного округа в 1917 г. Младший сын Александра Александровича Половцева (1832–1909).

³³ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 54–55.

ста, впрочем, как и самого директора дворца и его заместителя. «Позже княгиня Шаховская и я были начальником штаба дивизии подвергнуты комнатному аресту по подозрению в содействии бегству Керенского, а к Книрше был приставлен солдат с винтовкой, которому было приказано следовать за ним по пятам.

Княгиня Шаховская и я проводили вечер под арестом в наших помещениях, когда открылась дверь и вошел Книрша с расстроенным видом, в сопровождении своего солдата, и сказал трагическим голосом: «Je suis perdu»³⁴. Он еще не подозревал, насколько на первых порах будет мягко новое правительство. Террор будущих лет был еще далек; большевики сами были столь удивлены своим успехом, что еще не решались всерьез проявлять свою власть. По-видимому, и они думали, как почти все, что они удержатся не больше недели.

Поздно вечером в Гатчину приехал Троцкий. Книрша был эсером, Троцкий когда-то – меньшевиком. В царское время они были между собой знакомы. Троцкий приказал освободить Книршу под условием, что он завтра вместе с Красновым и другими офицерами отправится в Смольный. Приказ об освобождении было не так легко привести в исполнение: солдатик был приставлен к Книрше другой властью и, так как этой власти больше не было, и некому было его отставить, он в силу дисциплины не считал себя вправе отойти от него, покуда один из них не помрет. Он как тень ходил за ним с ружьем на плече. Насилу уговорили»³⁵.

Несложно заметить некоторое противоречие: относясь лично к Керенскому крайне негативно, Зубов тем не менее сделал все, чтобы ему помочь. Возможно, помощь была даже более существенной, о чем спустя многие годы и «спасатель» и «спа-

³⁴ Je suis perdu (франц.) – «Я пропал», дословно: «я потерян».

³⁵ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 56–57.

сенный» предпочли забыть, поскольку их отношения в эмиграции были крайне неприязненными.

Нужно сказать, что это ироничное отношение к Керенскому, вероятно, было характерно для многих представителей русской аристократии. Среди писем княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой (урожденной Вяземской)³⁶ к брату, князю Борису Леонидовичу Вяземскому, были обнаружены неизвестные и ранее не публиковавшиеся фотографии Керенского (возможно, что на одной из них запечатлен Борис Ипполитович Книрша)³⁷, фотографии сопровождал довольно едкий комментарий княгини, в будущем известной мемуаристки: «Керенский здоровается левой рукой с ком[андующим?] корп[усом?] ген[ералом] Васильевым. Он кому-то объяснил, что правая рука устала от рукопожатий»³⁸. Вторую фотографию сопровождали слова: «Керенский лебезит...»

Неудавшаяся «охота на Керенского» подвигла красноармейцев к продолжительным поискам. Отыскать «верховного» там, где он удачно скрылся, в «домике в лесу», не

³⁶ Княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова, урожденная Вяземская (1886–1948), позже была арестована и содержалась в заключении вместе с графом Зубовым, великим князем Михаилом Александровичем и его женой, Н. С. Брасовой. Зубов был в одной камере с великим князем Михаилом, а Васильчикова с Брасовой. К сожалению, в ее мемуарах (Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1948 / Предисл. Т. И. фон Меттерних. СПб.: Петербургские сезоны, 1995) граф Зубов не упомянут, княгиня случайно встретила в тюрьме только князя Трубецкого. Ее адресат, брат, князь Борис Леонидович Вяземский, женатый на графине Елизавете Дмитриевне Шереметева (Лили) (1893–1974), был убит толпой солдат 24 августа (6 сентября) 1917 года на станции Грязи. «Знаменитая (по зверскости) расправа», – писала о его смерти Марина Цветаева.

³⁷ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. № 613. Фотографии А. Ф. Керенского (в группах) датированы 1917 годом. Лл. 55 и 56.

³⁸ РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. № 613. Лл. 56 об.

удалось, зато они раз за разом перетряхивали многострадальный дворец. «Занятие дворца войсками было далеко не закончено, время от времени происходили небольшие инциденты, например обыск, произведенный у меня в одно утро бандой красногвардейцев, искавших Керенского даже под моим одеялом и под матрацем. Но понемногу массы отхлынули и я мог вернуться к ежедневным музейным работам»³⁹.

Сохранность гатчинских сокровищ постоянно занимала молодого директора. 30 декабря 1917 года в созданный им Институт Истории искусств на Исаакиевской площади была отправлена официальная бумага на бланке Директора Гатчинского Музея-дворца (за № 14). «Ввиду опасности, которой подвергаются в переживаемое нами время художественные сокровища Дворцов, что особенно ярко выразилось в разгроме Зимнего Дворца и военном постое в Гатчинском Дворце, администрация Гатчинского музея озабочена сохранить на случай повторения имевших место событий хотя бы негативы с могущих погибнуть произведений искусства. Вследствие этого позволю себе обратиться к Дирекции Института Истории Искусств с покорнейшей просьбой взять во временное хранение в Институт, как место не подверженное такому риску, как дворцы и музеи, негативы Гатчинского Музея-дворца. Директор Гр ВЗубов»⁴⁰. Ответ на письмо пришел 12 января 1918 года. «В ответ на отношение от 30 декабря 1917 года за № 14 Институт Истории Искусств имеет честь уведомить Вас о своем согласии принять на временное хранение негативы с художественных предметов Гатчинского Музея-дворца. И.о. Директора В.Ракинт»⁴¹. В деле также есть расписка, выданная

³⁹ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 62.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. № 2. Л. 27. (Письмо получено Институтом 4 января 1918 года).

⁴¹ Там же. Л. 28.

«от Института Истории Искусств Директору Гатчинского Музея-дворца В.П. Зубову в том, что сего числа Институтом принято на временное хранение принадлежащие Гатчинскому Музею-дворцу негативы с художественных предметов в количестве тридцати двух (32) штук...»⁴² В эпоху, когда шла охота на людей и не прекращалась охота на художественные сокровища, надежда была только на этих людей, первых наших «музейщиков». Как писал граф Зубов: «всё, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей. В течение следующих восьми лет, проведенных мною еще после того в России, я оставался верен этому решению до той минуты, когда я убедился, что мое присутствие там не может быть больше полезным...»⁴³

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. № 2. Л. 33.

⁴³ Зубов В. П. Страдные годы России... С. 59.

Н. В. Колышницына

ЛИСИНСКАЯ ЛЕСНАЯ ДАЧА КАК МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКИХ ОХОТ И ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОХОТНИЧЬЕМУ ХОЗЯЙСТВУ

Императорские охоты как способ проведения досуга в среде русской аристократии в последние годы не раз становились объектом пристального изучения историков¹. В окрестностях Петербурга начиная с XVIII века было выделено значительное количество земель под охотничьи угодья. В частности, при строительстве императорских резиденций по традиции, шедшей еще с Московской Руси, отгораживали охотничьи угодья и создавали зверинцы. Первый такой зверинец – «менажерия» – был учрежден в Нижнем парке Петергофа в 1711 году. Также и в Царском Селе при строительстве резиденции выделили участок парка для содержания диких зверей². Зверинцы были созданы и при строительстве Гатчинского и Павловского дворцов, а также они возникали и в ближайших к Петербургу поместьях родовитой аристократии. Во время недолгого царствования Петра II, бывшего страстным охотником, излюбленным местом охот под Петербургом становятся окрестности Петергофа, Стрельны и Ропши³. Именно с царствования Петра II начинают закладываться основы организации Императорской

охоты, а в документах (1728 год) впервые упоминается должность егермейстера, призванного заботиться о сохранности и порядке имущества, принадлежащего царской охоте⁴. При Анне Иоанновне, также страстной охотнице, Императорская охота впервые получила правильную организацию с изданием первого яхт-штата⁵. В 1736 году впервые была учреждена особая высшая должность по управлению Императорской охотой – должность обер-егермейстера, отвечавшего за весь комплекс проблем по организации царской охоты⁶. Первым обер-егермейстером стал А. П. Вольтерский⁷, который положил начало будущей обер-егермейстерской канцелярии, создав отдельное делопроизводство под названием «обер-егермейстерские дела». Обер-егермейстерская канцелярия была создана в 1742 году⁸, и в дальнейшем это учреждение не раз меняло свое название (в 1796–1882 годах – Егермейстерская контора, в 1882–1917 годах – Управление императорской охотой) и в его ведение входил достаточно широкий круг обязанностей, включавший непосредственную организацию охот, содержание и дрессировку собак и лошадей, обучение охотничьего персонала, поддержание порядка в императорских зверинцах и так далее⁹.

Начиная с рубежа XVIII–XIX веков Императорская охота начинает приходить в запустение, постоянно сокращался яхт-штат. Павел I интересовался в основном только Гатчинским зверинцем, не были заядлыми охотниками и его сыновья –

¹ Охота и политика. 10 веков русской охоты. М.: КремльФильм, 2009; Плауде В. Ф. Царская охота на Руси: К 300-летию Царского Села. СПб.: Абрис, 2010; Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011; Выскочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012.

² Плауде В. Ф. Указ. соч. С. 30.

³ Кутепов Н. И. Царская охота на Руси. Т. 3. СПб., 1902. С. 26.

⁴ Охота и политика... С. 90.

⁵ Кутепов Н. И. Указ. соч. С. 40.

⁶ Охота и политика... С. 89.

⁷ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: ООО «АиФ Принт», 2003. С. 148.

⁸ Зимин И. В. Указ. соч. С. 160.

⁹ Там же. С. 160–161.

Александр I и Николай I. С 1828 года центром Императорской охоты становится Петергоф, где еще годом ранее на территории южнее Английского парка возникла Егерская слобода, а в Большом Петергофском зверинце были созданы заячий садок, оленник, фазанье и куропаточное заведения и ремиз для зайцев¹⁰. В 1858 году Егерская слобода создается в Гатчине, и весь штат охоты из Петергофа переводится туда.

Новый этап в истории русских императорских охот начинается с конца 1840-х годов. Для будущего Александра II настоящей страстью стала охота с ружьем на крупного зверя – лося, кабана и медведя. В эти годы одним из любимых мест зимней императорской охоты становится Лисинское учебное лесничество. Как отмечал А. М. Петряков: «Наиболее часто он [Александр II] выезжал по железной дороге, выходил на станции Тосно; это происходило обычно вечером, а затем в сопровождении фельдъегерей, освещавших дорогу факелами, отправлялся к месту охоты в Лисино, где в то время водилось множество медведей»¹¹.

В документах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга в фондах Лесного института, Лесной академии, Лисинского лесничества и некоторых других отложился целый комплекс документов, рассказывающих о подготовке таких охот и обучении специалистов егерскому искусству как для дворцовых зверинцев, так и для частных хозяйств. В основу предлагаемого сообщения были положены документы указанных фондов и воспоминания бывших воспитанников Егерского училища при Лисинском лесничестве.

Лисинская лесная дача была обмежевана и выделена в государственную собственность из тосненского лесного массива

¹⁰ Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 477–483.

¹¹ Петряков А. М. Царские трапезы и забавы. Быт, нравы, развлечения, торжества и кулинарные пристрастия русских царей. М.: Центрполиграф, 2014. С. 186–188.

еще в 1787 году. Долгое время она оставалась в ведении Удельного ведомства и служила «исключительно к удовлетворению древесным материалом и покосами для крестьян ведомства Царскосельской удельной конторы и к отопливанию дворцов и других казенных зданий в Царском Селе»¹². Ситуация резко изменилась с начала XIX века, когда было принято решение разместить на территории Лисино учебную базу для практических занятий будущих лесоводов¹³.

История русского лесоводства как области научного знания по сути начинается с указов Петра I о необходимости сохранения лесов в интересах кораблестроения. При Анне Иоанновне закладываются основы научного обращения с лесами: из Германии вызываются форстмейстеры¹⁴, среди которых был Ф.-Г. Фокель¹⁵. В 1774 году принимается решение готовить форстмейстеров при обер-егермейстерском корпусе, для чего каждые 4 года набиралось по 10 ягд-пажей из дворян. В 1800 году была предпринята попытка завести форстмейстерский класс при Морском кадетском корпусе. Однако все эти меры не смогли решить проблемы практически полного отсутствия специалистов по лесному хозяйству. Только в начале XIX века правительство пришло к сознанию необходимости учреждения специального лесного учебного заведения для рациональной постановки русского лесоводства на научную почву. Этим

¹² Взгляд на Лисинскую дачу в лесохозяйственном отношении // Лесной журнал. 1846. № 12. С. 89.

¹³ Лисино. 200 лет служения лесам России / Под ред. А. В. Селиховкина. СПб.: СПбГЛТА, 2009. С. 7, 11.

¹⁴ Форстмейстер (нем.) – лесничий, смотритель за лесами.

¹⁵ Фердинанд Габриель Фокель (?–1753) – немецкий лесовод. Приглашен в Россию в 1727 г. для описания лесов и подготовки русских лесоводов. Автор первой в России книги о лесах, заложил Линдуловскую лиственничную корабельную рощу (Карельский перешеек).

учебным заведением стало образованное в 1803 году Практическое лесное училище в Царском Селе, предшественник Лесного института¹⁶.

В то время в России предпочтение отдавалось немецкой школе лесоводства, особенностью которой было положение о неразрывности лесного и охотничьего хозяйства, которое на одной и той же территории должен был вести один человек – лесничий¹⁷.

В декабре 1834 года по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрин из Лисинской дачи было организовано Лисинское учебное лесничество: «для образцового лесоводства и для введения воспитанников Петербургского лесного института в надлежащую по лесной части практику; для пользы же владельцев, желающих иметь сведущих лесничих, при учебном лесничестве учреждается Егерское училище»¹⁸. Первым управляющим учебным лесничеством стал Б. Б. Фрейрейс¹⁹, который «был дельный и страстный охотник»²⁰. При нем на территории усадьбы построили главный корпус для размещения 40 практикантов, флигели для чиновников, дом священника и все хозяйственные постройки. Один из бывших воспитанников училища так передал свои первые впечатления от учебного заведения: «Пустыньность его, нарушаемая изредка встречающимися воспитанниками бросилась мне в глаза, равно как и то,

¹⁶ Исторический очерк развития Санкт-Петербургского Лесного института (1803–1903). СПб., 1903. С. 2–5.

¹⁷ Егоров О. Царская охота под Петербургом // Охота и охотничье хозяйство. 1996. № 7. С. 18.

¹⁸ О егерском училище, учреждаемом при Лисинском учебном лесничестве // Лесной журнал. 1835. № 5. С. 302.

¹⁹ Фрейрейс Балтозар Балтозарович, выпускник Лесного института 1815 г., до 1834 г. воронежский губернский лесничий.

²⁰ Малышев А. Из воспоминаний старого лесничего // Лесной журнал. 1888. С. 281.

что все в Лисине было сделано и устроено по прямым линиям: аллеи, дорожки, изгороди, канавы все в струнку. Дом училища снаружи красивый»²¹.

Со времени создания Лисинского учебного лесничества начались работы и по охотоустройству: прорубались квартальные линии, осушались болота, лесонасаждения очищались от валежника и излишне густого подлеска. Все эти мероприятия осуществлялись для возможности в будущем, когда будет разведено достаточное число ланей, косуль, кабанов, проводить большие охоты облавами²².

Егерское училище относилось к специальным учебным заведениям, срок обучения в нем составлял 3 года. Принимали в училище и крепостных. В «Краткой выписке из правил, на основании которых поступали в учреждаемые при Министерстве государственных имуществ Егерские училища помещичьи крестьяне», в частности, указывалось, что молодые люди при определении в училище должны были уметь читать и писать по-русски и знать первые 4 правила арифметики. Помещичьи крестьяне обучались за счет помещика, и плата за них составляла 100 рублей в год²³. По окончании каждого учебного года проводились переводные экзамены, на которых имели право присутствовать и помещики, поместившие в училище своих крестьян. Согласно ревизским сказкам воспитанников училища за 1851 год, среди обучающихся там 72 % (46 чел.) составляли питомцы Воспитательного дома, 9 % (6 чел.) – выходцы из крестьян, 8 % (5 чел.) – мещане, 6 % (4 чел.) – дети лесников и 5 % (3 чел.) – учащиеся высших учебных заведений. Возраст

²¹ Егерь. Воспоминания лисинца // Лесной журнал. 1898. № 4. С. 848–849.

²² Положение об устройстве охоты в Лисинском учебном лесничестве // Лесной журнал. 1846. № 14. С. 106.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 565. Л. 2–3об.

учащихся в среднем от 17 до 22 лет, но встречались и 13-летние, и 30-летние ученики²⁴. Таким образом, основной контингент воспитанников, по крайней мере в 1840–1850-х годах, составляли воспитанники Воспитательного дома. Ежегодно Деревенская экспедиция подавала в Лесной департамент сведения о наличии необходимого для зачисления числа мальчиков на воспитании в деревнях. Бывали и случаи побегов. Так, 17 ноября 1848 года исчезли из училища четверо питомцев, принятых накануне из Воспитательного дома. Училищное начальство предположило, что они «скучая новым образом жизни ушли к начальнику экспедиции с просьбой о возвращении их в прежние семейства»²⁵. Всех четверых через несколько дней вернули в Лисино.

Училище было закрытым учебным заведением. Рабочий день начинался в 7 час. 30 мин. Время до 9 час. утра отводилось на утренний туалет и завтрак. С 9 до 14 час. шли классные занятия, в 14 час. – обед²⁶. Во время классных занятий изучали арифметику, геометрию, русский язык, чистописание, историю и географию России, ботанику, черчение, егерское искусство, сельское хозяйство, отчетность лесных офицеров и лесное законодательство, геодезию, лесовозобновление, лесоразведение, лесосохранение, таксацию²⁷ и лесоустройство²⁸. Время с 15 час. 30 мин. до 17 час. отводилось на работы по хозяйству. Ежедневно из числа учащихся назначались дежурные по училищу и по питомнику; остальные распределялись на работы в лесные заводы, на лесосеки, для проведения полевой съемки,

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 172.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–1об., 33, 36.

²⁶ Бобров Р. В. Лесная школа в Лисино. СПб.: Ольга, 1995. С. 59.

²⁷ Таксация – учет леса, его материальная оценка.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 205. Л. 1–8об.; Ф. 536. Оп. 9. Д. 5465.

стрельб, отливки пуль и т. п.²⁹ Затем воспитанники занимались подготовкой уроков, в 21 час ужинали и в 22 час. 30 мин. отправлялись спать. Питание было не очень разнообразным: «Скатертей не накрывали; приборов, как это делается в других учебных заведениях, не полагалось. За обедом и ужином ставилась большая оловянная чашка со щами на 6 человек; на голом столе два ломтя черного хлеба и 6 оловянных ложек. Воспитанники сами ходили за вторым блюдом с теми же чашками; второе блюдо была каша гречневая крутая – за обедом, и размазня – за ужином. В праздники каждому воспитаннику полагался пирожок из белого хлеба с просяной или гречневой кашей»³⁰.

В 1836 году Е. Ф. Канкрин поручил лесоводу И. Г. Войнукову составить Положение об охоте в Лисинском учебном лесничестве, исходя из того, что лесничество должно служить базой для практических занятий воспитанников Лесного института и Егерского училища. Изначально проведения высочайших охот здесь не предполагалось, и с 1836 года указом Николая I охота в лесничестве была запрещена для всех, кроме служащих лесничества, воспитанников и практикантов. В 1837 году на должность обер-егеря был назначен Генрих Рейс; именно ему «лесничество обязано отличной выучкой своих егерей и высочайшим уровнем организации самых разнообразных лисинских охот»³¹. Охоту проводили в свободное от классных или практических лесных занятий время. В охотах обязательно принимали участие воспитанники Егерского училища и практиканты института. Главной целью было обучить воспитанников и практикантов основным видам охоты, с которыми чаще

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 315.

³⁰ Егерь. Воспоминания лисинца... С. 851.

³¹ Егоров О. Указ. соч. С. 19.

всего встречаются лесничие. Поэтому практические занятия по охотоведению подразделялись на три этапа: подготовка к охоте (дрессировка собак, приготовление ловушек, силков, сетей, пугал); охота без огнестрельного оружия (расстановка капканов, силков, ловушек) и стрельба дичи и зверей³². Обязательно для всех проводились занятия по стрельбе из штуцеров и ружей³³. К 1851 году Г. Рейс составил подробную программу преподавания курса «егерского искусства» для воспитанников училища и даже составил учебное пособие по нему. В частности, на 1-м курсе он читал воспитанникам курс орнитологии, на 2-м – маммалиологии³⁴, на 3-м подробно разбираал все виды охот на различных зверей, рассказывал о дрессуре и подготовке лошадей и разных пород охотничьих собак, об огнестрельном и холодном оружии, об охотничьих снастях, способах их изготовления и применения³⁵.

21 декабря 1844 года наследник престола великий князь Александр Николаевич впервые посетил Лисинское лесничество. Там для него была организована охота на лосей. Охота была подготовлена на очень высоком уровне, и с 1846 года территория Лисинской дачи была включена в состав охотничьих угодий императорского двора. Тогда же было опубликовано «Положение об устройстве охоты в Лисинском учебном лесничестве»³⁶.

Оно подразделяло охоту на истребительную (для уничтожения хищных зверей и птиц), которая разрешалась в любое

³² Положение об устройстве охоты... С. 109.

³³ Там же... С. 108.

³⁴ Орнитология – раздел зоологии позвоночных, изучающий птиц; маммалиология – раздел зоологии, изучающий млекопитающих.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 165. Л. 37–43.

³⁶ Положение об устройстве охоты... С. 105–111.

время года³⁷, и хозяйственную³⁸. Для последней охоты в лесничестве имелись лоси, глухари, рябчики, тетерева, куропатки, зайцы, болотные и лесные птицы. Хозяйственная охота допускалась только с разрешения директора лесничества по специальным номерным ярлыкам. При появлении же хищного зверя (волк, лиса, куница) и хищных птиц их требовалось отстреливать немедленно³⁹.

В штат лесничества были определены егерская служба, псарня, окладчики и зверовщики. Последние должны были наблюдать за тем, где залегали на зиму медведи, и помимо жалованья получали по 25 рублей за каждого убитого зверя. В окрестностях обустроили зверинец, ремиз для фазанов и белых куропаток. Зверинец находился на расстоянии около трех километров от села, а куропатник около него. Зверинец был обнесен высоким бревенчатым забором и разделен на несколько частей: в одной содержались кабаны, в другой зайцы, в третьей лани, козы и другие. Содержались в лесничестве и охотничьи собаки, хотя в императорских охотах они использовались редко⁴⁰.

В 1857 году по проекту архитектора Н. Л. Бенуа был выстроен Охотничий дворец (до этого высочайшие гости останавливались в доме обер-егеря Отто Кригера)⁴¹. По воспоминаниям воспитанников училища, их жизнь оживлялась приездами императора: «По некоторым приготовлениям, хлопотам начальства и чистке в училище, узнавалось, что ожидается государь. Приезды бывали по большей части зимой, но случалось и в другое время. Часов в 6–7 с обеда, когда уже зимой

³⁷ Исключение составляла охота на медведей, которые размножаются достаточно медленно и не причиняют вреда хорошей дичи.

³⁸ Положение об устройстве охоты... С. 105.

³⁹ Там же. С. 106.

⁴⁰ Шаульская Л. О. Лисино-Корпус. Из истории царских охот // Тосненский вестник. 2005. № 111, 112.

⁴¹ Охота и политика... С. 173; Шаульская Л. О. Указ. соч.

совсем ночь, царский дворец ярко освещался и среди окружающей тьмы казался волшебным замком. Ко времени прибытия государя, часам к 9, воспитанники выходили для встречи, выстраивались у дворца в две шеренги, по обе стороны пути. «Ура! Ура!» – гремели воспитанники, как только сани подкатят ко дворцу. Выйдя из саней, государь останавливался ненадолго на площадке, говоря: «Здравствуйте, дети». «Здравия желаем ваше императорское величество», – отвечали мы»⁴².

Воспитанники училища чаще всего принимали участие в царской охоте в качестве загонщиков, но с конца 1860-х годов их перестали привлекать к охоте на медведей из-за несчастного случая с одним из них⁴³. Принимали в императорских охотах участие и практиканты Лесного института. Один из них вспоминал (конец 1840-х): «Из нас на облаву было назначено человек 15. Цесаревич приехал в Лисино рано утром, так что к 11 часам он со свитой был уже на месте облавы и занял свое место «на тропе», т. е. на том пути, прошел медведь осенью на лежку для зимней спячки. Тропа осенью, по пороше, обыкновенно отмечалась обходчиком условными знаками: записками, обламыванием верхушек молодых деревьев и т. п. Мы, практиканты, были поставлены по концам цепи, а некоторые отправлялись к загонщикам для наблюдения, чтобы последние не сбивались в кучки, дружной и громче кричали»⁴⁴. Александр II приезжал на охоты в Лисино практически ежегодно в 1846–1880 годы, после его смерти императоры в Лисино почти не бывали, в основном лесничество посещали великие князья и светская публика⁴⁵.

⁴² Егерь. Воспоминания лисинца... С. 856–857.

⁴³ Там же. С. 857.

⁴⁴ Ползиков А. И. Из моей записной книжки // Лесной журнал. 1898. № 4. С. 861.

⁴⁵ Шаульская Л. О. Указ. соч.

Лучшие из выпускников Егерского училища направлялись на службу в Гатчинское имение⁴⁶. Все остальные получали должности объездчиков на казенных или частных лесных дачах, и только самые неуспешные – стрелков⁴⁷. За отличные успехи награждали ящиками с чертежными инструментами⁴⁸. Особо отличившиеся выпускники Лисинского лесного училища после сдачи ими экзаменов за гимназический курс могли поступать в Лесной институт. В некоторых случаях, по распоряжению министра государственных имуществ, их могли принимать вольнослушателями, но все равно обязывали получить аттестат гимназии⁴⁹.

В 1869 году Егерская школа была переименована в Лисинское лесное училище, увеличили число воспитанников и расширили круг преподаваемых предметов. Так в учебном плане появились физика, метеорология, немецкий язык. Училище просуществовало до 1888 года.

Как уже упоминалось, на базе Лисинского учебного лесничества проходили учебную практику и студенты Лесного института. В 1830–1850-х годах они отправлялись в Лисино сроком на один год. Занятия велись под руководством учебного лесничего И. Г. Войнюкова. Практиканты его искренно любили и уважали за «его добродушное отношение к молодежи и толковое преподавание лесной науки на практике»⁵⁰. О проведении таких практик вспоминал впоследствии А. И. Ползиков: «В течение лета и осени мы исполняли работы по углежжению⁵¹, добыванию смолы, дегтя и пр.; каждому из

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 3202. Л. 4.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 992. Оп. 2. Д. 676. Л. 1–2об.

⁴⁸ Там же. Д. 740. Л. 20–20об.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 673.

⁵⁰ Ползиков А. И. Указ. соч. С. 859.

⁵¹ Углежжение – процесс переработки древесины на уголь, заключающийся в неполном сгорании древесного сырья без доступа воздуха при температуре 350–360 °С.

нас было назначено несколько кварталов, которые нужно было снять на план с видом насаждений по возрасту и породам и составить таксационную опись⁵²; весной нам приходилось наблюдать за сплавом дров, а летом – за проведением осушительных канав. В Лисине не было забыто и преподававшееся нам в институте в теории «егерское искусство», практикующееся здесь под руководством обер-егеря Рейса, который знакомил нас с разными способами охоты на зверей и птиц. При мне в Лисине содержались гончие и легавые собаки, с которыми нам приходилось охотиться на зайцев (случалось и на рысей), тетеревов, рябчиков и бекасов. Охота для нас была как бы обязательным предметом занятий⁵³. В целом за год практиканты подстрелили двух медведей, рысь, семь лосей, зайцев и тетеревов без счета. Дополняет эти воспоминания еще один выпускник А. Малышев: «С наступлением зимы Фрейрейс завел обязательные еженедельные беседы, на которых кто-либо из нас по взаимному соглашению обязан был прочесть или рассказать что-либо из своих наблюдений, впечатлений или случаев из лесной практики. Беседы эти нам очень нравились и развлекали нас в нашей глуши. Зимой же было две больших охоты на лосей и медведей, а на зайца и белку многие из нас ходили очень часто»⁵⁴. Как уже указывалось, будучи сам заядлым охотником Б. Б. Фрейрейс старался приохотить к этому занятию и своих воспитанников, говоря, что «лесник не любящий охоты, не вполне лесник»⁵⁵. К этому следует добавить, что по инициативе, Б. Б. Фрейрейса в Лисине получались все

⁵² Таксационная опись – опись существующих насаждений с определением их возраста, запаса древесины, прироста и объема отдельных деревьев и их частей.

⁵³ Ползиков А. И. Указ. соч. С. 859–860.

⁵⁴ Малышев А. Указ. соч. С. 280.

⁵⁵ Там же. С. 280–281.

журналы, которые так или иначе касались вопросов лесоводства и охоты (и русские и зарубежные), а также книги и брошюры по этим темам. План занятий практикантов предполагал и теоретические занятия в свободное время, которые распределялись следующим образом: по понедельникам и четвергам следовало заниматься изучением литературы по лесоводству, ботанике, химии, технологии; по вторникам и четвергам – изучение литературы по егерскому искусству, составление бумаг и отчетов. По окончании каждого полугодия начальник лесничества должен был сообщать в департамент Государственных имуществ об успехах практикантов с подробным описанием произведенных ими работ⁵⁶.

С 1860-х годов студенты Лесного института отправлялись на практические занятия в Лисино после окончания 2-го курса на три недели в летние месяцы (чаще всего в июле)⁵⁷. Главная цель этих занятий, кроме применения теории лесоводства к практике, заключалась и в том, чтобы «ознакомить их с лесом, развить любовь к нему и приучить переносить физический труд, сопряженный с добросовестным исполнением обязанностей каждого лесничего»⁵⁸.

Со второй половины 1870-х годов профессор Лесного института Ф. К. Арнольд обратил внимание совета института на то, что такая организация практических занятий не вполне удовлетворяет учебным целям. И предложил разделить практику в Лисинском лесничестве на 2 года: после 2-го курса для подготовки студентов к лучшему пониманию теоретического курса лесоводства и лесной таксации (в основном они

⁵⁶ Исторический очерк развития Санкт-Петербургского Лесного института... С. 55–56.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 300. Л. 28; Д. 502. Л. 1–3.

⁵⁸ Исторический очерк развития Санкт-Петербургского Лесного института... С. 96–97.

занимались нивелировкой и лесной съемкой), после 3-го курса – для закрепления теоретических знаний на практике (лесоводство и лесная таксация). По распоряжению Лесного департамента это предложение было удовлетворено, и с 1876 года практическими занятиями студентов в Лисино руководил преподаватель Лисинского лесного училища Запольский⁵⁹. Практические работы студентов заключались в производстве лесной съемки, хозяйственного выдела насаждений, нивелировке лесных болот, ознакомлении с приемами древоизмерения, работах по лесоустройству и оценке лесов, в посевах и посадках леса, прочистке просек, проходных рубках, составлении таксационных описей участков леса⁶⁰. Занимались практиканты также закладкой питомников и знакомились с лесотехническими производствами в Лисинских технических заводах (дегтекурение, добывание смолы и скипидара, добывание древесной кислоты, углежжение и т. п.)⁶¹.

С течением времени количество студентов Лесного института, приезжавших на практику в Лисино, увеличивалось и к концу 1890-х стало достигать 200 человек в год. Это вызвало серьезные затруднения в размещении учащихся, особенно когда здания лесничества были переданы в Ведомство учреждений императрицы Марии. Директор института Н. С. Шафранов в этой связи обратился к председателю Лесного специального комитета Министерства земледелия и государственных имуществ Е. С. Писареву с просьбой передать Лисинскую лесную дачу со всеми строениями в ведение Лесного института⁶².

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 3. Д. 30. Л. 2–3, 19, 30.

⁶⁰ Там же. Д. 30. Л. 48–49, 83–181.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1263. Л. 4–6; Оп. 4. Д. 175. Л. 49; Д. 1272. Л. 4–5.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 328. Л. 23–24 об.

В 1895 году в программы преподавания Лесного института был введен курс практических занятий по орнитологии и маммалиологии. Преподавание его было поручено Анатолию Алексеевичу Силантьеву, который одновременно получил разрешение на круглогодичный отлов и отстрел зверей и птиц в Петербургской и Воронежской губерниях для пополнения зоологической коллекции института⁶³. А. А. Силантьев закончил Лесной институт в 1890 году с золотой медалью и был оставлен при кафедре зоологии, ассистентом стал в 1894 году. С 1908 года ему было поручено чтение курса лекций «Биология лесных зверей и птиц в связи с промысловым охотоведением»⁶⁴. Достаточно долгое время преподавая в институте биологию лесных зверей и птиц, а также принимая активное участие в работе различных комиссий по выработке в России закона об охоте, А. А. Силантьев обратил внимание на то, что доходность от охоты в казенных лесах составляет менее 1 %, что свидетельствовало о полной неорганизованности охотничьего хозяйства на казенных землях. В связи с этим он не раз обращал внимание совета Лесного института на необходимость давать охотоведческую подготовку будущим лесникам⁶⁵.

Согласно предложенной А. А. Силантьевым программе курса «Биология и экономическое значение зверей и птиц» порядка 1/3 учебного времени должно было отводиться на изучение охотоведения. Начиналось прохождение курса с характеристики различных регионов России с точки зрения их биологических особенностей и распространения в них промыслово-охотничьих животных, обращалось внимание на исчезновение дичи и выяснение причин этого явления. Далее

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 1503. Л. 29.

⁶⁴ Там же. Л. 35 об.–38.

⁶⁵ Там же. Л. 115–116 об.

рассматривались основные способы производства охоты (охота с собакой, облавы, загоны, выслеживание, выгон из нор), различные приспособления для охоты и вред от них. Уделялось внимание охотничьим промыслам и торговле продуктами охоты. Большое внимание обращалось на законодательство в области охоты и организации правильных охотхозяйств⁶⁶. А. А. Силантьев и практически занимался со своими студентами в течение учебного года на Охтинской лесной даче в стрельбе дробью и организации охот⁶⁷.

После закрытия в 1888 году Лесного училища и фактического прекращения императорских охот в Лисинской даче практические занятия студентов Лесного института там были сосредоточены исключительно на изучении лесоведения, лесной таксации и лесных производств. Поэтому в начале XX века при Лесном институте среди студентов были образованы два кружка, призванные углубить знания их членов по разным отраслям охоты и охотничьего хозяйства. 23 октября 1907 года был утвержден устав кружка Любителей правильной охоты, который ставил своей целью изучение в теории и на практике охотничьего дела. Для реализации этой цели члены кружка имели право арендовать охотничьи угодья, устраивать охоты, издавать правила для производства охот на своих угодьях и взимать штрафы за их нарушение, устраивать охотничьи беседы, иметь библиотеку и издавать труды по всем отраслям охотничьего дела⁶⁸. 25 октября 1911 года утверждается устав еще одного студенческого кружка – охотников-натуралистов. Основными целями его создатели считали всестороннее изучение фауны, биологии и экономического значения русских

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 4. Д. 2819. Л. 291–294.

⁶⁷ Там же. Д. 2826. Л. 31–32об.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 9. Д. 8. Л. 9.

зверей и птиц, зоологической и охотничьей литературы и всех отраслей охотничьего хозяйства. Иными словами, основу своей деятельности они разворачивали вокруг специального курса охотоведения, который ранее в рамках общего курса зоологии читал в институте А. А. Силантьев. Для реализации своих целей члены кружка планировали устраивать экскурсии с научно-охотничьей целью, научные беседы и печатать труды по всем интересующим кружок вопросам⁶⁹.

В 1917 году окончательно завершилась история императорских охот, но само Лисинское учебное лесничество и по сей день остается учебной базой для студентов Санкт-Петербургской лесотехнической академии.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 8. Д. 9. Л. 1.

Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова

**КАК ПОВЛИЯЛИ УВЛЕЧЕНИЯ
И ЯРКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
НА ФОРМИРОВАНИЕ ИХ
ЖИВОПИСНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ**

Важный период в истории Гатчины связан с эпохой правления императора Александра III. В те годы в этой резиденции часто встречались члены семей Александра III и его младшего брата великого князя Владимира, причем взрослые разделяли интерес к театру, охоте, коллекционированию предметов искусства, парадам и торжествам подшефных полков, а дети с удовольствием участвовали в прогулках по парку, забавах и праздничных развлечениях.

Александр (1845–1894) и Владимир (1847–1909), сыновья императора Александра II, были близки по возрасту и с детства проводили целые дни вместе. Первым наставником великих князей в 1849 году стал «честнейший и благороднейший человек русского закала» Николай Васильевич Зиновьев (1801–1882), только что оставивший пост директора Пажеского корпуса. Император Николай I повелел ему состоять при великих князьях Николае, Александре и Владимире Александровичах.

Сыновей Александра II обучали различным наукам с 7 лет, и когда великий князь Владимир приблизился к этому возрасту, в конце 1853 года Николай Геннадьевич Казнаков (1824–1885) стал исполнять обязанности «состоящего при Великом князе Владимире». За 8 лет добросовестной службы воспитателем великих князей Александра и Владимира у Николая Геннадьевича сложились хорошие отношения с его

подопечными, мальчики делились с ним своими заботами и переживаниями. В 1856 году 11-летний Александр, расстроенный своим поступком, писал: «Милый Николай Геннадьевич, простите меня пожалуйста за то что я ацарапал Алексея. Саша»¹.

Среди других предметов Александр и Владимир изучали русский и иностранные языки, географию, закон Божий. В семье императора Александра II детям прививали любовь к фольклору: читали им русские сказки, знакомили с русскими былинами и песнями. Любимым предметом великих князей стала история. При вступлении на трон Александра II, в 1856 году, император оказал милость воспитателям сыновей: Н. В. Зиновьев был назначен генерал-адъютантом, а Н. Г. Казнаков произведен во флигель-адъютанты свиты.

В декабре 1860 года, когда Александру было 15, а Владимиру 13 лет, идя навстречу желанию супруги Марии Александровны, Император назначил детям другого воспитателя, графа Б. А. Перовского (1815–1881). Александр II удовлетворил просьбу Н. В. Зиновьева об отставке. Вместе с ним оставляли свои обязанности Г. Гогель и Н. Казнаков. Узнав об этом, «великие князья разразились рыданиями. «Отчего это? – восклицали они, обращаясь к Казнакову. – Мы этого не хотим! Мы вас любим! Мы не хотим с вами расставаться!»² В петербургском архиве³ сохранился сделанный в дни увольнения фотоснимок трех воспитателей с дарственной надписью подопечному: «Великому князю Александру Александровичу. Благодарим, что за любовь заплатили любовью. Николай Зиновьев. Григорий

¹ Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М.: Рос. фонд культуры: Студия «ТРИТЭ»: Рос. Архив: Рос. гос. ист. архив, 2002. С. 127.

² Великий князь Александр Александрович... С. 261.

³ ЦГАКФФД СПб. Альбом П-490. Снимки 96, 108.

Гогель. Николай Казнаков». На снимке стоят две даты – 2 декабря 1860 и 6 января 1861 года. Благодаря работе С. С. Татищева, составившего описание детства и юности великого князя Александра Александровича, мы узнали об особой просьбе Н. Зиновьева к императрице при последнем перед их увольнением разговоре: «В заключение Зиновьев просил Императрицу велеть снять для него фотографические карточки Великих Князей, представленных читающими его прощальное письмо, с тем, чтобы они написали на них свои имена и поместили их 2-м числом декабря»⁴. Эта просьба объясняет первую дату на фотографии трех воспитателей. Мы не сомневаемся, что аналогичный снимок с теплой благодарственной надписью получил и великий князь Владимир. О его отношении к «состоящему при нем» воспитателю свидетельствует тот факт, что одним из первых приобретений картин великим князем стал портрет Н. Г. Казнакова кисти знаменитого в середине XIX столетия художника Ивана Кузьмича Макарова (1822–1897)⁵. Его живописные произведения висели в императорских дворцах (портреты императрицы Марии Александровны, великого князя Михаила Александровича и великой княжны Ксении Александровны⁶). Что же касается портрета Николая Геннадьевича, принадлежавшего великому князю Владимиру Александровичу, то он сохранился до наших дней. В 1925 году его передал в Русский музей сын Н. Казнакова Сергей, известный историк искусства и коллекционер. Сергей Николаевич в 1919–1921 годах работал в историко-художественном отделе

⁴ Великий князь Александр Александрович... С. 264.

⁵ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Судьба живописной коллекции Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны // Художественный вестник. 2017. Вып. № 1. [в печати].

⁶ За портреты Михаила и Ксении императрица Мария Федоровна заплатила в 1881 г. 730 руб. (РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 174. Л. 33).

Эрмитажа, куда поступили многие раритеты из коллекции Владимирского дворца. Видимо, ему удалось договориться, чтобы в Русский музей были переданы три портрета его родителей, написанных И. К. Макаровым. В статье А. П. Сорокина, руководителя Центра краеведческой информации Омской Государственной областной научной библиотеки, высказывается предположение, что ныне портрет из коллекции великого князя, написанный в 1861 году, хранится в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств в городе Саранске⁷.

Значительное воздействие на юношей оказали традиционные в семье Романовых путешествия по России. В 1866 году цесаревич Александр и великий князь Владимир посетили исконно русские города на Волге – Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кострому. Маршрут этой поездки разработал граф Перовский. В группу сопровождавших великих князей был включен художник А. П. Боголюбов (1824–1896). Алексея Петровича связывали теплые, дружественные отношения со старшим братом Александра и Владимира Николаем Александровичем (Никсой)⁸, год назад ушедшим из жизни. В 1863 году художник сопровождал Никсу в аналогичном путешествии по Волге и хорошо знал, что именно нужно осмотреть в прибрежных городах. Академик Боголюбов не только постоянно делал зарисовки достопримечательностей, но по вечерам превращался в интересного рассказчика и «задавал тон в содержательных разговорах о русской живописи»⁹. Не случайно среди первых работ в живописной коллекции Александра Александровича

⁷ Вестник культуры. Пресс-бюллетень. Май, 2013. С. 9. // <http://sfrik.omskreg.ru/res/page00000000315/Files/1%202013.pdf>. Дата обращения: 12.07.2017.

⁸ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Любимые резиденции Императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб.: Лики России, 2006. С. 49–51.

⁹ Толмачев Е. П. Александр III и его время. М.: Терра, 2007. С. 113, 115.

в 1960-х годах оказалось 17 произведений этого живописца, а два из них, «Ночной вид Корчёвы» и «Казань. Иллюминация», были специально заказаны цесаревичем после путешествия по Волге¹⁰.

Новый воспитатель, граф Борис Алексеевич Перовский, был одним из незаконных сыновей екатерининского вельможи графа Алексея Кирилловича Разумовского. Этому человеку удалось завоевать доверие великих князей, и он сыграл серьезную роль в формировании их личностей.

Александр и Владимир начали коллекционировать художественные предметы еще в юношеские годы. Они покупали картины, иконы, старинное оружие, предметы прикладного искусства. В 1865 году Александр Александрович стал покровителем, а Владимир – почетным членом Московского археологического общества любителей древности¹¹, занимавшегося охраной художественного наследия. В том же 1865 году Александр и Владимир приняли звание почетного любителя Императорской Академии художеств (ИАХ)¹².

Значительную часть живописных коллекций Александра и Владимира составили картины, связанные с участием великих князей в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Они воевали в одном и том же Руцукском отряде, и военные события оставили глубокий след в судьбах братьев, навсегда определив их миротворческие взгляды. Живописная коллекция цесаревича пополнилась большим числом картин и этюдов, написанных Василием Дмитриевичем Поленовым, состоявшим при его штаб-квартире.

¹⁰ Данные о коллекции великого князя Александра Александровича почерпнуты нами из раздела 4 «Каталог картин, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу» книги «Великий князь Александр Александрович...» С. 597–677.

¹¹ Кузьмин Ю. А. Российская Императорская фамилия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 84.

¹² РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.

Многие из таких работ были заказаны художнику самим Александром Александровичем, среди них «Общий вид села Брестовца», «Мой дом в селе Брестовец», «Вид нашей столовой в селе Брестовец», «Внутренность Брестовецкой церкви с телом покойного С. М. Лейхтенбергского», «Дом начальника штаба П. С. Ванновского в селе Брестовец», написанные в 1877 году. Две картины были куплены в 1878 году за 2000 руб. у живописца Павла Осиповича Ковалевского (1843–1903). Этот художник состоял при штабе 12-го армейского корпуса, которым командовал великий князь Владимир Александрович (илл. 2).

Заказывал картины на сюжеты Русско-турецкой войны и великий князь Владимир. В его собрание¹³ вошли работы П. Н. Грузинского (1837–1892)¹⁴, две картины П. О. Ковалевского, «Казаки убирают своих убитых» (1884) и «Перестрелка»¹⁵. Во Владимирском дворце в кабинете великого князя висело полотно А. Д. Кившенко на военный сюжет «Поражение турецких войск при Деве-Бойне»¹⁶.

Возвратившись с войны, братья Александр и Владимир Александровичи ежегодно 30 ноября встречались со своими бывшими соратниками в память победы под Мечкой. С 1881 года такие встречи проходили за ужином в Гатчине, и, по свидетельству С. Д. Шереметева, император Александр III заказывал особые художественно оформленные меню, которые чаще всего исполнял художник Поленов¹⁷.

¹³ Для реконструкции живописного собрания великого князя Владимира нами были проанализированы финансовые документы Конторы Двора великокняжеской четы с 1869 по 1917 г., хранящиеся в РГИА (Ф. 528) в Петербурге и в фондах членов семьи Владимира Александровича в ГА РФ в Москве.

¹⁴ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1041. Л. 22.

¹⁵ Там же. Д. 645. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 453. Л. 8.

¹⁷ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2001. С. 486.

Членам семьи Романовых необходимо было хорошо знать историю не только России, но и всей Европы, королевские дома которой зачастую возглавляли их родственники. После достижения совершеннолетия юноши, как правило, отправлялись в длительные заграничные путешествия, во время которых они знакомились с обычаями жителей разных стран, с музеями, посещали ателье художников. В таких поездках молодые люди встречались с принцессами, приглядывая себе невесту. Удивительно сложилась судьба цесаревича Александра Александровича, женой которого стала невеста его старшего брата Никсы, датская принцесса Дагмар. Заключенный между ними брак predetermined интерес супружеской пары к творчеству датских художников. Коллекция Александра III отличалась большим количеством картин датских живописцев, в том числе работ Карла Фредерика Соренсена (*C. F. Sorensen*) (1818–1879), Антона *Melbie* (1818–1875) и Вильгельма *Melbie* (1824–1882), Карла Генриха Блоха (1834–1890).

Владимир Александрович нашел свою избранницу в Великом герцогстве Мекленбург-Шверинском, женившись на принцессе Марии Александрине Елизавете Элеоноре. Мария Павловна сохранила тесные связи со своей родиной. Почти ежегодно она бывала вместе с супругом во Франции, Италии, Великобритании и Германии. Великокняжеская чета знакомилась с достижениями в разных областях искусства и приобретала выдающиеся произведения, которые находили место в их великолепных дворцах. В коллекции Владимира Александровича и его супруги хранились портрет Марии Павловны¹⁸ кисти знаменитого берлинского художника профессора Густава Рихтера (1823–1884), «самого значительного

¹⁸ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Скульптурная и живописная иконография Вел. княгини Марии Павловны // Художественный вестник, 2015. Вып. 2. С. 87–106.

живописца-жанриста в Германии»¹⁹ Людвиг Кнауца (1829–1909), работы мекленбургских художников Августа Ачиллеса (1823–1861)²⁰ и Теодора Шлёпке²¹ (1812–1878), придворного живописца Фридриха Франца II Мекленбург-Шверинского. Теодор Шлёпке выполнил несколько десятков произведений, и только в музее города Шверина в наши дни находятся 42 его картины.

Как и многие другие члены дома Романовых, оба августейших брата, Александр и Владимир, любили охоту. При этом Александра, отличавшегося непритязательностью в быту, в поездках в лесные угодья привлекали в большей степени уединенность, красота природы, возможность хотя бы ненадолго отвлечься от нескончаемых государственных дел. Как правило, Александр III проводил на охотах около месяца в году, и сопровождали его в эти поездки люди лишь из ближайшего окружения. Хотя, конечно, охотничий азарт был свойственен и этому монарху. Непременной спутницей на охотах со дня свадьбы цесаревича Александра Александровича была его супруга Мария Федоровна.

Владимир же с юности всерьез увлекался охотой. Император Александр II в любое время года выезжал на охотничьи угодья и часто брал с собой своих сыновей²². В 1864 году семнадцатилетний Владимир и его старший брат Александр ходили с отцом «на медведя», а в следующем году они с гордостью рассказывали, что каждый из них убил по матерому животному²³. Это увлечение требовало мужества, быстроты реакции, меткости.

¹⁹ Сомов А. И. Кнауц // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 29. СПб., 1895. С. 450.

²⁰ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 421. Л. 85.

²¹ Там же. Д. 1076. Л. 15; Д. 1168. Л. 58.

²² Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век. Исторический очерк Н. Кутепова. Т. IV. СПб.; Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1911. С. 100.

²³ Великий князь Александр Александрович... С. 390.

Великая княгиня Мария Павловна разделяла страсть супруга к этому занятию и с удовольствием участвовала в поездках на охоту вместе с родственниками. Врач императора Александра III Н. А. Вельяминов вспоминал: «Элегантно, по-модному, на немецко-английский лад одевались великие князья Владимир и Алексей, ... причем Государь всегда с улыбкой посматривал на их костюмы. Не любил Государь и активного участия дам на охоте... Однажды он остановил мое внимание на рисунке [Зичи – Авт.], изображавшем Великую княгиню Марию Павловну в короткой юбке и тирольской шляпе, и с усмешкой добавил: «А вы видели, как она нарядилась». Говорили, что Государю настолько не нравились костюмы великой княгини и то, что она стреляла, что он перестал приглашать ее в Спалу²⁴...»²⁵ 13 августа 1890 года А. Половцов написал по этому поводу в дневнике: «Великий князь Владимир Александрович уезжает с государем на маневры, а потом на охоту в Спалу, куда Мария Павловна не приглашена, а потому едет в Кобург к герцогине Эдинбургской и к своей бабушке Мекленбургской, что изображает довольно серенькое житье»²⁶. Интересно отметить, что даже оставшись вдовой, Мария Павловна продолжала брать в аренду охотничьи угодья²⁷ (илл. 3).

Спала – одна из резиденций Александра III в Ловичском княжестве. Земли эти были им куплены еще в бытность

²⁴ Охотничьи угодья на территории нынешней Польши. Семья Александра III с гостями регулярно проводила приблизительно раз в два года здесь на охоте месяц осенью.

²⁵ Воспоминания Николая Александровича Вельяминова об Императоре Александре III // Российский архив, вып. 5. М., 1994. С. 275.

²⁶ Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 312.

²⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 931–935. Об аренде земель под охоту Великой княгини Марии Павловны и об участках удельного ведомства, находящихся под охотой. 1911–1914, 1917 гг.

наследником²⁸. Обстановку в дни охоты подробно описала великая княжна Ксения Александровна в своем письме от 14 сентября 1892 года к Александре Александровне Оболенской (урожденной Апраксиной):

«Все тут по старому, каждый день охота... По-прежнему играем каждый вечер в бильярд со всеми, а д<ядя> Владимир играет с некоторыми генералами и Вельяминовым в винт. Папа так занят по вечерам, что не может играть совсем... Тут так все идеально хорошо, и на душе легко! ...Д<ядя> Владимир уедет отсюда раньше нас, т.к. ему надо ехать в *Weimar*, жаль, что мы не увидим т<етю> Михен в Скерневицах в ее чудном *costume de chasse* [охотничьем костюме]! Наверное, что-нибудь новое было приготовлено»²⁹.

Едва ли не самым любимым местом осенней охоты стали для императорской четы леса неподалеку от железнодорожной станции Скерневицы. По словам лейб-медика Н. А. Вельяминова, Спала и Скерневицы заслужили славу одних из самых замечательных в Европе. Главной добычей здесь становились благородные олени, которых в этих краях, благодаря питомникам, хорошему корму и налаженной работе лесничих и егерей, было большое количество.

В начале XIX века в Скерневицах находилась загородная резиденция великого князя Константина Павловича и его супруги княгини Лович, а с 1831 года это имение стало собственностью русского царя. В 1870 году, по повелению императора Александра II, резиденция была обновлена под руководством архитектора И. Монигетти, и с тех пор члены императорской семьи регулярно приезжали в Скерневицы на

²⁸ Придворная охота. М.: Художник и книга, 2002. С. 311.

²⁹ Ксения Александровна, вел. княжна. Письмо Оболенской А. А., 14 сентября 1892 г. Спала // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. [Т. XIV]. С. 472–473.

охоту. В сентябре 1884 года здесь состоялось важное международное событие – встреча трех императоров: Александра III, австрийского императора Франца-Иосифа и германского кайзера Вильгельма I. Сюда, до своей кончины в 1894 году, государь Александр III регулярно приезжал с супругой Марией Федоровной, детьми и гостями. Часто бывали вместе с ними и Владимир Александрович с Марией Павловной.

В эти края любил приезжать впоследствии и император Николай II, останавливаясь в Скерневицах, в более комфортабельном, чем в Спале, каменном дворце, в котором существовала домовая церковь. С этим охотничьим имением и домовым храмом связаны несколько поистине печальных страниц в жизни семьи Романовых. В 1903 году Эрнст Людвиг, брат императрицы, вместе со своей семилетней дочерью Елизаветой отправился в Скерневицы, где по традиции собрались близкие родственники императорской семьи и ближайшие друзья. Среди приглашенных были и великий князь Владимир Александрович с супругой, великий князь Николай Николаевич.

По случаю пребывания высоких гостей имение украсили триумфальными арками и флагами, ежедневно в скерневицком лесничестве и зверинце устраивалась иллюминация, а однажды фотограф Ган продемонстрировал кинематографическое представление. Каждый день в прилегающих к дворцу лесах проходили удачные охоты, в которых принимали участие и лица свиты: министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, обер-шталмейстер гессенского двора барон Ридезель Мориц фон Эйзенбах, дворцовый комендант Николая II генерал-адъютант Петр Павлович Гессе, начальник Главного управления уделов князь Виктор Сергеевич Кочубей и другие. В эти дни в общей сумме было убито «1200 зайцев, 1150 фазанов и 130 куропаток»³⁰.

³⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 156. Л. 58.

Казалось, ничто не предвещало неприятностей в этом уединенном от внешних глаз мире. Но уже 4 ноября, всего через три дня после приезда, барон Фредерикс отправил в Петербург телеграмму с сообщением о трагедии:

«Второго ноября в Скерневицах Ея Высочество Принцесса Гессенская заболела острыми явлениями желудочно-кишечного канала. К вечеру повысилась температура и развился упадок деятельности сердца, который обусловил, несмотря на все принятые меры, несчастный исход. Принцесса скончалась 3 ноября в 9 часов 30 минут утра»³¹.

Так скоропостижно ушла из жизни очаровательная семилетняя девочка, племянница императрицы Александры Федоровны. Врачи констатировали:

«Из протокола вскрытия тела Ея Высочества Принцессы Елизаветы Гессенской, составленного 3 ноября 1903 года, видно, что Августейшая больная умерла вследствие брюшного тифа приблизительно в конце первой недели этой болезни. Ближайшей причиной смерти была очень сильная интоксикация тифозным ядом»³².

Император Николай II приказал, чтобы все придворные чины и кавалеры, находившиеся в Варшаве, участвовали в церемонии перенесения тела принцессы Гессенской. Оттуда экстренным поездом прибыли около ста генералов и гражданских чинов. Другой экстренный поезд доставил в Скерневицы великого князя Сергея Александровича и Елизавету Федоровну. Тело принцессы Елизаветы было «перенесено Его Величеством Государем Императором и его королевским высочеством великим герцогом Гессенским с особами императорской фамилии... в Дворцовую церковь»³³.

³¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 37. Л. 66.

³² Там же. Л. 81.

³³ Там же. Д. 37. Л. 57.

Через несколько дней тело ребенка перевезли из Скерневиц в Дармштадт в серебряном гробу, который был заказан на средства Николая II. По желанию отца, герцога Эрнста Гессенского, вместо черных, траурных все были в белых одеждах, гроб украсили белыми цветами, и везли катафалк лошади белой масти³⁴.

Смерть принцессы Елизаветы отразилась и на судьбе ее российских родственников. В 1902 году герцог Эрнст Людвиг Гессенский развелся со своей супругой Викторией Мелитой.

Ребенок при этом остался с отцом. Расторжение брака было связано с всепоглощающим чувством, захватившим дочь великой княгини Марии Александровны (герцогини Саксен-Кобург-Готской) по отношению к великому князю Кириллу Владимировичу – старшему сыну Владимира Александровича. Маленькая Елизавета очень тяжело переживала развод родителей. Ее воспитательница мисс Игер (*Eager*) писала: «Глядя на нее, я обычно задумывалась, что должны были увидеть эти широко раскрытые серо-голубые глаза, чтобы в них скрывалась такая печаль».

Девочку очень любил и баловал отец. Но жизнь на расстоянии от матери все же травмировала ребенка. Нелегко было и Викторией Мелите разрываться в своих чувствах к Кириллу и к дочери. После ухода девочки из жизни ничто уже не связывало разведенных супругов. В 1905 году, не получив разрешения от Николая II, великий князь Кирилл Владимирович и Виктория Мелита приняли решение официально вступить в брак. Кирилл был лишен императором Николаем II всех прав великого князя, ему было запрещено въезжать в Россию, а его отец подал прошение об отставке, которое было тотчас удовлетворено. Владимир Александрович не дослужил

на посту главнокомандующего войсками гвардии нескольких месяцев до 25-летия. Глубокие переживания, связанные с этими событиями, безусловно, приблизили кончину великого князя, наступившую 4 февраля 1909 года.

В коллекции великокняжеской четы было немало произведений на сюжеты, связанные с охотой, – это картины А. Д. Кившенко «Погоня за лисицей», «Охота на зайца» и «Охота на лисицу», М. К. Клодта «Охота с гончими» и «Тетерева на токе», И. Н. Крамского «На тяге», Н. Е. Сверчкова «Охота на волков», «Две борзые собаки», «Две гончие», «Доезжачий», «Охотник верхом», «Травля лисицы», «Травля волка» и «Охотник в тройке, спасающийся от волков», П. П. Соколова «Охотничий вид» и «Охотник с собакой», Р. К. Френца «Травля зайца», «Борзые» и «Великий князь на охоте», И.-А. Г. Швабе «Охота в присутствии вел. князя Владимира Александровича», «Охота на волка», «Две собаки» и «Буйвол». Многие из этих картин украшали стены царскосельского дворца Владимира Александровича³⁵. Профессор «зверописи» ИАХ Иоганн-Александр Готлиб Швабе (в России Александр Петрович) (1824–1872) изобразил великого князя на коне во время охоты на медведя. Эта картина сегодня находится в Малиновой гостиной Дома ученых (илл. 7).

Были картины со сценами охоты и в собрании цесаревича Александра Александровича. В 1870 году он купил у художника Р. Френца «Портреты двух гончих придворной охоты» и «Борзятник придворной охоты», а в феврале 1873 года заплатил 1200 рублей за две другие картины этого живописца, представляющие сцены из царской охоты, «которые были выставлены у Вел. князя Владимира Александровича». Ценил произведения Р. Френца и Император Николай II. В его Биб-

³⁴ Zeevat Charlotte. Queen Victoria's Family. P. 134.

³⁵ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 876. Л. 102.

лиотеке в Зимнем дворце хранились ежегодные отчеты по «Царской охоте», нарисованные Френцем, за подписью князя Д. Б. Голицына (илл. 8).

Младший брат, более искушенный в вопросах живописи, зачастую советовал Александру, какие именно работы ему стоит приобрести, а иногда и сам привозил из заграничного путешествия полотна для его коллекции. Во время пребывания в Дюссельдорфе и в Брюсселе в 1870 году Владимир Александрович купил для Александра три картины: у Рюинара (I. Ruinart), Виллемса (F. Willems) и у Стевенса (F. Stevens).

В том же путешествии во время осмотра национального музея в Мюнхене великий князь Владимир «заметил имя русского художника Сверчкова, уже несколько лет как поселившегося в Мюнхене и, по словам директора музея, не только пользовавшегося здесь большой известностью, но получившего от правительства золотую медаль. Им выставлены были прекрасные рисунки мебели и замечательные цветные с изображениями стекла»³⁶. В 1871 году Владимир Сверчков «явился в Петербург с богатым выбором проектов, получил заказ для Высочайшего Двора и для здания Академии художеств». Вскоре художник выполнил «живописные окна» Владимирского дворца. Великий князь заказал ему три «гербовых окна» для Малой столовой, оформленной в «готическом стиле», цветные окна в церкви и роспись окон на Парадной лестнице. При оформлении помещений своего «музея» в Аничковом дворце цесаревич Александр Александрович тоже заказал В. Сверчкову два «гербовых окна»³⁷. В настоящее время из перечисленных работ живописца сохранилась лишь одна, расположенная над входной дверью в бывший Владимирский дворец.

³⁶ Половцов А. Письма о заграничном путешествии Вел. князя Владимира Александровича. СПб., 1871. С. 15.

³⁷ РГИА. Ф. 1339. 1870. Д. 52; 1971. Д. 31.

Интерес к истории, проснувшийся у Александра и Владимира в юношеские годы, проявился в их участии в работе Российского исторического общества (РИО), которое было учреждено 23 мая 1866 года³⁸. Его почетным председателем стал в феврале 1867 года наследник цесаревич. Активным членом этого общества был и великий князь Владимир Александрович. В том году, 14 декабря, собрание всех членов РИО впервые проходило в Аничковом дворце у цесаревича, который «очень мило и любезно всех принимал». На этом заседании было решено печатать труды РИО в специальных сборниках. Половцов писал: «Наследник очень интересуется изданием нашего Сборника и пожертвовал 1500 руб. Императрица [Мария Александровна – Авт.] – 1000 руб., Владимир Александрович – 1000 руб.»³⁹.

Глубокое знакомство с историей России отразилось на оформлении интерьеров петербургского дворца великого князя Владимира. Три помещения были декорированы в «русском стиле»⁴⁰, импонировавшем как хозяину дворца, так и его старшему брату императору Александру III: Большая столовая (или Дубовый зал), домовая православная церковь и Новая столовая, которую Владимир Александрович называл гридницей или Бражной. Важным элементом украшения Большой столовой и церкви стали картины профессора Академии художеств Василия Петровича Верещагина «Крещение Св. князя Владимира», «Закладка Десятинной церкви в Киеве», три полотна на темы русских былин и другие.

³⁸ Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Круг общения государственного секретаря А. А. Половцова // Гатчинский дворец в истории России. Материалы научной конференции 2016. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 100–111.

³⁹ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 65. Л. 25.

⁴⁰ Корнева Г. Н., Петрицкий В. А., Чебоксарова Т. Н. Санкт-Петербургский дворец Вел. князя Владимира Александровича – Дом ученых РАН. 2-е издание. СПб.: Лики России, 2015. С. 43–44, 51–59.

В 1894 году в коллекции Александра III было около 800 полотен, большей частью русских художников.

Сделав попытку реконструировать живописную коллекцию Владимира Александровича и его супруги, мы проанализировали архивные документы и составили список авторов картин, принадлежавших великокняжеской чете. В списке упоминаются фамилии 118 русских художников (авторов 312 произведений) и 49 иностранных (авторов 63 произведений). Таким образом, по приблизительному подсчету оказалось, что в коллекции находилось около 360 живописных произведений. Сопоставляя коллекции братьев Александра и Владимира Александровича, можно сделать вывод, что они уделяли главное внимание национальному искусству.

После смерти императора Александра III его сын Николай II 13 (25) апреля 1895 года подписал указ «Об учреждении особого установления под названием «Русского Музея Императора Александра III» и о представлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского Дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом». В течение двух ближайших лет разрабатывалось положение о новом музее. Один из пунктов его гласил, что творения здравствующих живописцев могли поступить в Русский музей только после пятилетнего пребывания в Музее Императорской академии художеств. Очевидно, что великий князь Владимир Александрович и его супруга великая княгиня Мария Павловна, которые в течение 40 лет стояли во главе этого учреждения, также сыграли видную роль в создании коллекций Русского музея, а также в пропаганде и сохранении шедевров русского искусства.

*М. А. Павлова
Е. А. Бортникова*

«КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА» В ОРАНИЕНБАУМЕ (НОВОЕ ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЦА ПЕТРА III)

Ораниенбаумский дворец Петра III – объект культурного наследия с 250-летней историей – в настоящее время переживает масштабную реставрацию. Работы, сопоставимые с нынешними по объему и сложности, не проводились в здании с 1950-х годов. Тогда после комплексной реставрации фасадов и интерьеров дворца в его стенах была открыта выставка «Декоративное искусство Китая». В начале 1960-х годов она уступила место новой экспозиции, авторы которой попытались воссоздать исторический облик дворцовых интерьеров, ориентируясь на тот непродолжительный период, когда хозяином дворца являлся Петр III. На современном этапе помимо решения сложнейших вопросов, связанных с дальнейшим сохранением памятника, стоит важная задача реновации музейной экспозиции на основании накопленных знаний и переосмысления некоторых оценок и представлений, сформировавшихся в ранний период «музейной» биографии дворца Петра III. Среди прочего сегодня предпринимаются шаги, направленные на возвращение подлинных элементов отделки XIX века¹, сохранившихся, но скрытых до сих пор не только

¹ В 1870–1880-х годах во дворце Петра III проводились ремонтно-восстановительные работы. Они начались по инициативе владевшей Ораниенбаумом великой княгини Елены Павловны и были продолжены ее дочерью великой княгиней Екатериной Михайловной, собственностью которой имение стало в 1873 году. В истории дворца Петра III эта страница является второй по значимости (вслед за историей его создания в 1759–1762): почти разрушившийся к началу 1870-х годов памятник в результате продолжительного ремонта, требовавшего существенных капиталовложений, обрел новую жизнь. См.: Павлова М. А. Ораниенбаумские тетради: Петерштадт. Дворец Петра III. Картинный дом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. С. 112–119.

от широкого зрителя, но и большинства специалистов. В частности, речь идет о живописных панно на тему охоты, некогда оформлявших стены Кабинета во дворце Петра III.

Произведения, выполненные на холстах в технике воско-масляной темперы, представляют собой серию разноформатных картин (9 панно и 5 десюдепортов) с изображением сцен парфорсной охоты². Этот вид конной охоты с гончими собаками, когда жертва преследуется до ее полного изнеможения, известен с давних времен и достиг своего расцвета во Франции во времена Людовика XIV. В охоте принимал участие экипаж, состоящий из многочисленных пеших и конных егерей, а также пикеров, выжлятников, подгонщиков и стаешников, приставленных к стае гончих собак. Действие сопровождалось охотничьей музыкой³, которая придавала событию особое торжественное звучание и настроение.

Из четырнадцати панно Кабинета до настоящего времени сохранилось одиннадцать, в том числе два крупноформатных полотна, которые показывают разные этапы охоты: на северной стене Кабинета располагалась сцена прибытия участников к месту проведения охоты, на южной – динамичная картина преследования зверя стаей гончих, за которыми всадники, подгоняемые звуком фанфар, поднимают своих лошадей в галоп. Над окнами и дверями Кабинета помещались небольшие десюдепорты. Два из них – с изображением стада оленей на

водопое и драматической сцены с гончей, настигнувшей оленя, – сохранились. О двух других мы можем судить на основании фотофиксации 1947/48 года⁴: над северной дверью (в Спальню) находилось изображение загнанного кабана на фоне зимнего лесного пейзажа, над западной – собаки с добычей в зубах. (Еще одна несохранившаяся картина, которая располагалась над одним из южных окон, в объектив фотографа не попала.) Логическим завершением развития общей темы была демонстрация охотничьих трофеев: в узких простенках помещались вытянутые по вертикали композиции с изображением крупной и мелкой битой дичи. Заяц с уткой, селезнем и парой куропаток, кабан с глухарем на оленьих рогах, олень с фазаном, лиса с глухарем и куропаткой – все эти натуралистически трактованные «трофеи» подвешены на фоне рисованных трельяжных решеток с картушами в стиле рококо по центру.

Автором этих произведений является немецкий художник Ганс (Ханс) Шмидт (Hans W. Schmidt, 1859–1950). В первой половине 1880-х годов им были написаны стенные панно и десюдепорты для оформления трех помещений дворца Петра III. В их числе, наряду с Кабинетом, были Зал и Спальня. Столь грандиозный заказ из России молодой художник, не достигший еще 25 лет, вряд ли мог получить без рекомендации великого герцога Карла Александра Саксен-Веймар-Эйзенахского⁵, обратившего внимание на талантливого юношу во время его занятий в Великогерцогской школе искусств в Веймаре, куда

² См.: Безобразов С. В. Парфорсная охота // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская типо-литография И. А. Ефрона, 1897. Т. XXIIа. С. 896–898.

³ Охотничья музыка, или охотничьи сигналы – «тоны» и «фанфары», – имеют большое разнообразие форм. Каждый этап охоты обозначался своим «тоном». Наибольший расцвет этот вид музыкального искусства получил во времена короля Людовика XV, который сочинил собственный сигнал под названием «La Louise Royale» («Королевская Луиза»), обозначающий появление перед охотниками четырехлетнего оленя.

⁴ Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 33. Оп. 10. Ед. хр. 2, 6, 9 (КДМ 1191, 1192, 1193).

⁵ Карл Александр Август Иоганн Саксен-Веймар-Эйзенахский (1818–1901), сын великого герцога Карла Фридриха и великой герцогини Марии Павловны, дочери российского императора Павла I; великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский с 1853 года; всю жизнь поддерживал тесные связи с домом Романовых, неоднократно бывал в С.-Петербурге.

Шмидт приехал в 1879 году⁶. Начальное художественное образование он, сын ремесленника, получил в родном Гамбурге, в местной школе прикладного искусства. В Веймаре, с которым художник связал свою дальнейшую жизнь, Шмидт занимался в пейзажном классе Теодора Хагена, а позже учился у художника-анималиста Альберта Бренделя.

К сожалению, мы не располагаем документами, способными прояснить подлинные обстоятельства получения Шмидтом заказа из России, равно как остается невыясненным и содержание (программа) последнего. Из материалов, связанных с ремонтно-восстановительными работами, проводившимися во дворце Петра III в 1870–1880-х годах, известно только, что в 1884 году за «привезенные из заграницы» живописные панно было заплачено 2530 руб. 04 коп. и 158 руб. 71 коп. – за доставку. В 1886 году еще 1135 руб. 80 коп. было внесено в Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк «для перевода художнику Шмидту в Веймар за картины (обои) для дворца Петра III, остальные 2300 мар. по курсу...»⁷ Гонорар в полном объеме живописец получил в апреле 1886 года, о чем он лично уведомил Придворную контору великой княгини Екатерины Михайловны: «Das Honorar für die gemalten Wanddecorationen für Schloß Oranienbaum, im Betrage von Mark 7500, durch das Hofcomptoir der Frau Großfürstin Catharina (von) Rußland, erhalten zu haben bescheinigt hier mit Danken ergebenst / Hans W.

⁶ Об участии великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского в судьбе Г. Шмидта сообщает Konrad Hüther из Эрфурта: *Leserpost: Die unvergessenen Gemälde des Professors Hans W. Schmidt // Thüringer Allgemeine*. 2015. 2 июня. Электронный ресурс: <http://www.thueringer-allgemeine.de/web/zgt/suche/detail/-/specific/Leserpost-Die-unvergessenen-Gemaelde-des-Professors-Hans-W-Schmidt-1709040249> (дата обращения: 04.06.2017).

⁷ РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 347. Л. 43–44; оп. 2. Д. 435. Л. 13.

Schmidt / Genremaler / Weimar 14 April 1886»⁸. В следующем году живописные панно заняли свои места на стенах интерьеров дворца Петра III: в счете подрядчика С. Г. Волковиского (Волковысского), предъявленном к оплате в октябре 1887 года, упоминаются сделанные им «42 подрамника для картин с разными переплетами в 3-х комнатах» и «151 сажен тяги кругом картин... с приправкою на месте» – работы, связанные с декорировкой стен Зала, Кабинета и Спальни живописными «обоями», присланными из Веймара⁹.

В течение шести с половиной десятилетий эти произведения оставались во дворце. В конце XIX – начале XX века здание поддерживалось ежегодными ремонтами, хотя, по словам графа Г. Г. Карлова¹⁰, «Петровский дворец был необитаем, и лишь иногда бывали там охотничьи завтраки». В числе достопримечательностей этого здания, памятного ему по детским годам, проведенным в Ораниенбауме, автор называет «картины, писанные масляными красками и слишком больших размеров», которые, как он говорит, «вделала в стены» его бабушка, великая княгиня Екатерина Михайловна¹¹.

⁸ «Гонорар за написанное стенное украшение для дворца Ораниенбаум, в размере 7500 марок, из придворной конторы великой княгини Екатерины (из) России, получил, о чем с благодарностью удостоверяет / Hans W. Schmidt / Художник-жанрист / Веймар. 14 Апреля 1886» (РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 347. Л. 44. Пер. с нем.).

⁹ РГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 365. Л. 309.

¹⁰ Граф Георгий Георгиевич Карлов (1899–1963) – младший сын герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н. Ф. Карловой, внук великой княгини Екатерины Михайловны. Родился в Ораниенбауме, оставил воспоминания о своей жизни в России (*Meine Erinnerungen an Rußland, 1899–1917*), основанные на детских дневниках и воспоминаниях.

¹¹ Летопись Ораниенбаума. 1710–1918: История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях / Сост. М. А. Павлова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. С. 314.

После революции 1917 года дворец Петра III, как и другие ораниенбаумские постройки, был национализирован со всем «художественно-историческим имуществом»¹². В 1929 году здание было передано в арендное пользование Ораниенбаумскому лесному техникуму, обязавшемуся использовать его «под музей»¹³. То, как это обязательство было выполнено, вовсе не пошло на пользу дворцу: так называемый «музей», где были «свалены в кучу книги и экспонаты животных», разместился в 2 помещениях верхнего этажа (в Буфетной и Зале)¹⁴, Передняя была занята канцелярией Охоттоварищества, оставшиеся помещения парадного этажа использовались директором Учебно-Лесотехнического комбината (прежний Лесной Техникум) Остроумовым под личное жильё¹⁵. В акте осмотра дворца комиссией от 10 июня 1939 года были отмечены многочисленные повреждения, явившиеся следствием варварского отношения арендаторов к зданию. Среди пострадавших элементов внутренней отделки были и стенные панно: на холстах, декорировавших стены Зала, были зафиксированы «разрывы во многих местах», с уточнением, что «порванные места приколочены гвоздями (толевыми)». Большое панно с восточной стены бесследно исчезло. В Спальне отсутствовали два панно (одно из них было срезано и перенесено в «кухню» нижнего этажа), на одном полотне был сделан вырез для дымохода, а прорывы достигали 10–15 см. И только в «Охотничьей комнате» – именно так в документе 1939 года назван Кабинет – живописные

¹² Северная Коммуна. 1918. 18 августа (№ 83).

¹³ Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 23. Оп. 1. Д. 29. Л. 37 об.

¹⁴ Комиссия, осматривавшая дворец 4 ноября 1932 года, обнаружила, что «в большой комнате помещается с Музеем стол Председателя Т-ва и лабораторный стол», а «в маленькой комнате свалены в кучу книги и экспонаты животных, т.к. их некуда разместить».

¹⁵ См.: Акт осмотра дворца Петра III от 4 апреля 1932 г. (Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 23. Оп. 1. Д. 30. Л. 1).

«обои» сохранялись в целости: «... панно и десюдепорты в количестве 12 штук в порядке»¹⁶.

При восстановлении интерьеров дворца в 1950–1960-х годах одним из наиболее сложных оказался вопрос об отделке стен. Сначала по результатам проведенной научно-исследовательской работы предполагалось возродить штофную обивку в соответствии с данными описи 1765 года¹⁷. (Штоф планировалось изготовить на фабрике в Москве.) Однако в 1950-х годах от этой идеи отказались, поскольку дворец Петра III рассматривался тогда не как художественно-бытовой музей, а лишь помещение для выставки. Ввиду этого было принято решение о сохранении уцелевшей отделки 1880-х годов в трех комнатах (Передней и Буфетной и Будуаре)¹⁸. Вместе с тем современная этой отделке живопись Шмидта, декорировавшая стены трех других комнат, была названа «чрезвычайно слабой в художественном отношении», совершенно не гармонировавшей с «отделкой XVIII века потолков и живописных лаков в характере китайского искусства» (хотя, как теперь доказано, вся отделка парадных интерьеров была обновлена в последней

¹⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 23. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–17. Текст документа опубликован: Павлова М. А. Ораниенбаумские тетради... С. 153–160.

¹⁷ Штофные обои различались: в Передней (1-й комнате) они были «шелковые камчатные, шахматные разного цвета», во 2-й – «штофные зеленые с белыми цветами». Для отделки Кабинета (4-й комнаты) были использованы «обои серебряные, парчевые с цветами и зелеными полосами», «в 5-м в спальне обои обьяринные с малиновыми и белыми полосами, насыпные серебром и кругом обложены малиновою высечкою и поверх высечки узенким серебряным гасиком», «в 6-й комнате, уборной: обои отласные, голубые, выложены золотым гасиком с нашивными лицами, вышитыми синелью и ис протчей материей» (РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 41. Л. 86–87 об.).

¹⁸ В 1887 году стены Передней и Буфетной были декорированы резными филёнками и окрашены, а в Будуаре тогда же появилась деревянная облицовка с резными орнаментами.

четверти XIX века), в связи с чем в 1951 году живописные панно были сняты со стен. Первый хранитель дворца-музея З. Л. Эльзенгр весьма подробно изложила побудительные мотивы, положенные в основу этого решения: «Специальной комиссией, состоящей из представителей Научного отдела и инспектора Госинспекции, было вынесено решение о снятии всех живописных панно, исходя из следующих соображений: 1. Существующие живописные панно не соответствуют сохранившемуся убранству дворца XVIII века. 2. Живописные панно, если их оставить на месте, будут мешать оформлению стен, отделанных в связи с установленной в Залах и в комнатах выставки. 3. Живописные панно не представляют никакой исторической и художественной ценности. 4. Снятие панно, с условием накатывания их на валы, будет способствовать их сохранности, тогда как при оставлении их на месте, при закрытии стен шелками и панно коромандельских лаков, живопись пострадает от прикрепления планок, а также отсутствия воздуха»¹⁹. Помимо рациональных соображений, продиктованных задачей создания экспозиционного пространства, мы видим здесь категорическое неприятие «комнатной» живописи XIX века как проявление единой для середины прошлого столетия тенденции в отношении ко всему искусству периода эклектики как к чему-то второсортному и малохудожественному. Очевидно, столь суровый приговор живописным «обоям» 1880-х годов был вынесен еще и по причине их плохой сохранности. Однако нельзя не признать, что наши предшественники позаботились о живописи XIX века, сняв холсты и накатав их на валы. Поэтому в том, что произведения веймарского мастера сохранились, есть и их заслуга.

¹⁹ Эльзенгр З. Л. Реставрационные работы во дворце Петра III в 1952–1953 гг.: Рукопись. 1953. Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 23. Оп. 2. Д. 101. С. 10.

Надо сказать, что Г. Шмидт относится к числу художников, интерес к которым в последнее время неуклонно увеличивается. В Веймаре его не только помнят, но и очень почитают. В 2009 году, в связи со 150-летием со дня рождения Шмидта, на доме по Амалиенштрассе, 17, где была его мастерская, установили мемориальную доску. Ежегодно проходят различные мероприятия, появляются публикации, приуроченные к дням памяти художника. Заметным событием в культурной жизни Германии стала выставка «Веймар монументальный. Исторические полотна Г. Шмидта из Веймархалле» («Die Historiengemälde aus der Weimarhalle von Hans W. Schmidt (1859–1950)»), открывшаяся в апреле 2017 года в городском музее Веймара (Stadtmuseum Weimar) и посвященная циклу исторических полотен, созданных уже заслужившим признание мастером в начале 1930-х годов²⁰. Нам же выпала возможность познакомиться с ранними работами Шмидта, когда на художественном попире он делал еще только первые шаги.

Безусловный интерес представляет выбор и разнообразие тем: для Зала художник написал полотна аллегорического содержания и большие вазы с цветочными букетами, в оформлении Спальни господствовали пасторальные мотивы, и, наконец, в Кабинете были представлены сцены охоты. Несмотря на отсутствие определенных доказательств, с большой вероятностью можно предположить, что такова была воля заказчицы – великой княгини Екатерины Михайловны. Нельзя исключить и то, что именно она указала художнику конкретные образцы, на которые ему следовало ориентироваться. Ранее именно так, по всей видимости, поступала ее мать великая

²⁰ Информацию о выставке см., например, на сайте: <http://stadt.weimar.de/aktuell/presse/mitteilung/lang/weimar-monumental-die-historiengemaelde-aus-der-weimarhalle-von-hans-w-schmidt/> (дата обращения: 04.06.2017).

княгиня Елена Павловна. По ее предложению в середине 1850-х годов живописцы Л. Х. Фрикке и И. П. Келлер, привлеченные к работам в Китайском дворце, должны были «разрисовать там стены одной комнаты à la Vatto». При этом, как установлено исследователями, в качестве образцов для декоративных панно, назначавшихся для Штофной опочивальни, ими были использованы гравюры Ф. Буше и Ж.-Ф. Леба, основанные на оригинальных композициях А. Ватто²¹. Изучение живописных панно из дворца Петра III позволило определить, что и у них имеются конкретные художественные прообразы. Так, композиция частично сохранившегося полотна из Спальни напоминает гравюру Ж. Доле (Jean Daullé, 1703–1763), которая, в свою очередь, является зеркальным повторением картины Ф. Буше «Прелести сельской жизни» (*Les charmes de la vie champêtre*, 1735). Три панно из Зала демонстрируют несомненное знакомство автора с циклом гравюр К. Дюфло (Claude Augustin Duflos, 1700–1786), представляющих аллегории различных видов поэзии – сатирической, эпической и пасторальной²². Как и в предыдущем случае, автором оригинальных композиций являлся Ф. Буше. Он же выполнил многочисленные рисунки с изображением путти, олицетворяющих различные времена года, виды искусства и пр. Эти произведения

²¹ См.: Музей-заповедник «Ораниенбаум», Санкт-Петербург: [Каталог живописи] / Е. Кочерова, Е. Львова. М.: Белый город, 2008. С. 54–55; Сяпина Т. С. Штофная опочивальня Китайского дворца в Ораниенбауме. Проблемы реставрации и музеефикации интерьера // Уникальный памятник архитектуры конца XVIII века дворец-театр в Останкине в контексте международного опыта реставрации и сохранения дворцовых комплексов: новый взгляд на старые проблемы: Материалы науч. конф. М., 2014. С. 162–165; Горбатенко С. Б. Архитектура Ораниенбаума. Западная дистанция Петергофской дороги. СПб.: Историческая иллюстрация, 2014. С. 211–212.

²² На четвертом (утраченном) панно, очевидно, была представлена «Аллегория лирической поэзии», входящая в цикл гравюр.

разошлись повсюду в виде гравюр Ж.-Г. Юкье (Jacques Gabriel Huquier, 1730–1805), Л.-Ф. де ла Рю (Louis Félix de La Rue, 1731–1765), Ж.-Ш. Франсуа (Jean Charles François, 1717–1769) и других. Среди них мы находим конкретные прообразы для всех десюдепортов, написанных Шмидтом для Зала и Спальни дворца Петра III.

Сцены охоты для оформления Кабинета, решенные, на первый взгляд, во вполне реалистичной манере, несколько отличаются от остальных произведений. Однако намеренная театральность поз, как и костюмы изображенных персонажей, заметно отстоят от реалий последней четверти XIX века. Логично предположить, что в соответствии с полученным заказом художник стремился изобразить охоту времен первого хозяина дворца, тем более что, возвращая к жизни здание-памятник с именем Петра III, владельцы Ораниенбаума, видимо, желали вернуть и добрую память о нем. Недаром в конце XIX века в Кабинете появился его портрет – «портрет под стеклом в золоченой ра<ме> Петра III»²³.

Как известно, Петр Федорович совсем не чуждался охотничьих забав, и, хотя в ряду прочих его занятий они уступали место как военной страсти, так и любви к музыке и театру, в Ораниенбауме была заведена собственная охота. К началу 1762 года в ее составе числилось больше 40 человек²⁴. В восточной части имения располагался большой охотничий парк – зверинец, устройство которого началось еще в 1748 году²⁵. Здесь, на верхней террасе, были прорублены просеки

²³ РГИА. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2406. Л. 13.

²⁴ Кутепов Н. И. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век / [Царская охота на Руси]: Исторический очерк Николая Кутепова: В 4-х т. 2-е изд. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. Т. 3. С. 133.

²⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61462. Л. 2 об.–4.

(«прешпективные дороги»)²⁶, на пересечении которых соорудили «беседку»²⁷, служившую для стрельбы по животным: «... во зверинце гульбище деревянное осмигранное на каменном фундаменте и кругом онаго балясы... длиною вокруг 26 сажень»²⁸.

В документах 1750-х годов неоднократно встречаются сведения об определении в Ораниенбаум охотников, присылке борзых и гончих собак, а также диких зверей²⁹. К примеру, в январе 1755 года к состоявшему на службе у великого князя форстмейстеру (лесничему) Бастиану был направлен указ «о принятии подведенных Его Императорскому Высочеству 52-х аленей от голстинского от обер аудитора Броуна, живых»³⁰, а в мае того же года в журнале «посылаемым разным вещам...» появилась запись о том, что в Ораниенбаум отправлена «лисица при ней 6 лисенков»³¹. Весной 1762 года по указу Петра III, пожелавшего «приумножить» ораниенбаумский зверинец, планировалось «построить для кормления оленей в зимнее время сараи, а в летнее денник с покрышкою и для поения оных аленей вырыть пруд, и привести из онаго канал». Тогда же должен был строиться «зверовой двор» с небольшими сараями для мелких зверей и теплым хлевом для американских свиной³².

Согласно замечанию Н. И. Кутепова, по своему составу ораниенбаумская охота представляла соединение егерской команды с псовой охотой³³. Еще в октябре 1755 года во главе

²⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61462. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 26, 26 об., 30.

²⁸ РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

²⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61534 а. Л. 3 об., 4, 5 об., 10, 33.

³⁰ Там же. Д. 61462. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 10.

³² РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

³³ Кутепов Н. И. Указ. соч. С. 133.

ее был поставлен бюксен-шпаниер³⁴ голштинiec А. Дом, с поручением «в смотрение ему всей псовой немецкой и русской охоты, зверинца и оружейной каморы со всеми принадлежащими к тому служителями»³⁵. В 1762 году Дом числился уже обер-ферштером (лесничий высшего звания, знакомый с егерским делом), а место бюксен-шпаниера занимал некто Коев. Среди чинов ораниенбаумской охоты в это время фигурируют также: обер-егерь Толленгрин, егери Иван Орлов и Федор Чеплыгин, стремянный егерь Андрей Тон, стремянный охотник Петр Биргин, корытничий³⁶ Вегнер и, кроме того, «прочие охотники» и егерские ученики³⁷. Все они «имели жительство» в деревянных постройках егерского и охотничьего дворов, располагавшихся к северу и юго-западу от зверинца³⁸.

Краткие упоминания об охотах, проводившихся в середине XVIII столетия в окрестностях великокняжеской резиденции, встречаются в автобиографических записках Екатерины II: «... мы отправились в Ораниенбаум, где каждый Божий день бывали на охоте и иногда проводили по тринадцати часов на лошади»³⁹, – пишет она, рассказывая о своих занятиях летом 1750 года, и повторяет то же самое еще раз, переходя к событиям следующего лета⁴⁰. В инструкции 1752 года, составленной для караульного офицера при ораниенбаумском дворце, отдельной

³⁴ Основные обязанности бюксен-шпаниера заключались в надзоре за ружьями.

³⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3, ч. 114. Д. 61534 а. Л. 34 об.

³⁶ В обязанности корытничего входило кормление собак и уборка псарни.

³⁷ РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 34. Л. 29 об.–31.

³⁸ Горбатенко С. Б. Указ. соч. С. 120.

³⁹ Записки императрицы Екатерины Второй: Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. 306.

⁴⁰ Записки императрицы Екатерины Второй... С. 319.

строкой было прописано положение о пропуске придворных, следующих верхом или в колясках, мимо восточного павильона дворца, откуда дорога вела в зверинец. Но эта привилегия распространялась только на участников великокняжеской охоты и лишь в те дни, когда эта охота проводилась, тогда как в других случаях неукоснительно действовало правило: «Мимо купола что от пруда⁴¹ на лошадях ни с чем никого не пропускать»⁴². Лаконичные свидетельства об охотничьих забавах великого князя Петра Федоровича находим на страницах «Дневника статского советника Мизере...»: «15 <января 1761>. Утро на охоте за лесными пулярами...»⁴³, «18 <января 1761>. До обеда травля медведя; Его Императорское Высочество убил его одним ружейным выстрелом...»⁴⁴ В записи от 17 апреля 1762 года упоминается «охота за оленем и обед в Sans Ennui, на даче графини Воронцовой, в 5-ти верстах от Ораниенбаума»⁴⁵. Однако простое перечисление всех этих событий не позволяет нам нарисовать полноценную картину с красочными деталями и подробностями. Желая компенсировать этот недостаток, приведем здесь описание императорской охоты в Красном Селе, среди участников которой был и великий князь Петр Федорович. Подробный отчет об этом событии, появившийся на страницах «Санктпетербургских ведомостей» 4 октября 1751 года, начинался с заявления: «Великолепие, соединенное с искусным распоряжением, которым Российской Императорской Двор пред другими столь превосходно сияет,

⁴¹ «Мимо купола что от пруда» – мимо восточного павильона Большого дворца.

⁴² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61455. Л. 145–146.

⁴³ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем / Публ. П. И. Бартенева // Русский архив. 1911. Кн. 2. Вып. 5. С. 8.

⁴⁴ Дневник статского советника Мизере... С. 8.

⁴⁵ Там же. С. 15.

никогда в прекраснейшем виде не оказывалось, как 30 числа прошедшего месяца, при учрежденной в Красном Селе охоте». Далее следовало описание сего действия: «Ея Императорское Величество, Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь, и несколько Дамских особ, которыя, купно с знатнейшими придворными Кавалерами, числом до 30 персон, на оную приглашены были, прибыли туда все в одинаком платье, а именно в суконных бирюзового цвета Черкесских кафтанах и в алых камзолах, везде золотым гасом преобогато выкладенных, причем не было ни одного, кто б не имел на себе такого платья. <...> При прибытии Ея Императорскаго Величества на сборное место стояли там, кроме свиты Ея Величества, в два ряда, больше семидесяти егеров, в Черкасском же одинаком платье, а именно в алых суконных кафтанах и в зеленых камзолах, с золотым позументом. Как скоро дан был сигнал трублением в роги, то началась охота и с совершеннейшим успехом продолжалась, при чем было больше трехсот гончих и борзых собак». Потрясенный масштабом и великолепием зрелища автор особо подчеркнул: «Вышеупомянутое одинаковое платье высоких особ, также и егерское, было столь великолепно и богато, что оно стоило больше 20 000 рублей, не считая того, что каждый кавалер имел при себе еще несколько собственных егеров и других служителей, которые не меньше богато одеты были; также не малого числа заводных лошадей с богатым набором. А понеже при том и самое положение места, где охота происходила, для множества холмиков, чрезвычайно способно было, чтоб такое с наилучшим порядком соединенное великолепие зрению совершенно представить, то по справедливости сказать можно, что все сие удивления достойный вид производило»⁴⁶.

⁴⁶ Цит. по: Кутепов Н. И. Указ. соч. С. 51 (в примечаниях).

И здесь мы должны вернуться к живописным панно из дворца Петра III, изображающим охотничьи сцены. Пытаясь понять, имеют ли они отношение к реальным событиям и персонам или являются свободными вариациями на заданную тему, мы пришли к неожиданному результату. Оказалось, что и в этом случае художник опирался на вполне конкретный образец. А именно: одна из двух наших композиций в точности повторяет произведение из цикла «Королевские охоты», созданного Ж.-Б. Удри (Jean-Baptiste Oudry, 1686–1755) по заказу французского короля Людовика XV. Не углубляясь в историю этого грандиозного проекта, который принес художнику заслуженную известность и состояние, напомним только, что в течение 1733–1746 годов Удри написал 9 громадных картонов, по которым на королевской мануфактуре Гобеленов были изготовлены два полных комплекта ковров⁴⁷: один из них предназначался для оформления королевских покоев в Компьенском замке, другой был продан в 1749 году инфанту дону Филиппу, герцогу Пармскому⁴⁸. На картонах, изображающих различные сцены охоты Людовика XV, помимо узнаваемой фигуры самого монарха Удри поместил портретные изображения главных королевских охотников, равно как большинство собак и лошадей было написано им с натуры. Кроме того, в своих произведениях Удри запечатлел реальные пейзажи, соответствующие конкретным географическим местам в Компьенском лесу,

⁴⁷ Шпалеры их двух разных комплектов различаются только изображением гербов и монограмм, включенных в рисунок тканых бордюров, которые обрамляют сюжетные композиции.

⁴⁸ Сведения по истории создания серии картонов и шпалер «Королевские охоты» приводятся по каталогу: J.-B. Oudry: 1686–1755: [Exposition], Galeries nationales du Grand Palais, Paris, 1er octobre 1982 – 3 janvier 1983 / [Catalogue par H. Opperman et P. Rosenberg]. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1982. P. 135–143.

лесах Фонтенбло и Сен-Жермен, где традиционно проходили королевские охоты. В частности, наиболее интересный для нас пятый картон из серии представлял Людовика XV с охотничьей собакой-ищейкой на перекрестке у Одинокого источника в Компьенском лесу⁴⁹. Очевидно, что Шмидт достаточно точно повторил не только общую композицию, но и детали пейзажа. При этом цветовое решение существенно отличается как от живописного оригинала Удри, так и от колорита вытканной по нему шпалеры. Особенно наглядно это проявилось в многоцветии костюмов охотников, не характерном не только для французской королевской охоты, но и мало напоминающем «одинакое платье», описанное свидетелем охоты российской императрицы. И здесь самое время задаться вопросом: на что именно ориентировался Шмидт? Вероятность того, что начинающий немецкий художник видел оригинальный картон Удри, фактически исключена. С середины XIX века восемь картонов (включая 5-й) находятся в замке Фонтенбло. Кроме того, живописная рама, в которую Шмидт заключил свою композицию, отсутствующая на картоне Удри, почти в точности повторяет орнаментальный рисунок бордюра на шпалерах, и следовательно, источником вдохновения должны были послужить именно они. В связи с этим можно не рассматривать возможность использования предварительных эскизов для 5-го картона (до настоящего времени сохранились подготовительный рисунок⁵⁰ и эскиз маслом, подписанные

⁴⁹ J.-B. Oudry. Louis XV tenant le limier, allant au bois, au carrefour du Puits solitaire, forêt de Compiègne (Людовик XV, держащий собаку-ищейку, направляется в лес, перекресток у Одинокого источника, Компьенский лес). 1739. Carton de tapisserie. 357 x 272 cm. Musée national du château de Fontainebleau.

⁵⁰ В ноябре 2016 года рисунок выставлялся на торги аукционным домом Vinoche et Giquello (Париж) с эстимейтом 50 000–60 000 евро и был продан за 63 500 евро.

Ж.-Б. Удри⁵¹), на которых тоже нет рисованных рам. Но и в случае со шпалерами вряд ли можно допустить, что Шмидт познакомился с подлинными произведениями, поскольку одна серия ковров оставалась (и остается) во французском Шато-де-Компьен, а другая – во Флоренции⁵². «Королевские охоты», в отличие от многих других произведений Ж.-Б. Удри, не распространялись в виде гравюр. На рубеже 1770–1780-х годов эскизы художника были скопированы в малом формате мастерами Севрской мануфактуры, которые расписали девять фарфоровых пластин, предназначенных для украшения столовой в малых апартаментах Версаля (интересно, что в процессе работы «охоты Людовика XV» превратились в «охоты Людовика XVI», для чего были «обновлены» костюмы изображенных персонажей, а Людовик XV получил портретное сходство с Людовиком XVI), но эти подробности никак не приближают нас к ответу на поставленный вопрос. Единственное соображение, которое пока предлагается в качестве рабочей гипотезы, заключается в том, что Шмидт располагал черно-белым фотографическим снимком французской шпалеры⁵³. Таким образом, он беспрепятственно мог повторить общую композицию оригинального произведения и даже некоторые

⁵¹ Эскиз, датируемый 1738 годом, представлен в коллекции парижского музея Ниссим-де-Камондо (Musée Nissim de Camondo).

⁵² Ковры были отправлены во Флоренцию в 1860–1870 годах. В настоящее время находятся в палатце Питти.

⁵³ Известно, что среди фотографий, изготовленных итальянской фирмой «Братья Алинари» (Fratelli Alinari) к 1876 году, были изображения всех гобеленов из серии «Королевская охота», находившихся во Флоренции (см.: Prima appendice al catalogo generale delle riproduzioni fotografiche, pubblicate per cura dei fratelli Alinari. Firenze: Tipografia di G. Barbera, 1876. P. 118, 119). Кроме того, в 1881 году во французском периодическом издании «Revue des arts décoratifs» было опубликовано фотографическое изображение шпалеры из Шато-де-Компьен – как раз той, которая послужила образцом для ораниенбаумского панно.

детали, но должен был найти собственное цветовое решение. Что же касается изображенных им персонажей, то попытки отыскать портретное сходство и идентифицировать их с конкретными историческими лицами остались безрезультатными, и скорее всего, художник к этому совсем не стремился.

Несомненное знакомство Шмидта с творчеством Ж.-Б. Удри, по всей вероятности, не ограничивалось единственным произведением. Во всяком случае, рассматривая второе большое панно из Кабинета дворца Петра III, несмотря на отсутствие явных образцов, нетрудно провести параллели с произведениями французского мастера. То же самое наблюдение относится к композициям из охотничьих трофеев, написанных Шмидтом для узких простенков Кабинета. Они явно напоминают о «натюрмортах» Удри, охотно изображавшего битую дичь. Дальше всего от образцов XVIII века отстоят композиции десюдепортов, исполненных в подчеркнуто реалистической манере, характерной для творчества немецких художников-анималистов второй половины XIX века (в частности, можно указать на произведения Б. Адама (Benno Adam, 1812–1892), Г. фон Мафффея (Guido von Maffei, 1838–1898), Й. Шмитцбергера (Josef Schmitzberger, 1851–1936) и др.). При этом очевидными являются способности Шмидта к самостоятельной работе. К слову сказать, даже в тех случаях, когда он использовал готовые образцы, начинающий художник не копировал их, а вносил существенные изменения, продиктованные, прежде всего, заданной формой и габаритами заказанных ему произведений (особенно хорошо это видно при сравнении панно, написанных для Зала, с гравюрами *К. Дюфло*).

Работа Шмидта, вероятно, пришлась по вкусу великой княгине Екатерине Михайловне, хотя никаких доказательств этого у нас нет, но сам факт, что присланные из Веймара холсты

вскоре заняли назначенные для них места в отделке обновленного дворца, свидетельствует в пользу этого предположения.

В заключение остается добавить, что в настоящее время произведения Ганса В. Шмидта переданы на реставрацию⁵⁴. В недалеком будущем они вернутся в Ораниенбаум, во дворец Петра III, где вновь появится «Охотничья комната».

Т. Ф. Паришкова

ДВОРЦОВАЯ ФЕРМА В СОСТАВЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ

В апреле 1882 года канцелярия Министерства императорского двора доводит до сведения управляющего гатчинским дворцовым правлением генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута, что министр распорядился передать Гатчинскую ферму в ведение начальника Императорской охоты. 23 апреля Багговут пишет начальнику Императорской охоты, что на основании Высочайшего повеления Дворцовая ферма должна быть передана в его ведение и просит уведомить о времени, когда угодно будет передать ферму и кому именно.

С 19 февраля 1880 года начальником охоты был Г. А. Чертков (1832–1900). Высокообразованный, деловой, склонный к естественным наукам, любящий и понимающий охоту, он успешно управлял обширным и сложным охотничьим хозяйством. Чертков ответил, что приёмку Фермы будет производить он сам. Багговут извещает Григория Александровича, что в среду 28 апреля в 16 часов лично будет передавать ему ферму.

Первого мая составлен акт, который подписали Багговут и егермейстер Чертков. Четвёртого мая Багговут доложил, что ферма сдана им лично в ведение начальника Императорской охоты¹.

При передаче составлен реестр бумагам.

При ферме оказалось рогатого скота: бык, пять коров комолой породы, 11 холмогорской породы, семь тёлочек и бычок, вещевое имущество.

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 25. Д. 92. Л. 1, 4, 5. С перепиской, относящейся до дворцовых ферм. 1882 г.

⁵⁴ В работах по реставрации живописных панно принимают участие: А. В. Минин, А. Л. Макаров, Т. Б. Серова, В. В. Савенок, М. Р. Дашкин, Н. Е. Романова, Н. Н. Егорова, М. Е. Солдатенкова под руководством И. Н. Корняковой и О. Ю. Кленовой.

Составлен также список предметов. В него вошли образа, мебель, бытовые и хозяйственные предметы². В парадных комнатах находились 18 картин в золочёных рамах. Среди них работы фламандцев, И. Ф. Гротта³, Капшидолио, Роза ди Тиволи⁴, Дитриха, И. Ф. Вейтша.

По смете расходов Императорской охоты 1882 года сумма дворцового правления по ферме была увеличена: на 3130 рублей 68 копеек (до 7839 рублей) на прокорм скота. На покупку керосина, масла конопляного, светильни и пальмовых свечей сумма увеличена до 30 рублей (больше на 4 рубля 5 копеек) на случай вздорожания осветительных материалов; 370 рублей на заготовку 80 саженой дров. Ввиду ветхого состояния фермы запрашивалась сумма в 500 рублей на приобретение материалов, ошейников, верёвок, цеп, мётел, лопат, постройку, починку и окраску столиков, скамеек, подмазку стен и перегородок, на покупку необходимых предметов по содержанию фермы в чистоте и надлежащей опрятности. 100 рублей на покупку горшков, подойников, вёдер, крынок, бутылок, холста и т. д., 150 рублей на обмундирование; 20 рублей на уплату оценочного сбора с рогатого скота (в размере 1 % его стоимости, оценённой в 1980 рублей). Смету подписал Чертков.

Было разработано положение о продовольствии лошадей, собак, щенков, зверей и рогатого скота, находящегося в ведении Императорской охоты. В зимнее время: быку и коровам по

² РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 2. Л. 14, 19, 20. 1882–1883гг.

³ Грот Иоганн Фридрих (1717–1800) – профессор живописи зверей и птиц ИАХ, живописец кабинета Е. И. В., советник академии (1774).

⁴ Филипп Петер Р. (1657–1705), старший сын и ученик Иоганна Генриха, в 1677, благодаря материальной поддержке ландграфа гессен-кассельского, отправился в Рим и совершенствовался там под руководством Бранди. Впоследствии проживал в Тиволи, и за ним упрочилось прозвище «Роза ди Тиволи».

два гарнца отрубей, пуд сена и семь фунтов соломы; большим тёлкам по полгарнца отрубей, 30 фунтов сена и по семь фунтов соломы; малым тёлкам по одному гарнцу отрубей, 20 фунтов сена и пять фунтов соломы. В летнее время: быку и коровам по 2 гарнца отрубей, по 20 фунтов сена и по 7 фунтов соломы; большим тёлкам по 1,5 гарнца отрубей, по 15 фунтов сена и по 7 фунтов соломы; малым тёлкам – по гарнцу отрубей, 10 фунтов сена и по 5 фунтов соломы. Коровам – соли бузуну 24 пуда в год.

Под руководством архитектора С. О. Шестакова⁵ в 1882 году на ферме произвели ремонт весов, забора, печей, стен и потолков, ворот и калиток, переделку стойл.

В 1882 году уплатили заведующему хозяйством Миронову за разные вещи и очистку отхожих мест, фабриканту Урлауб за две лампы, М. Шевелёвой за разные работы, купцу Лытикову за 2 кувшина и мышеловку, канониру М. Прокофьеву за ошейники. Имеются счета от братьев Шиловых за 200 горшков в глазури, ценой по 10 рублей за сотню, и от Овчинникова за белую бумагу, сургуч, нитки голландские.

Чертков просит уведомить Мозинское и Старосквирицкое волостное правление, что 28 августа будут продаваться на Гатчинской ферме 7 тёлки и бычок и просит гатчинскую полицию объявить о продаже. По торговому листу видно, кто и за сколько приобрёл телят холмогорской породы.

Четвёртого августа Чертков шлёт телеграмму министру двора с известием, что в пруду против фермы вода упала, ил вышел наружу, запах сильный.

Не будет ли приказа его вычистить. Министр приказал очистку отложить до будущего года.

⁵ Шестаков С. О. числился с 1875 г. архитектором Гатчинского дворцового управления и Императорской охоты.

10 октября министр императорского двора Воронцов-Дашков⁶ из Гатчины шлёт исправляющему должность обер-гофмаршала по цалмейстерской части Васильковскому⁷ указание, что молочные скопы со всех Императорских ферм должны отпускаться для Высочайшего Двора по расчёту, утверждённому ещё в 1863 году.

В 1882 году было получено разрешение бесплатного лечения в Гатчинском городском госпитале служащих Императорской охоты, их жён и детей.

Из отчёта за 1882 год

Продано разным лицам: парного молока на 345 рублей 42 копейки, снятого молока на 58 рублей 71 копейку, сливок на 326 рублей 97,5 копеек, масла на 223 рубля 42 копейки, простокваши на 37 рублей 4 копейки, варенца на 2 рубля 10 копеек, творогу на 51 рубль 39,5 копеек. Госпиталю: парного молока на 60 рублей 42 копейки и снятого – 221 рубль 82 копейки. Получено от продажи телят 318 рублей 85 копеек.

Всего: 1646 рублей 15,5 копеек⁸.

19 декабря Чертков в докладной записке просит разрешения на продажу трёх коров с фермы по случаю их малодойности и болезненного состояния, засвидетельствованных смотрительницей фермы и ветеринарным фельдшером охоты. На записке надпись: разрешаю. В торговом листе обозначен предмет торга: Лютка – 30 рублей, Малька – 25 рублей, Рыбка – 45 рублей. Торговались: Коптев, Карпов, Рюмин, Останин, Мулло⁹.

⁶ Воронцов-Дашков И. И. (1837–1916) – русский государственный и военный деятель, министр императорского двора и уделов, председатель Красного Креста, наместник на Кавказе.

⁷ Васильковский А. С. (1824–1895) – генерал-лейтенант (1886), гофмейстер Высочайшего Двора, один из близких Александру III лиц, принял участие в ряде дел Рушукского отряда, исполняя роль адъютанта.

⁸ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2607. Л. 18.

⁹ Там же. 7 об.

11 июля 1883 года Санкт-Петербургская губернская Земская управа просит начальника охоты по примеру прошлого года прислать ведомость количества и оценки рогатого скота, находящегося на Гатчинской ферме, и причитающийся сбор за скот за время с 1 мая 1883 по 1 мая 1884 года. 27 июля Чертков из Егерской слободы препровождает 44 рубля, составляющие 1 % обязательного сбора, и просит выслать квитанцию.

В 1883 году Чертков пишет записку о хранении сумм, выручаемых от продажи молочных скопов. При переходе фермы в ведение охоты он выпросил разрешение на продажу продукции частным лицам и выручил за это 1325 рублей 19 копеек. Из них 974 рубля 55 копеек ушло на ремонт фермы. В наличности осталось 350 рублей 64 копейки. Ферма же требует ещё улучшения и приобретения предметов, которых при составлении сметы предвидеть трудно, и Чертков просит разрешить ему хранить деньги на случай непредвиденных расходов. Из министерства пришёл ответ, что все суммы и капиталы должны быть в Центральной кассе. Контроль министерства просит сообщить, на основании каких распоряжений суммы, поступающие от продажи молочных скопов, не передаются в кассу и вырученная сумма не представлена. Чертков уведомил, что деньги не представлены в виду нехватки выделенных средств на ремонт. На ремонт разрешено отнести 974 рубля 55 копеек и передать в кассу остаток. Контроль сообщил на будущее, что выручаемый от продажи молочных скопов доход надлежит передавать в кассу раз в месяц, когда доверенное лицо от Управления охоты командировается в кассу за получением ежемесячного содержания¹⁰.

Из отчёта за 1883 год

В январе дойных коров было в разные дни от 12 до 18. От них получено 5755 бутылок молока. Отпущено:

¹⁰ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2607. Л. 14. 1883 г.

	Цены	Госпиталь	Разным лицам	Служащим	Телятам	Щенкам и медвежатам	Остаток
Цельного (бут.)	6 коп.	124	186		363	70	161
Снятого (бут.)	3 коп.	1236	49	741	900	6	240
Сливков (бут.)	30 коп.		165				9
Масла (ф.)	60 коп.		119				7
Простокваши	15 коп.		4 чашки				
Сметаны (ф.)	15 коп.		28				4
Творогу (ф.)	5 коп.		192				50

Служащим при ферме, телятам, щенкам и медвежатам – бесплатно.

Когда молоко отправляли в госпиталь, туда же отправляли счёт смотрительницы. Эконом госпиталя делал на нём пометку о получении молока и возвращал счёт обратно в канцелярию охоты. Затем засвидетельствованный счёт в течение месяца поступал управляющему Гатчиной и перечислялись деньги в специальные средства охоты.

5 мая министр двора Нарышкин просит Черткова сделать распоряжение, чтобы с фермы, на время Священного Коронования Их Величеств, доставлялись в Москву ежедневно с 8 мая сливки и масло, которые должны сдаваться в Аничков дворец к четырём часам пополудни.

15 мая 1883 года в Москве состоялась коронация Александра III. 26 июня Чертков препровождает Нарышкину 23 счёта на расходы по доставке в Аничков дворец молочных скопов с фермы и просит выслать причитающиеся 255 рублей 27 копеек в его канцелярию.

11 июня Чертков высылает счёт в дворцовое правление за расходы по отправке коровы с фермы в Аничков дворец и обратно. За перевоз от Гатчино до Санкт-Петербурга и обратно –

2 рубля 52 копейки. Подвода от Аничкова дворца до Балтийского вокзала с вещами – 1 рубль 50 копеек, за багаж коровы до станции Гатчино – 3 рубля 67 копеек, извозчику от Балтийского вокзала до Зверинца – 30 копеек. Всего: 7 рублей 99 копеек. Означенный расход произведён 3 мая, и его удостоверил правитель дел Степанов.

В 1883 году начальником охоты назначен князь Барятинский В. А. (1843–1914). Он прослужил в этой должности с 19.12.1883 по 6.11.1889 и пользовался огромным доверием Александра III. Такое же благорасположение распространилось на него и при Николае II.

По требованию Земской управы полиция Гатчины прислала в управление охоты форму ведомости для сведений, кто именно из егерей Императорской охоты имеет рогатый скот¹¹. На ферме у старшего заготовщика Мустель имелись корова красная и телка пёстрая.

С 1885 года архитектором Императорской охоты числится Шестаков. Сохранился его чертёж с изображением Гатчинской фермы. На нём лицевые фасады главного здания, погреба и проектирующегося павильона над колодцем, с подписью архитектора и надписью «Высочайше утверждено 22 июля 1885 г. Гр. Воронцов-Дашков». Над колодцем установлен флюгер с датой – 1885. Видимо, каменный колодец был сооружён в это время.

Во второй половине XIX века на территории фермы возводится деревянный жилой дом для обслуживающего персонала, каменное здание телятника, свинарник, сенной сарай, две силосные башни(?) и сарай для хранения кормов. К главному зданию со стороны двора пристраиваются новые помещения с

¹¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2616. Л. 11. По обязательному страхованию рогатого скота гатчинской Дворцовой Фермы 1883–1884.

целью расширения коровника и для устройства мельницы. К этому времени все постройки благоустраиваются. Они снабжаются водопроводом, канализацией и электроосвещением.

5 сентября 1885 года заведующим хозяйственной частью Придворной охоты назначен Н. И. Кутепов, прослуживший на должности до 1906 года.

18 апреля 1886 года из Петербурга пришла телеграмма за подписью Аничкова, который просит выслать поездом 21 апреля для отправки в Ливадию сколько возможно больше бутылок самых густых сливок. Всё сдать повару Козлову в Зимний дворец¹².

14 июля Барятинскому прислана телеграмма из Александрии с просьбой доставлять в Петергоф в готический буфет с 15 июня 20 бутылок сливок, 30 бутылок молока и четыре фунта масла. На телеграмме надпись: по примеру прошлого года¹³.

Во время поездок императорской четы с собой старались брать всё необходимое. Для того чтобы у маленьких детей всегда было свежее молоко, на императорской яхте «Полярная звезда» оборудовали даже коровник. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, что *«на борту судна находилась корова. Путешествие продолжалось ровно трое суток, и Мама считала, что без свежего молока никак нельзя обойтись. В кормовой части жилой палубы были расположены две каюты, из которых левая предназначена для коровы и отделана мягкими, съёмными щитами, обитыми клеенкой; правая предназначена для коровницы»*¹⁴.

¹² РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2719. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Ланг А. И. Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. СПб., 1982. С. 6.

13 августа из Министерства двора в канцелярию охоты доставлено распоряжение князя Оболенского¹⁵ о передаче в ведение Императорской охоты столового сервиза, изготовленного на королевском фарфоровом заводе в Копенгагене и дарованного императором ферме в Гатчинском парке.

Главное дворцовое управление просит командировать уполномоченного в кладовую Зимнего дворца для принятия сервиза. Приняла всё смотрительница Шаврова¹⁶. 12 ноября начальник охоты высылает из Егерской слободы копию с ведомости посуды, доставленной из Копенгагена.

3 сентября 1886 года Кутепов препровождает в главное правление 56 счетов на произведённые расходы по доставке молочных скопов с Гатчинской фермы к Высочайшему столу в местах пребывания Их Величеств и просит возратить причитающиеся по счетам 249 рублей 2 копейки.

14 октября Барятинский шлёт 10 счетов на произведённые расходы по доставке молочных скопов к Высочайшему столу в Петергоф с 19 сентября по 4 октября и просит вернуть причитающиеся по счетам 55 рублей 15 копеек.

В Егерскую слободу присланы два экземпляра «Положения о мерах по предупреждению и прекращению чумы на местном рогатом скоте в Санкт-Петербургской губернии»¹⁷.

23 января 1888 года заведующий дворцом и Гатчино просит уведомить, можно ли Императорской охоте отпустить по примеру прошлых лет для Дворцовых оранжерей 200 возов коровьего навоза и когда приступить к его вывозу¹⁸.

¹⁵ Оболенский В. С. (1847–1891) – один из ближайших друзей императора Александра III; генерал-лейтенант, гофмаршал.

¹⁶ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2719. Л. 21–22.

¹⁷ Там же. Д. 2747. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 2768. Л. 4.

9 февраля Барятинский предложил Кутепову ознакомиться с деятельностью ферм в селах Тверской и Московской губерний для улучшения молочного производства и представить свои соображения о возможности применения усовершенствований в хозяйстве¹⁹.

В конце апреля состоялась выставка рогатого скота. По приказанию Кутепова смотрительница фермы Шаврова отправляет туда быка, телушку и малого бычка. В кассу императорского двора присланы 262 рубля, вырученных от их продажи на выставке 28 апреля.

15 июля Дементьев удостоверяет, что принадлежащая ферме корова Удачная, холмогорской породы, четырёх лет, по осмотру оказалась яловой и потому должна быть продана на убой за негодностью к приплоду. 13 июля она продана мяснику²⁰. Кутепов препровождает в кассу 80 рублей от продажи бракованной коровы²¹.

Вырученные средства от продажи молочных скопов, телят и поросят сдают в кассу императорского двора по запискам, подписанным Барятинским и Кутеповым. Суммы поступают на счёт доходной сметы охоты за текущий год. Обратного получают квитанции установленной формы.

В Главное дворцовое управление поступали и счета за отпущенные продукты к Высочайшему Двору. В течение января, согласно прилагаемым ведомостям, были отпущены молочные скопы на сумму 263 рубля 65 копеек. Управление охоты просит перечислить деньги в статью доходной сметы за 1888 год. В феврале отпущено продуктов на сумму 260 рублей 90 копеек.

16 мая Главное дворцовое управление препроводило талон к ассигновке на получение уполномоченным от управления

¹⁹ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2768. Л. 8.

²⁰ Там же. Л. 55, 56.

²¹ Там же. Л. 79.

охоты 247 рублей 93 копейки в возврат расходов по доставке молочных скопов к Высочайшему Двору.

5 июня из Егерской слободы препроводили 348 рублей 17 копеек за отпущенные продукты в апреле. В августе выписан счёт на 51 рубль 41 копейку. Барятинский препровождает 30 счетов на сумму 100 рублей 12 копеек, и 27 октября из кассы Министерства двора получены эти деньги в возврат расходов.

Смотрительница фермы Шаврова докладывает, что корова Цыганка пала и представляет свидетельство ветеринарного врача Дементьева. От падшей коровы бычок продан 13 декабря за 6 рублей. Второй бычок 23 дней пал. Кутепов предписывает Дементьеву представлять ему документы о смерти и болезни скота фермы.

В ведомостях о приходе и расходе молочных скопов указывалось, сколько и за какие дни было дойных коров в месяце, сколько получено от них молока и куда отправлено.

Так, в январе от 15 дойных коров получено 7872 бутылки молока. Отпущено:

	Высочайшему Двору	Госпиталь	Разным лицам	Служащим при ферме и больным служащим охоты	Для птиц	Телятам
Парного молока (бут.)	300	182	20	585	12	789
Снятого молока (бут.)		1713	648	630		920
Сливков (бут.)	472					
Масла (фун.)	94,75					
Творогу (фун.)			129			
Сметаны (фун.)			5/8			

Парное молоко продавалось по 6 копеек, снятое по 2 копейки, сливки по 40 копеек, масло по 60 копеек; творог по 5 копеек и сметана по 15 копеек.

В канцелярию Императорской охоты, расположенной в Егерской слободе, из Петергофа обращаются с просьбой о высылке формы ведомости о приходе и расходе молочных скопов фермы. Просьбу удовлетворили и препроводили туда ведомость²².

26 июля 1888 года Селиников обязался в течение трёх недель выполнить заказ по отпечатке аттестатов на проданный скот для Гатчинской фермы по рисунку и шаблону с обозначением герба Гатчины в количестве 100 экземпляров за сто рублей. Типо-литограф и гравёр двора Его Императорского Величества К. Ф. Далин прислал счёт на 112 рублей 50 копеек за изготовление 125 бланков аттестатов. Управление охоты просит кассу Министерства двора отпустить под расписку гравёра Далина 111 рублей 73 копейки за произведённые работы. За начальника охоты подписался Кутепов. На талоне к ассигновке от седьмого сентября имеется печать: оплачено²³.

25 августа Главное дворцовое управление уведомило управление охоты, что князь Оболенский сделал распоряжение о том, чтобы масло для Их Величеств во время путешествия по России пересылалось в места их пребывания через Царское Село. Фельдгегеря отправлялись через день начиная с 25 августа. В Елисаветград по Николаевской железной дороге в 3 часа дня, в Спалу по Варшавской железной дороге в 1 час 30 минут дня и на Кавказ – по Николаевской дороге в 3 часа дня. Масло должно быть безо льда, в жестянках²⁴.

²² РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2768. Л. 37, 39.

²³ Там же. Л. 70.

²⁴ Там же. Л. 60.

«Их Величества намереваются ехать на медвежьей охоту, – сообщал великий князь Владимир Александрович Черткову. – Выезд из Гатчины на 10 часов утра. Кроме Императрицы в охоте примут участие ещё две или три дамы. Настаиваю на завтраке в лесу, времени для устройства и расчистки подходящего места много»²⁵. Пока охотники собирались и выезжали на охоту, у кухонных служителей были свои заботы. В лес выезжал целый обоз экипажей. Там были полевая кухня, ледник, ящики с посудой и провизия. Поскольку в охотах стали участвовать дамы, чего при Александре II не было, то летом и осенью в хорошую погоду столы накрывались на природе, при этом все сидели.

Стол накрывались крахмальными скатертями, серебряными приборами и фарфоровой посудой. После охоты участники рассаживались за длинным столом, во главе которого сидел Александр III. Судя по фотографиям, спиртного на столе было много. Обычно за царским «охотничьим» столом собиралось до 20 человек.

6 марта 1889 года управление охоты получает уведомление о том, что расчёты за молочные скопы, поставляемые ко двору с ферм, производятся следующим образом: по истечении года, до 15 января, в Главном дворцовом управлении сосредотачиваются счета ферм об отпущенных продуктах и после их проверки с ценами составляется расчёт о сумме поставки, которая перечисляется по оборотной ассигновке. Такой способ расчёта применён к счетам управления охоты на сумму в 2817 рублей 88 копеек, причитающуюся за молочные продукты, поставленные в 1888 году. Первого марта Главным дворцовым

²⁵ Палтусова И. Придворная охота в России. Ч. 2. // Наше наследие, № 72, 2004. (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7203.php> Дата обращения: 17.08.17)

управлением отправлена обратная ассигновка в кассу Министерства двора²⁶.

Некоторое время исполняющим обязанности заведующего охотой был действительный статский советник фон Диц. С 1882 года он был постоянным участником охот. На нём лежала практическая деятельность по ведению охотничьего хозяйства: обучение команды псовой и ружейной охотам, выездка верховых лошадей и натаскивание собак, контроль за содержанием верховых лошадей, собак и зверей. Он командировал егерей для поиска зверей и дичи, выбирал места для охоты, вёл родословные книги собак и журнал охот, составлял рапорты о состоянии охотничьего хозяйства.

17 ноября 1889 года начальником Императорской охоты назначен егермейстер двора Его Величества князь Голицын Д. Б. (1851–1920), который пробыл в этой должности до 1917(?) года. Двухэтажные дома князя Голицына и барона фон Дица находились в Егерской слободе и были огорожены жёлтым деревянным забором.

24 мая архитектор С. О. Шестаков пишет Кутепову рапорт, к которому прилагает сметы и проект на устройство отопления и вентиляции на ферме, составленные инженером Степановым²⁷, что позволит повысить температуру в помещениях и осушить стены коровника.

12 сентября 1890 года были проданы три коровы с фермы на скотопрогонном дворе в Санкт-Петербурге. Купец Русинов их купил, но заведующий осмотром убойного скота не допустил одну корову на убой на мясо по причине изменений в мясной туше. Её признали к уничтожению в печи на бойне.

²⁶ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2768. Л. 121.

²⁷ Степанов Пётр Владимирович – инженер, автор многих книг о печах, издаваемых в Санкт-Петербурге с 1831 по 1889 г.

Смотритель магазинов и складов Ометов пишет рапорт Кутепову и представляет 225 рублей серебром от продажи коров Быстрая и Храбрая. Рапорт подписал ветеринарный врач Дементьев. 16 октября Контроль Министерства императорского двора попросил управление охоты предоставить сведения по поводу произведённой продажи трёх коров, причём одна оказалась больной, и деньги были возвращены через два дня Русинову.

В конце сентября министру двора доложено о продаже на убой другой больной коровы без приглашения к участию в этой продаже контролёра. В момент продажи обязанности начальника охоты исполнял генерал Кутепов, который доложил, что после рапорта Дементьева корова по старости назначена в продажу. В ночь на 28 сентября корова заболела. После убоя мясная туша была освидетельствована, что могут подтвердить мясники и сторож бойни. Мясо оказалось здоровым и годным в пищу и было продано мяснику Семёнову за 30 рублей. Кутепов пишет, что тем самым он выполнял циркуляр министра, в котором сказано: *«устранение каких-либо потерь для Министерства Императорского Двора»*. Ждать ревизора, живущего в Санкт-Петербурге, было равносильно идти против циркуляра. 15 ноября Кутепову сообщили, чтобы должностными лицами ни в коем случае не был продаваем на убой больной скот и установленный циркуляром порядок приглашения контролёра к участию в продажах был в точности соблюдён²⁸.

На время пребывания Императорских Величеств в Нарве и Гомонтово с фермы доставляли сливки, масло, сметану и по 8 чашек простокваши ежедневно, направляя их с третьего по восьмое августа через Гатчинскую станцию Балтийской железной дороги поездом, отходящим из Санкт-Петербурга в 9 часов 30 минут утра, а 9, 10, 11 августа в Красное Село к восьми часам

²⁸ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2818. Л. 45.

утра для дальнейшей отправки в Гомонтово совместно с хлебом для Высочайшего Двора. Продукты везли из столицы в вагонах-ледниках. Находясь вне резиденций, монархи по возможности, если это не нарушало приличий, старались «чужого» не есть. Эта практика сложилась еще в XVIII веке.

2 октября 1890 года профессор Военно-медицинской академии Воронцов²⁹, мастер ветеринарных наук Игнатъев³⁰ и заведующий ветеринарной частью Императорской охоты Дементьев по приказанию Кутепова осмотрели рогатый скот в Гатчине и нашли, что скот при существующем содержании в прекрасной гигиенической обстановке, здоров, за исключением семи коров, за которыми установлено особое наблюдение.

В 1894 году на ферме было 28 коров от двух до четырёх лет (одна Баутка пяти лет). За год молока от них надаивали от 1333 до 6792 бутылок (самая удойная – Красотка).

Расходы на содержание фермы:

На личный состав: смотрительница – 300 рублей, её помощница – 192 рубля, трём работникам – 540 рублей, трём работницам – 432 рубля, добавочное содержание к святой Пасхе и Рождеству Христову – 122 рубля.

Обмундирование работников и работниц – 400 рублей. Итого: 1986 рублей.

²⁹ Воронцов В. Е. (1844–1900) – ученый-ветеринар, в 1884 г. назначается адъюнкт-профессором академии по кафедре эпизоотологии с ветеринарной полицией, в 1890 г. назначается ординарным и заслуженным профессором Военно-мед. академии.

³⁰ Игнатъев М. А. (1850–1919) – ветеринарный врач, один из пионеров современной ветеринарно-санитарной экспертизы, старший ветеринар СПб скотобойни, чиновник особых поручений Канцелярии Учреждений Императрицы Марии, основатель первой в России Станции микроскопического исследования мяса при Санкт-Петербургских городских скотобойнях и Городского мясного патологического музея.

На отопление: дров берёзовых на 817 рублей и смеси на 645 рублей. Коксу – на 1622 рубля 44 копейки. На освещение: керосину на 50 рублей 58 копеек. Свечей стеариновых на 18 рублей 94 копейки. Спички, пакля, светильни и прочего на 6 рублей. Итого: 76 рублей 38 копеек.

Продовольствие скота: отрубей на 1427 рублей 23 копейки. Сена на 5987 рублей 47 копеек. Соломы на 402 рубля 30 копеек. Овса на 50 рублей 65 копеек. Муки овсяной на 30 рублей 50 копеек. Соли бузуну на 43 рубля 50 копеек и обыкновенной на 1 рубль. Итого: 7942 рубля 65 копеек.

Приобретение хозяйственных и разных предметов: 281 рубль 91 копейку.

Приход в 1894 году: молока 103730 бутылок по 10 копеек. За проданных коров и телят получено 553 рубля 70 копеек. Превышение расхода над приходом составило 982 рубля 68 копеек. Отчёт подписал Кутепов³¹.

Упоминания о ферме можно найти в переписке членов императорской семьи. Александр III в письме наследнику великому князю Николаю Александровичу пишет: «...Твоего оленя, которого ты ранил в челюсть, нашли и dokonчили люди с Фермы...»³² Дети Александра III в дневниках часто писали о том, как «*смотрели скотину*», кормили свиней, пили молоко, чай или кофе, ели ватрушки.

Ежегодно в России в конце XIX – начале XX века проходили десятки различных выставок: промышленные, сельскохозяйственные. Одна из таких уездных выставок проходила в Гатчине в начале августа 1898 года. Самым значительным отделом выставки являлся отдел животноводства, помещённый под навесами на

³¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 4. Д. 350. Л. 10. Отчёты по императорской Гатчинской Ферме. За 1894 г.

³² Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб.: ООО «Союз-дизайн», 2008. С. 50.

плацу кирасирского полка. Деревянные навесы были разделены на стойла, в которых размещалось до 200 голов крупного рогатого скота, лошадей и других животных, среди которых были выдающиеся (по чистоте крови и породы) экземпляры молочного скота императорской фермы.

«Нельзя не упомянуть о живых экспонатах выставки, между которыми, не говоря уже о прекрасных представителях местной Императорской фермы (вне конкурса), оказалось много выдающихся экземпляров»³³.

18 сентября 1906 года гофмейстер Двора г. Фрис пишет письмо министру императорского двора: *«Всюду я слышу разговор о необходимости экономии, но к содержанию коров этого не делается. А они могли бы дать большой доход, если бы были сокращены расходы на администрацию. Согласно условиям весь уход за коровами должен вестись иначе»³⁴.* Копия письма прислана в Гатчину. Из Егерской слободы в кабинет Его Величества послан ответ по поводу ведения хозяйства на фермах. Князь Голицын писал:

«Выдача установленной нормы кормов, ведение отчётов на Гатчинской ферме соблюдается и лежит на обязанности смотрителя».

На Гатчинской ферме состоит: 4 доильщицы по 180 руб., 5 скотников (они же пастухи) по 240 руб., артельная кухарка – 120 руб., дворник – 240 руб. и смотрительница. На одну доильщицу приходится 7–8 коров, на одного пастуха 12 голов.

Фирс советует завести своё полевое хозяйство. Но заведение отдельного полевого хозяйства при Ферме, наём особых лиц вызовет большой расход.

³³ Фрей В. А. Гатчинская сельскохозяйственная выставка 1898 г.

³⁴ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2966. Л. 2. По вопросу о ведении хозяйства на фермах. 1906–1916 гг.

На Гатчинской ферме в 1906 г. было 30 коров, два быка, трое нетелей, три телёнка.

Служащим на ферме бесплатно выдавали ежедневно:

Смотрителю и заведующему: молока – 1, снятое – 3, сливки, масло. Трёх доильщицам, четырём скотникам, кухарке и дворнику: молоко цельное и снятое. Отпуск сливок и масла производится только в том случае, если удовлетворены потребности Двора. В инструкции по ведению хозяйства и отчётности на фермах указано, что Императорские фермы снабжают Двор молоком и молочными продуктами.

На фермах разводится скот исключительно молочный, содержание на Гатчинской ферме мелкого мясного и шерстяного скота (свиньи, овцы) разрешается временно, впредь до уничтожения его путём естественной убыли и обязательной продажи приплода»³⁵.

Шестого февраля 1915 года в гофмаршальскую часть препровождаются 6 счетов на 172 рубля 11 копеек, израсходованные по доставке к Высочайшему Двору в январе молочных продуктов. Временно исполняющий обязанности заведующего охотой действительный статский советник Диц просит о возмещении расхода. Владимир Робертович и его жена жили на казенной квартире в Егерской слободе под Гатчино на полторы тысячи рублей в год жалования. Его супруга Евгения Карловна делала записи рецептов в небольшой книжке в 14 листов. Из тетради видно, что из сливок и сметаны делались кремы ванильные, шоколадные, кофейные, сбитые сливки, трубочки со сливками. В семье Диц были две дочери. В тетради³⁶ их дочери Евгении Владимировны

³⁵ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2966. Л. 2.

³⁶ Две тетради в 12 листов и записная книжка в 14 листов подарены Великановой Мариной Дмитриевной – праправнучкой В. Р. Диц – Гатчинскому дворцу в сентябре 2015 года.

Великановой имеется рецепт каймака от заведующей молочной фермы в Гатчино Марии Васильевны.

Смотритель фермы Симанин писал рапорты заведующему хозяйственной частью охоты (в 1915 году эти обязанности временно исполнял Фасанов). Он докладывал, какого числа отелилась корова, с какими приметами. Затем телят записывали в описную книгу. Когда телят продавали, то из описной книги их исключали.

При Императорской охоте велись ведомости о расходе кормовых припасов, о движении молочных скопов и ежедневная запись по молочной.

Императорская охота высылала в гофмаршалскую часть счета на расход по доставке ко двору молочных скопов. В ответ получала талон с уведомлением о перечислении денег. Например, управление делами великого князя Михаила Александровича уведомляло Императорскую охоту о внесении денег в кассу двора за молочные скопы. Заведующий хозяйством гофмаршалской части генерал-лейтенант Аничков³⁷, препровождая талон к ассигновке за № 84 на получение 138 рублей 26 копеек за доставку молочных продуктов для двора с 1 по 17 октября в Елагиноостровский дворец, просит о получении талона известить. В декабре 1915 года получен талон на 215 рублей 88 копеек за доставку молочных продуктов для Высочайшего Двора в Аничков дворец.

С фермы отпускаются бесплатно 160 фунтов снятого молока по приютам: 60 фунтов для приюта детей гатчинского благотворительного общества, состоящего под покровительством императрицы, 30 фунтов для Дома попечения хронически

³⁷ Аничков Милий Милиевич (1848 – после 1917), заведующий Императорским Гатчинским дворцом и комендант г. Гатчина (1884–1891), заведующий хозяйством гофмаршалской части.

больным детям³⁸, 20 фунтов в лечебницу для хронически больных детей³⁹, 20 фунтов в приют графини Шереметьевой для детей беженцев, 20 фунтов в Красный Крест⁴⁰ для беженцев, 10 фунтов в ясли.

С описной книги имущества исключены разбитые вещи и не подлежащие продаже с торга: 20 глиняных горшков по 24,5 копейки, 35 штук по 25 копеек, 40 штук по 35 копеек, 20 простоквашниц по 85 копеек и 10 штук по 40 копеек. 28 декабря смотритель просит исключить с описной книги имущества один 15-бутылочный кувшин белого железа, украденный при перевозке молочных скопов к Высочайшему Двору 7 декабря на станции Петроград-Балтийский.

22 августа фон Диц обращается к ветеринарному врачу, надворному советнику Д. В. Девелю⁴¹. Диц пишет, что в Императорской охоте на Гатчинской ферме имеются корова, бык и на конюшне верховая лошадь, не годные к дальнейшей службе, и приглашает ветеринара для выбраковки скота. 20 марта 1916 года низшим служащим Императорской охоты, лесникам, фермерским и артельным рабочим, ввиду дороговизны жизни, увеличен оклад месячного жалованья. Получающие ранее 15 рублей теперь стали получать 20 рублей.

³⁸ В 1886 году был открыт Дом попечения о хронически больных детях в частном доме на Елизаветинской улице, а в 1893 г. ему был подарен участок земли и дом со службами, принадлежавший знаменитому врачу С. П. Боткину. В доме содержалось до двадцати детей.

³⁹ В 1883 г. в Гатчине была учреждена лечебница для хронически больных детей в доме, пожертвованном литератором П. М. Ковалевским в память рано умершей его дочери Александры.

⁴⁰ Основано в 1877 году.

⁴¹ В 1920-е гг. профессор Д. В. Девель был зав. производством колбасно-консервного з-да Центросоюза, в 1923 г. составил сборник «Приготовление колбас, солонины и ветчины».

Кроме того, не пользующимся казенной квартирой набавлено по 5 рублей квартирных.

«Временно заведующий бывшей Императорской Охотой, тайный советник Диць» – читаем мы последний автограф в архивных материалах Императорской охоты. С 17 мая 1917 года место Дица занимает Г. П. Карцев. После Февральской революции и отречения Николая II от престола по решению нового правительства 27 мая 1917 года в пригородных дворцовых резиденциях начали работать комиссии по приёмке и описи имущества дворцов. Гатчинскую комиссию возглавлял В. П. Зубов⁴². 25 августа комиссия по приёмке и охране Гатчинского дворцового имущества приняла постановление о передаче обстановки парадных помещений фермы во дворец. 20 октября в 11 часов на ферму прибыли А. А. Половцов и А. Власов, чтобы отобрать предметы для перенесения их на хранение в Гатчинский дворец.

В 1918 году гатчинской городской управой была сделана опись принятого имущества по отделу бывшей Императорской охоты, куда входила ферма. Комиссаром на ферму назначается Павел Ильин для правильного распределения молока среди населения. Но это уже другая история.

⁴² Зубов Валентин Платонович (1884–1969) – граф, русский искусствовед, доктор философии (1913), основатель Института истории искусств (1912), первый директор Дворца-музея в Гатчине до 1918 года.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОХОТНИЧЬИ СЮЖЕТЫ В ДЕКОРЕ ОРУЖИЯ ИЗ СОБРАНИЯ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

Украшение огнестрельного оружия берет начало в первой половине XVI века, когда его стали использовать в среде европейской аристократии. Изготавливавшие его мастера старались следовать эстетическим нормам своей эпохи, и стилистика декора оружия обычно не отличалась от той, что применялась в то время в других областях декоративно-прикладного искусства, будь то абстрактный орнамент или сюжетные композиции.

Коллекция Гатчинского дворца-музея, насчитывающая более 900 единиц высококлассного огнестрельного охотничьего оружия XVI–XVIII веков из почти всех стран Европы, позволяет достаточно полно осветить принятые в то время способы его декора, особенно это справедливо для первой половины XVIII века.

Если говорить о сюжетных композициях на оружии в целом, то, несомненно, наибольшей популярностью в рассматриваемый период пользовалась охотничья тематика – как сцены самих охот (с применением огнестрельного оружия или без него), так и их участники (животные, охотники либо охотничьи трофеи) по отдельности. Почти так же часто в оружейном декоре можно встретить военные сюжеты в виде батальных сцен или отдельно воинов, пленников и трофеев из различных эпох. Реже использовались мифологические или бытовые сцены, в том числе фривольного содержания. Хочется обратить внимание на то, что тематическое единство

в украшении отдельно взятого предмета оружия могло не соблюдаться – на различных деталях одного и того же ружья часто сосуществуют совершенно разные персонажи, например, бюсты античных воинов и охотники в костюмах XVIII века, или охота на кабана в антураже XVII века, богиня Фортуна и сцены из Ветхого Завета¹. Также следует помнить, что тот или иной вариант декора элементов оружия, как правило, не был плодом фантазии мастера, чьим именем или клеймом оно было помечено – часто использовались уже готовые решения, которые можно было найти в специализированных орнаментальных альбомах ведущих художников, издаваемых во Франции с 1630-х годов, а затем и в других странах.

В данном сообщении будет уделено внимание наиболее распространенным в оформлении огнестрельного оружия из коллекции Гатчинского дворца мифологическим охотничьим сюжетам, относящимся как к античности, так и к эпохе христианства.

Не удивительно, что наиболее частым мотивом украшения охотничьего оружия являлся образ самой покровительницы охоты, богини Дианы. Самым характерным атрибутом, по которому ее можно безошибочно определить, является знак полумесяца над лбом, поскольку Диана помимо прочего считалась олицетворением Луны, как ее брат, Аполлон – олицетворением Солнца. Также она считалась защитницей природы, покровительницей женского целомудрия и помощницей при родах. На ружьях и пистолетах из Гатчинской коллекции имеется не менее 40 ее изображений. Не пытаясь перечислить каждый случай, отметим, что чаще всего Диана предстает на деталях

¹ Такое сочетание сюжетов выполнено инкрустацией слоновой костью на ложе штуцера, изготовленного в Праге мастером Иоганном Штифтером в 1678 г. Из собрания ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-933-IX.

оружия в античном одеянии – коротком или длинном хитоне, с непокрытой головой, вооруженная луком или копьем, либо и тем и другим вместе, иногда с ловчими птицами. У ее ног чаще всего собаки, олени, но бывают и амуры, которых привычнее видеть в обществе Венеры. Диана может идти пешком, отдыхать или ехать в колеснице, запряженной парой собак.

Интересно отметить, что во многих случаях образ античной богини, осознанно или нет, осовременивался. Чаще всего это достигалось тем, что в руках у Дианы либо ее сопровождающих оказывался т. н. парфорсный рог – духовой инструмент, прообраз валторны, появившийся в XVII веке и особенно популярный среди охотников, которые использовали его для подачи сигналов (впрочем, это не должно удивлять, учитывая, к примеру, как часто бога Марса помещали вместе с трофеями, включавшими знамена, барабаны и орудийные стволы). Возможны были и другие варианты. На затыльнике приклада кремневого штуцера из саксонского города Визенталь 1730–1740-х годов² Диана изображена в распашной куртке с пуговицами, при этом на том же самом штуцере на шитке на шейке приклада она облачена в античный доспех. Но, пожалуй, самую неожиданную трактовку образа и рода деятельности богини-охотницы мы находим в оформлении кремневого штуцера, изготовленного в Праге в 1720–1730-е годы³. На его серебряной замочной личинке Диана показана вольготно сидящей на некоем постаменте с ружьем в руках, из которого она целится в стаю порхающих перед ней крылатых сердечек, при этом один из находящихся поблизости амуров с собакой спешит к стае, вероятно, в надежде подобрать добычу (илл. 1).

² Инв. № ГДМ-624-IX.

³ Инв. № ГДМ-935-IX.

Из мифов о Диане в оформлении охотничьего оружия XVII–XVIII веков, впрочем, как и в живописи того времени, наиболее популярным являлся сюжет о встрече богини с простым охотником Актеоном, которая для последнего окончилась трагически. Охотясь со своими собаками в лесу, он случайно увидел, как Диана вместе с сопровождающими ее нимфами купается в пруду. Рассерженная таким вмешательством, скорая на расправу богиня покарала его сурово и изощренно:

Но хоть и тесно кругом ее нимф толпа обступала,
 Боком, однако ж, она обратилась, назад отвернула
 Лик; хотела сперва схватить свои быстрые стрелы,
 Но почерпнула воды, что была под рукой, и мужское
 Ею лицо обдала и, кропя ему влагой возмездья
 Кудри, добавила так, предрекая грядущее горе:
 «Ныне рассказывай, как ты меня без покрова увидел,
 Ежели сможешь о том рассказать!» Ему окропила
 Лоб и рога придала живущего долго оленя;
 Шею вширь раздала, ушей заострила верхушки,
 Кисти в копыта ему превратила, а руки – в оленьи
 Длинные ноги, всего же покрыла пятнистою шерстью,
 В нем возбудила и страх⁴.

С превращением в оленя страдания Актеона только начались – собственные собаки набросились на него, не узнав своего хозяина:

Обступили кругом и, в тело зубами вгрызаясь,
 В клочья хозяина рвут под обманном обличьем оленя.
 И лишь когда его жизнь от ран столь многих пресекалась,
 Молвят, – насыщен был гнев колчан носящей Дианы⁵.

⁴ Овидий. Метаморфозы. Книга III. С. 186–198. / Перевод С. В. Шервинского (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303001003> Дата обращения: 08.09.2017).

⁵ Овидий. Указ. соч. 249–252.

На замочной доске колесного штуцера, принадлежавшего, судя по вензелю на прикладе, ландграфу Эрнсту-Людвигу Гессен-Дармштадтскому (1667–1739)⁶, в технике гравировки и, заметим при этом, не слишком искусно, показан критический момент этой истории – лунная ночь, купающиеся в лесном водоеме нимфы застигнуты врасплох, а Актеон начал превращаться – его голова уже оленья (илл. 2).

В таком узнаваемом виде – человек с оленьей головой – Актеон мог изображаться на оружии и отдельно, вне всякой связи с сюжетами на других его деталях, как, например, на курке колесного штуцера, изготовленного в Дрездене в 1750-е годы мастером Иоганном Леопольдом Милоттой⁷ (на замочной доске штуцера показана группа охотников в костюмах XVIII века). И наоборот, так же, как и в живописи, фигурой неудачливого охотника могли пренебречь – на замочной доске колесного штуцера из г. Эгер, оформленной в технике рельефа и гравировки мастером Иоганном Георгом Трибелем⁸, Диана со своей свитой купается, никем не тревожимая (илл. 3).

Вообще вполне естественно, что для смертных мужчин контакт со считавшейся покровительницей девушек незамужней Дианой не приводил ни к чему хорошему. Однако существуют и немногочисленные сюжеты, в соответствии с которыми богиня все же испытывала симпатию к лицам противоположного пола. Таковым был охотник Орион – фигура крайне противоречивая в античной мифологии, про каждый эпизод жизни которого, от зачатия до смерти, сохранилось сразу несколько не согласующихся друг с другом версий. Не пытаюсь разобраться в них или хотя бы перечислить, отметим, что есть упоминания того, что Орион был возлюбленным Дианы, но после того, как

⁶ Инв. № ГДМ-575-IX.

⁷ Инв. № ГДМ-548-IX.

⁸ Инв. № ГДМ-968-IX.

похвастался перед ней и Латоной, что может истребить все живое, Теллус (древнеримское божество Матери-земли) наслала на него скорпиона, который его и убил⁹. Вероятно, именно момент гибели Ориона гравирован на замочной доске колесного штуцера, изготовленного в 1760-е годы в Варшаве мастером Давидом Пешкой¹⁰ – на фоне леса, вдоль опушки которого натянуты сети, использовавшиеся в XVII–XVIII веках при организации загонной охоты, в объятия сидящей Дианы падает, теряя силы, охотник, руки которого уже не держат лук и копье (илл. 4).

Интересно, что на замке другого колесного штуцера, изготовленного тем же варшавским мастером Давидом Пешкой в пару к вышеописанному¹¹, Диана вообще перенесена в XVIII век – богиня отдыхает на берегу водоема, рядом олени и собака, амур протягивает ей венок, но на горизонте виднеется не вполне античный дом под двускатной крышей, а совсем рядом из зарослей появляется охотник в кафтане с большими обшлагами на рукавах, с ружьем и треуголкой в руках. Остается только надеяться, что по замыслу украшавшего замок гравера эта необычная встреча не несет опасности для любителя охоты из Галантного века (илл. 5).

Самый известный охотничий подвиг, совершенный братом Дианы, богом Аполлоном, – убийство змея Пифона, охранявшего вход к дельфийскому оракулу, – тоже нашел свое отражение в декоре оружия из Гатчинского дворца. На щеке приклада колесного штуцера инкрустировано костью изображение Аполлона с луком в руках, рядом с которым

⁹ Гигин. Астрономия. Книга II / Перевод с латинского и комментарии А. И. Рубана (<https://www.proza.ru/2012/02/24/2069> Дата обращения: 11.09.17).

¹⁰ Инв. № ГДМ-869-IX.

¹¹ Инв. № ГДМ-978-IX.

распростерт утыканный стрелами Пифон. Скорее всего, источником вдохновения для украшавшего ложу штуцера мастера послужила гравюра Вергилия Солиса¹², иллюстрирующая этот эпизод во франкфуртском издании «Метаморфоз» Овидия 1563 года.

Еще одним знаменитым античным охотничьим сюжетом, использовавшимся в том числе и в оформлении оружия, является миф о Калидонской охоте. Богиня Диана, разгневавшись на то, что царь Калидона Ойней забыл принести ей ежегодную жертву, наслала разорять его земли огромного вепря. Охотиться на него отправилось много храбрейших воинов Греции, среди которых была и дева-воительница Аталанта. Именно она смогла первой из лука ранить вепря, который в ходе преследования убил и покалечил нескольких охотников. Смертельную рану ему нанес сын Ойнея Мелеагр, трофей же он преподнес Аталанте:

А победитель, поправ грозивший погибелью череп,
Молвил: «По праву мою ты возьми, онакрийская дева,
Эту добычу: с тобою мы славу по чести разделим».
Тотчас он деве дарит торчащие жесткой щетиной
Шкуру и морду его с торчащими страшно клыками, –
Ей же приятен и дар, и сам приятен даритель.¹³

Именно момент подношения Мелеагром головы Калидонского вепря Аталанте с высочайшим мастерством исполнен в технике оброн (рельеф на золоченом фоне) на стволах кремневого ружья и пары штуцеров, изготовленных

¹² Вергилий Солис (Virgilius Solis, 1514–1562) – гравер, жил в г. Нюрнберг, из его работ особенно известны иллюстрации к произведениям Овидия.

¹³ Овидий. Метаморфозы. Книга VIII. С. 425–430 / Перевод С. В. Шервинского (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303001008#420> Дата обращения: 11.09.17).

в городе Зуль, в Тюрингии, в 1740-е годы¹⁴, причем основа для композиции явно была общей, но пока, к сожалению, не выявлена.

На затыльниках прикладов этой же пары штуцеров¹⁵, также в технике оброн, изображен итог еще одной мифической охоты, на этот раз из цикла сказаний о Геракле – греческий герой идет, держа на плечах живого Эриманфского вепря, которого он поймал по приказу царя Эврисфея.

Миф о Нарциссе и безответно влюбленной в него нимфе Эхо можно считать условно подходящим нашей тематике, поскольку Нарцисс любил охотиться и часто изображался в соответствующем антураже. Вероятно, именно этот сюжет в технике рельефа на выбранном фоне проиллюстрировал на замочной личинке колесного штуцера Иоганн Георг Трибель из Эгера¹⁶ (на замочной доске этого же штуцера упомянутая выше сцена купания Дианы) – мужчина с луком в руках, сопровождаемый собаками, идет широким шагом, а за ним, явно стараясь не отставать, следует женщина в длиннополом одеянии.

После распространения христианства в Европе у охоты как рода человеческой деятельности появились новые небесные покровители, чьи образы также находили свое место в декоре высококлассного огнестрельного охотничьего оружия, правда, гораздо реже, чем соответствующие персонажи античной мифологии. Это, прежде всего, святой Евстафий и святой Губерт, жившие в разных странах и в разное время, но очень сходные между собой «охотничьими» эпизодами своих биографий.

Святой Евстафий жил в I–II веке н. э., был военачальником в римской армии при императорах Тите и Траяне и изначально

¹⁴ Инв. № ГДМ 638-IX, ГДМ-942-IX, ГДМ-635-IX.

¹⁵ Инв. № ГДМ 638-IX, ГДМ-942-IX.

¹⁶ Инв. № ГДМ-968-IX.

носил имя Плакида (лат. Placidus). По преданию, он стал христианином после того, как на охоте в окрестностях Рима, в Тиволи, среди рогов преследуемого им оленя увидел распятие и услышал голос, сказавший: «Плакида, зачем преследуешь ты Меня, желающего твоего спасения?» После этого он и его жена с сыновьями перешли в христианство, а сам Плакида при крещении принял имя Евстафий (от др.-греческого Εὐστάθιος – «крепкий, здоровый, уравновешенный, спокойный»). Впоследствии его вместе с семьей ждали тяжелые испытания и мученическая смерть по приказу императора Адриана в 118 году, но в качестве главного события жизни святого Евстафия на иконах и прочих произведениях искусства почти всегда изображался момент его обращения в истинную веру, когда перед охотником предстал олень с распятием между рогов. Эту сцену мы видим и на замочной доске колесного штуцера, изготовленного в 1639 году, возможно, в Курляндии¹⁷ – там с помощью гравировки, исполненной в довольно примитивной, напоминающей лубочную, манере, изображен олень с крестом на голове, а к нему, раскинув руки, бежит святой Евстафий, чье имя (S. EVSTACHIVS) написано рядом.

Другой покровитель охотников, святой Губерт, жил в VII–VIII веке н. э., являлся сыном герцога Аквитанского Бертрана и внуком короля Тулузы Хериберта, ведя соответствующую статусу жизнь. Но и у него все изменил случай на охоте, которую Губерт устроил в Арденнском лесу на Страстную Пятницу – когда он преследовал оленя, то вдруг между его рогов увидел распятие и услышал голос: «Губерт, если ты не обратишься к Богу и не возвысишься святой жизнью, то скоро последуешь в ад». Губерт сошел с коня, распростёрся на голой земле и сказал: «Боже, что Ты прикажешь мне делать?» Ответом было:

¹⁷ Инв. № ГДМ-968-IX.

«Иди и покажись епископу Ламберту, и он научит тебя». Под впечатлением от пережитого, Губерт отказался от прежнего образа жизни и наследственного титула, отправился в Маастрихт к святому Ламберту, от которого принял наставление в христианской вере и стал священником. После гибели Ламберта в 708 году занял пост епископа Маастрихта, активно проповедовал христианство язычникам Арденн и Брабанта, а в 718 году стал первым епископом Льежа. Кончина его последовала в 727 или 728 году и была совершенно мирной, вскоре после чего Губерт был канонизирован.

Почитание святого Губерта получило широкое распространение в Европе, особенно на территории современной Бельгии. Как и святого Евстафия, его тоже чаще всего изображали в момент чудесного видения на охоте, как на костяной вставке на щеке приклада колесного штуцера, сделанного в Германии во 2-й четверти XVIII века¹⁸, – здесь перед оленем, у которого на голове между рогами крест, стоит на коленях охотник в одежде, более соответствующей XVII веку, рядом его лошадь и собаки (илл. 6).

Отсутствие подписи не позволяет быть окончательно уверенным в личности святого, но более вероятным кажется, что это все же Губерт, поскольку в то время его культ был очень популярен.

Работа по изучению декора оружия из коллекции Гатчинского дворца продолжается, в ходе нее, возможно, удастся выяснить первоисточники для украшающих его орнаментальных и сюжетных композиций.

И. Э. Рыженко

ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ ТАКСИДЕРМИИ В ИНТЕРЬЕРАХ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА

Статья посвящена обширной, но совершенно не изученной теме – бытованию изделий препараторского искусства в Гатчинском дворце при разных его владельцах. К концу XIX века дворец был наполнен чучелами, как настоящий охотничий замок или домашний зоологический музей. Изученные архивные документы, мемуары, литературные источники, изобразительные материалы позволили составить общую картину по данной теме, а также подробнее коснуться истории некоторых предметов. Сразу отметим, что в ходе исследования стало очевидным значительное перемещение чучел по дворцу в период его музеефикации из-за сокращения музейных площадей. Поэтому, если не найдены были свидетельства их местонахождения в документах XIX века и в ранних музейных описях 1918–1924 годов, то мы пользовались указаниями Генеральной инвентарной описи Гатчинского дворца 1938–1940 годов.

Выделка шкур – древнее ремесло; такими изделиями всегда утепляли, а потом и украшали человеческие жилища. Замки средневековой Европы были наполнены чучелами из охотничьих трофеев, что являлось предметом особой гордости их хозяев. Однако эта традиция, очевидно, пришла в Россию достаточно поздно – нам известны изделия чучельников, которые появились только при Петре I. С основанием Кунсткамеры, а потом и Зоологического музея Академии наук начала формироваться отечественная школа таксидермии¹.

¹ Заславский М. А. Чучела, муляжи и модели животных. Общая таксидермия. Л.: Наука, 1968.

¹⁸ Инв. № ГДМ-425-IX.

Произведения ее мастеров, как и изделия, привезенные из-за границы, стали украшать дома знати, царские и великокняжеские резиденции.

Записи о самых ранних датированных чучелах в интерьерах Гатчинского дворца обнаружены в одной из первых музейных описей «ружейного арсенала» 1919 года: «Чучело зеленого попугая на деревянной подставке под стеклянным колпаком с ярлычком “получен от покойного Государя Императора Александра Павловича”», чучело попугая «с оранжевыми и черными перьями, на белой деревянной подставке под стеклянным колпаком», на которой карандашом помечено: «покойного графа Милорадовича», и чучело черепахи. Из пометки рядом с записями мы узнаем прежнее местонахождение чучел: «по описи 1816 г. Раз[ные?] вещи № 66 из комнаты Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны»². К описанию экспонатов «ружейной» с точки зрения находившихся здесь зоологических редкостей вернемся позже, а пока будем условно считать эти три чучела самыми ранними изделиями таксидермии в Гатчинском дворце.

Конечно, основная часть чучел появилась в имении при августейшем охотнике императоре Александре II. Несмотря на то что его отец, Николай I, периодически охотился в парке и окрестностях, никакие иконографические материалы или описания трофеев в его гатчинских апартаментах нам не известны. *Арсенальный зал*, при следующих владельцах наполненный чучелами, также предстает в середине XIX века еще совершенно пустым³. Источниками, указывающими на наличие в комнатах Александра II изделий таксидермии, служат документы

² ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 71. Л. 8 об..

³ Ухтомский К. А. Арсенальный зал в Гатчинском дворце. 1846. ГМЗ «Павловск». Инв. № 741-ХI.

разных лет, акварели интерьеров Э. П. Гау и рисунки М. Зичи, запечатлевшего собрания общества в Гатчинском дворце.

Во всех апартаментах государя имелись чучела различных животных. В *гостиной* Александра II на акварели Э. П. Гау изображена голова зубра, рожки косуль и ковер из шкуры львицы. Зубр был убит во время знаменитой охоты 6–7 октября 1860 года в Беловежской пушке, когда после большого перерыва возобновились охотничьи сезоны царской семьи в этом имении: «Чучело головы зубра на деревянном резном щите; с резной дубовой веткой вокруг, выкрашенной в зеленый цвет; с бронзовой пластинкой с надписью “Убит Его Императорским Величеством в Беловежской пушке 6го октября 1860 г.”»⁴. Это был первый день охоты; государь тогда застрелил четырех зубров. Изготовление чучел поручили препаратору Академии Наук, специально вызванному из Петербурга⁵.

Косули – результаты охот в Йегерсборге (Jagersbourg) в Дании в 1870 и 1875 годах⁶. О шкуре львицы известно лишь то, что по «Описи вещам, находящимся в комнатах блаженной памяти в Бозе почившего Императора Александра II», сделанной в 1881 году, она тогда все еще находилась в *гостиной*⁷, а вот уже в советском музее на фотографиях и в описях 1938 года она зафиксирована в *приемной (передней)* Александра II: «шкура львицы в виде ковра, на холщевой подкладке, с оборками из синего и красного сукна»⁸. Во время

⁴ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1827. Л. 24 (Здесь и далее цитируются статьи из Генеральной инвентарной описи Гатчинского дворца 1938–1940 гг. В тексте – Генеральная опись – И. Р.).

⁵ Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. 4.: СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1911. С. 44–50.

⁶ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1827. Л. 24.

⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1204. Л. 4 об.

⁸ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1827. Л. 3.

музеефикации 1920–1930-х годов убранство *гостиной* в основном сохранилось, но «львицу», возможно, именно тогда переместили в *приемную*.

В интерьере *приемной* Александра II находилось еще одно интересное изделие, сведения о котором содержатся в двух музейных описях: «Голова лося с рогами в деревянной резной под орех оправе, внизу овальная медная доска с надписью “Убит Его Императорским Величеством за Ораниенбаумом близ дер. Шишкино 14 февраля 1873 г.”»⁹. Сразу отметим, что головы лося и зубра – единственные экспонаты, сохранившиеся в войну из всего неисчислимого «таксидермического» богатства Гатчинского дворца. На них не стоит отметка об эвакуации, но они вернулись во дворец в 1945 году. По упомянутой описи 1881 года в *приемной* еще находилась «кожа медведя», которая изображена на акварели Э. П. Гау 1876 года¹⁰. Еще одна «кожа медведя с головою и 4 лапами на подкладке алого сукна» была в *кабинете* Александра II (правда, нигде на изображениях она не видна); *уборную* государя украшал рог зубра в бронзовой оправе¹¹.

Интересным объектом дворца с точки зрения средоточия здесь чучел являлась *Медвежья лестница*. Название говорит само за себя. Прежде чем перейти к чучелам медведей, давшим название лестнице, сначала остановимся на другом интересном изделии таксидермии, здесь находившемся. В музейной описи, выполненной не позднее 1924 года, фигурирует «чучело собаки Сен-Бернара «Париж» на черной деревянной резной подставке». На медной дощечке написано «Париж.

⁹ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1827. Л. 7.; ЦГАЛИ Ф. 309. Оп. 1. Д. 47. Л. 110 об.

¹⁰ Приемная императора Александра II. Э. П. Гау. 1876. ГМЗ «Гатчина». Инв. № 406-ХI.

¹¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1204. Л. 11, 11об.

Принадл[ежал] Г[осударю] И[мператору] Александру II»¹². Этика таксидермии не позволяла изготавливать чучела домашних животных. Конечно, нам известны такие изделия, принадлежавшие высокопоставленным лицам. В частности, сохранились, чучела любимых питомцев Петра I: собаки Тиран, левретки Лизетты, рысака, на котором Петр I руководил боем во время Полтавского сражения, и других, но их было немного. В комнатах Александра II находились живописные изображения его собак, а также вытканые на коврах и вставках в каминные экраны.

Поскольку *Медвежья лестница* через некоторое время после музеефикации дворца вместе с другими помещениями отошла к военному ведомству, все чучела отсюда расформировали, и их изображения мы видим на фотографиях конца 1930-х годов уже в других интерьерах. Собаку переместили в *приемную* Александра II¹³. Опись этого времени содержит ценное сведение – на этикетке изделия значится, что изделие отформовано в 1862 году консерватором Зоологического музея Академии наук Вознесенским¹⁴. Изготовление чучелане случайно было поручено Илье Гавриловичу Вознесенскому. Всем специалистам известно имя этого замечательного путешественника, таксидермиста, хранителя Зоологического музея, выполнившего огромное количество заказов царской семьи.

И. Г. Вознесенский (1816–1871) родился в семье унтер-офицера, служившего при Академии наук. С пяти лет «был приставлен к печатному делу», но все свободное время проводил в Зоологическом музее, помогая препараторам, и с 1827 года стал обучаться у иностранных таксидермистов

¹² ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 47. Л. 96 об.

¹³ НВА ГМЗ «Гатчина». Нег. Г- 666.

¹⁴ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1827. Л. 3.

Э. П. Менетрие и Е. И. Шрадера, приглашенных в Россию для развития искусства препарации. Будучи совсем молодым человеком, Вознесенский по заданию Академии наук провел девять лет в самостоятельных экспедиционных поездках по Аляске и Восточной Сибири. Практически один, на скудные средства Академии, Вознесенский добывал животных, птиц и млекопитающих этих отдаленных и совершенно тогда не изученных в зоологическом отношении областей Российской империи, сам препарировал зверей и обрабатывал шкуры. Его работы пополнили Кунсткамеру и Зоологический музей экземплярами редких и важных для науки России животных. Вернувшись, Вознесенский заведовал технической лабораторией после Шрадера, вел списки новых приобретений и надзирал за массой сырого материала в кладовых. Кроме того, он сам выполнял многочисленные заказы по пушным делам и изготовлению чучел, что, впрочем, не принесло ему богатства¹⁵.

По описи 1924 года на *Медвежьей лестнице* также находилась «баранья голова с рогами (ovispoli) из Памира», «ковер из шкуры дикой козы с головой, ногами и хвостиком, на подкладке с красными фестонами», «ковер из шкуры белого медведя с головой, лапами и хвостом, с красными фестонами»¹⁶. Подобный последнему ковер зафиксирован в описи Арсенального зала за 1938–1940 годы¹⁷. Возможно, речь идет об одном и том же изделии, и о нем удалось найти некоторые сведения. 21 февраля 1884 года из конторы августейших детей заведующему императорским Гатчинским дворцом пришло предписание о том, что контора препровождает «ковер из

¹⁵ Алексеев А. И. Илья Гаврилович Вознесенский: М.: Наука, 1977.

¹⁶ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 47. Л. 96 об.

¹⁷ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825.

Меха белого медведя, назначенный Государем Императором [Александром III – И. Р.] в Арсенальную комнату Гатчинского Дворца» из собственного Его Величества дворца. В результате «ковер с головою и четырьмя лапами на подкладке алого сукна помещен в Арсенальный зал»¹⁸.

На *Медвежьей лестнице* стояли два чучела медведей¹⁹, позже перемещенные в *Арсенальный зал*; они видны на довоенных фотографиях²⁰. Первое – «чучело медведя, стоящего на задних лапах и грызущего сук, который он держит в передних лапах; на четырехугольной деревянной черной подставке с бронзовой дощечкой, на которой выгравировано: «Убит Его Императорским Величеством 21-го марта 1856 года близ деревни Бижаны»»²¹. Этот медведь особенно знаменит, его изображение помещено Н. И. Кутеповым в четвертый том книги «Императорская охота на Руси». В донесении в Гатчинское дворцовое правление от гоф-фурьера Вишневого 12 июля 1856 года сообщается, что «доставлен в Гатчинский дворец из Кабинета его величества смотрителем Музея Вознесенским чучелу медведя стоящего на задних лапах имеемое во рту дерево с разными кореньями на котором будут вешаться шинели и прочие одежды на деревянном 4-х угольном пидистале на оном медная малая размера доска с надписью убит его императорским величеством 21 марта 1856 года в деревни Бижаны, которой и поставлен на площадке у лестнице у подъезда же его величества ныне царствующего императора Александра II» [орфография оригинала сохранена – И.Р.]. Министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг вслед за столь интересным письмом гоф-фурьера сообщал, что император повелел отправить чучело

¹⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 151. Л. 38.

¹⁹ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 47. Л. 96 об.

²⁰ НВА ГМЗ «Гатчина». Нег. Г- 85-91.

²¹ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825. Л. 34.

«для помещения оногo в виде вешалки, в Арсенальном каре, внизу у входа на лестницу, где комнаты его величества» и что об отправлении изделия в Гатчину дано распоряжение полковнику Кубе²².

Второе чучело представляло собой медведя, стоящего на четырех лапах, на деревянной черной подставке с колесиками. На бронзовой дощечке имелась гравированная надпись: «1860 года 23го февраля близ станции Спасской около деревни Мостков. Убит государем императором»²³. В рапорте графа П.К. Ферзена в Министерство Императорского Двора от 17 мая 1860 года говорится о том, что «убитые государем императором два большие медведя, один в зиму 1858–59 г., а другой черный в минувшую зиму, были отданы хранителю Зоологического музея Императорской Академии Наук Вознесенскому для сделания из них чучел. Просьба приказать, куда их отправить». Министр граф Адлерберг ответил, что чучела подарены государем императором августейшим детям. Одного медведя следует отправить к генерал-адъютанту Зиновьеву, а другое «в Гатчино, для помещения вместе с находящимися уже там». Большой бурый медведь был представлен его величеству в Царском Селе 15 июня и тотчас отправлен в Гатчинский дворец. Отмечены в документе и детали счета, как то: слесарю за железный стеллаж с винтами уплачено 15 рублей, столяру за черновую подставку – 3 рубля 50 копеек, за полированный под ореховое дерево пьедестал на медных колесах – 18 рублей; «художнику Якубовскому за обделку мастикою и раскраску разинутой пасти медведя и искусственный язык – 6 р. 75 к. За препарацию и выделку шкуры медведя (*ursus Arctos.*) самца, за скапелировку черепа и костей, за связку их, за формование

²² РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 389. Л. 1–2.

²³ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825. Л. 34.

фигуры медведя, искусственные парижские эмалевые глаза, за материалы и консервативные препараты – 132 р. 75 к. Всего 176 р.»²⁴.

Сохранилось немало дел, где указаны работы по изготовлению шкур за подписью И. Г. Вознесенского. В июне 1860 года из убитых императором медведей им сделаны четыре ковра стоимостью 113 рублей 12 копеек²⁵. Один был подарен великому герцогу Саксен Веймарскому, другие велено представить в Белом зале Зимнего дворца 16 июня. Ковры (в данном случае имеются в виду выделанные шкуры, часто с особо оформленной таксидермистом головой) и чучела отправляли во дворцы, дарили родственникам. Так, в 1865–1866 годы Вознесенским был отформован медведь для великого князя Владимира Александровича за 180 рублей 35 копеек²⁶. Делались подарки представителям иностранных государств: для чрезвычайного посла Оттоманской Порты отформован медведь, застреленный близ Луги, на сумму 329 рублей 25 копеек. Счет столяру и резчику «за березовый резной постамент с медными колесами, за таковое же резное дерево, изображающее вырываемый дуб с разветвленными сучьями и бронзированными листьями и двумя птичьими гнездами, где должны помещаться лампы», на 85 рублей, говорит о сложности выполняемых художественных работ. Художнику за гипсовые модели костей и отделку раскрытой пасти рта и раскраску заплатили 28 рублей, тогда как собственно препарация, выделка и набивка шкуры обошлась в 130 рублей²⁷. Заказы делали Вознесенскому и сами великие князья, так, в 1867 году великая

²⁴ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1638. 1860. Лл. 1–16.

²⁵ Там же. Лл. 1–16.

²⁶ Там же. Д. 1887. Л. 42.

²⁷ Там же. Л. 50.

княгиня Мария Николаевна пожелала сделать чучело медведя для французского императора²⁸. В мастерских Зоологического музея осуществлялась и последующая чистка, и ремонт шкур²⁹.

Перед отправкой препараторам звериные шкуры часто находились в зверинце при Императорской Охоте в Гатчине³⁰. Как удалось установить по документам, отделка шкур с убитых зверей в виде ковров, которыми изобиловали дворцы государя, в 1850-х годах производилась в том числе меховым магазином Гольцера³¹.

На фотографии 1930-х годов в *Арсенальном зале* мы видим еще двух медведей: чучело медведя, стоящего на четырех лапах, и чучело медведя, стоящего на задних лапах. Об этих экземплярах в описях никаких расширенных сведений не имеется.

Главным средоточием охотничьих трофеев в Гатчинском дворце во второй половине XIX века стал *Арсенальный зал*. Большая площадь и наличие столбов делали его особенно удобным для размещения чучел. На акварелях Э. П. Гау (1876) и М. А. Зичи (1871)³² мы уже видим еще немногочисленные, но тщательно изготовленные и размещенные на нарядных медальонах головы и рога оленей. В описи Арсенального зала 1919 года зафиксировано 163 пары оленьих и лосиных рогов на медальонах, 4 головы лосей и 4 головы оленей. Еще две головы лосей и одна оленья дополнительно перенесены с *Медвежьей лестницы*³³. Никаких подробностей опись не содержит.

²⁸ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2034. Лл. 17–18.

²⁹ Там же. Д. 1781. Л. 1; Д. 1885. Л. 1.

³⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 167. Лл. 1, 2.

³¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 4/1003. Д. 78. Лл. 1-4.

³² Арсенальный зал Гатчинского дворца. Э. П. Гау. ГМЗ «Гатчина». Инв. № 403-ХІ; В Арсенальном зале Гатчинского дворца 24 ноября 1871 года. М. А. Зичи. ГМЗ «Павловск». Инв. № ЦХ-1736-ХІ.

³³ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 72. Л. 11 об. –12.

Существует разночтение с более поздним описанием в Генеральной описи 1938–1940 годов – в *Арсенальном зале* в ней значатся 7 оленьих голов, 1 голова лося и 160 пар «оленьих» рогов. Сразу отметим, что все рога в описи называли одинаково, хотя на фотографиях видны еще рога лося и косуль, и перепутать их с оленьими трудно.

Оставив этот вопрос для дальнейшего изучения, обратимся к изделиям, описанным в Генеральной описи как содержащей более подробную информацию. Все звери, чучела которых сделаны в виде голов с рогами, размещенные в *Арсенальном зале*, добыты императором Александром II. Лося царь застрелил за Ораниенбаумом близ деревни Шишкино 19 декабря 1873 года. Вспомним, что такое же чучело находилось в *приемной* Александра II, и лось добыт в том же месте и году, но раньше, в феврале. Самая ранняя голова оленя в интерьере относится к 1852 году, зверь застрелен в Дармштадте. Еще один олень убит в Гатчинском парке в 1856 году. О трех головах, установленных над дверью, известно, что они добыты императором в Гатчинском парке 27 декабря 1878 года. Еще две головы не имеют даты и автора выстрела³⁴.

Конечно, самыми многочисленными изделиями во дворце были рога косуль, оленей и лосей на лобной кости. Из 160 пар рогов *Арсенального зала* 24 пары относятся к охотам императора Александра II в Гатчинском парке и за границей начиная с 1852 года. Несколько пар не имеют отметки о времени или авторе выстрела. Остальные – результаты охот императора Александра III в основном в Гатчинском парке или окрестностях, а небольшая часть – в других местах России или за границей. В Гатчине на оленьих охотились в отдаленных частях парка – Сильвии, в Зверинце и Ремизе. Загоны для диких

³⁴ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825.

и домашних косуль и оленей находились на границе Зверинца и деревни Сокколово.

Все головы и рога крепились на красивые медальоны. Например, упомянутая голова лося была закреплена на деревянном овальном резном щите, вокруг шеи зверя шла резная раскрашенная дубовая ветвь с желудями, внизу на щитке находилась медная дощечка с надписью. Чаще всего, правда, надписи делались на лобной кости. Не менее художественными были медальоны у трофеев Александра III: дубовый щиток с извилистым профилированным краем. Интересно, что первые семь пар рогов, на которых стоит клеймо «А III», датированы 1880 годом, когда государь был еще наследником. Возможно, их разместили позже, по готовности изделий и уже после мартовских событий. Только один из этих трофеев имеет адрес – Лисино. Возможно, остальные добыты в Гатчине. На четырех стоит дата 17 декабря, а накануне в камер-фурьерском журнале имеется запись: «16 декабря 1880 г. В 11 часу утра Его Величество с Гос-м Наследником, Великим Князем Владимиром Александровичем, Великим Князем Алексеем Александровичем и приглашенными особами выезд имел в Зверинец на охоту, где изволил иметь фрыштык. ½ 7-го часа за обеденным столом кушал в Арсенале. 20 мин. 9-го часа по Варшавской железной дороге отсутствовали в Санкт-Петербурге»³⁵.

Далее трофейные рога имеются за каждый год вплоть до 1893-го, кроме 1887 года, когда охоты были, а трофеи в Гатчинский дворец не попали. В 1882 году на медальонах стали точно указывать место и дату выстрела: «Гатчина Зверинец 13-го октября 1882» (две пары), «Гатчинский Ремиз 19 октября 1882 г.». В Памятной книжке Александра III эти охоты

³⁵ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. Оп. 125/2382. Д. 283.

упомянуты: «13 октября. В 3 ½ отправился в парк стрелять и убил 2 ланей самц[а] и самку»; «19 октября. <...> Поехали с Алексеем в ремиз стрелять оленей. Убили по одному»³⁶.

Почти все трофеи можно проследить по Памятным книжкам императора или камер-фурьерским журналам, однако иногда встречаются и несовпадения, и путаница в датах и местах охоты. Так, две пары рогов оленей, убитых великим князем Георгием Александровичем 8 октября 1882 года и размещенные в коридоре Арсенального каре и на винтовой лестнице, имеют надпись «Гатчина, парк»³⁷, а камер-фурьер отметил эту охоту как происходившую в Веймарне³⁸, и т. д.

Привозили в Гатчину трофеи из других мест, причем иногда уже готовые для интерьера. Например, с охоты в Скерневице 4 сентября 1884 года размещены четыре пары рогов, а их медальоны отличались по внешнему виду от «гатчинских» – это были деревянные, крашеные щитки с «резными стволами». Удалось выяснить и имена некоторых мастеров таких изделий: например, в счете от столярного мастера Видемана на произведенную «по повелению Его Величества Государя Императора столярную работу» в 1886 году значатся 15 пар оленьих рогов, «обделанных с прикреплением их на Американский орех для навески на стены со сделанием вензеля краской и надписями»³⁹. Изделия были доставлены в *Арсенальный зал*. Рога для них добыты в октябре и ноябре в Ремизе и Гатчинском парке.

Подписи на медальонах могут сказать о многом. В 1888 году после катастрофы царского поезда 17 октября по возвращении

³⁶ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 272.

³⁷ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1816, 1817.

³⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. Оп. 206/2703. Д. 22.

³⁹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 221. Л. 89.

в Гатчину почти не охотились. Девять пар рогов добыты уже в декабре, причем из них пять пар 30-го числа – перед Новым годом и отъездом в Санкт-Петербург. В *кабинете* наследника разместили еще две пары, на которых не указано число, а только месяц и год⁴⁰. Возможно, это была та совместная с отцом и братом Георгием охота 4 декабря, о которой есть краткая запись государя в Памятной книжке: «4 воскр[есенье]. С Ники, Жоржи и Барят[инским] убили 1 оленя и 13 ланей»⁴¹. Два трофея Георгия тоже оформили и разместили в его личных комнатах, но дата там оказалась точной – 4 декабря⁴².

Год 1889 оказался очень «продуктивным» – тогда оформили и развесили 26 пар рогов, добытых в Германии и Гатчине. Любопытна запись государя 21 октября – «устраивал рога», что говорит о его личном участии в этом нелегком и чрезвычайно увлекательном занятии. В следующем году в октябре охотились практически через день, и количество убитых оленей по записям значительно превышало те, что попали в залы дворца. Странно, что в последующие 1890, 1891 и 1892 годы точные даты и места охот перестали на медальонах указывать вовсе, только «Гатчина» и год. Последняя пара рогов в Арсенальный зал попала в 1893 году. Надпись подробная: «У станции Владимирской 18 декабря 1893 года». Из записи узнаем, что рога принадлежали лосю: «18 суббота. Охота во Владимировке – убил 2 лосей, Владимир 1, Алексей 1»⁴³.

Из полнофигурных чучел в *Арсенальной зале* находились чучела рыси и волка. Этикеток на них не имелось, но они могли быть застрелены и Александром II, и Александром III,

⁴⁰ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1816. Л. 137.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 284.

⁴² НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1816. Л. 161.

⁴³ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 294.

ведь эти звери неоднократно были трофеями охот обоих государей. При Александре II в управлении Императорской Охоты скапливалось большое количество шкур различных зверей, большая их часть направлялась на продажу. Так, в 1869 году предписывалось выслать в Егермейстерскую контору 3 медвежьих, 46 волчьих, 59 лисьих, 10 козьих, 1 оленью, 1 рысью, 4 барсуковых шкур для дальнейшего сбыта⁴⁴. У Александра III записи в Памятной книжке тоже красноречивы, например, 7 ноября 1890 года государь пишет, что на охоте в Ремизе «обошли рысь и я ее убил»⁴⁵; или – «9 вторник. Близ Пудости с Минни и Шерем[етевым] – затравили 1 волка, 2 лисиц и 8 зайцев»⁴⁶.

Необычными экспонатами *Арсенального зала* являлись чучела двуглавого орла и экзотических птиц. В Генеральной описи значатся: «Чучело двуглавого орла, правая голова пришта; с распростертыми крыльями; две головы, глядящие в разные стороны; картонная подставка в виде каменной глыбы»; «чучело небольшой попугай, с красной грудкой и лиловой головой, сидящий на березке; рядом на ветках две колибри; внизу мох; подставка красного дерева на трех ножках шариками; под высоким круглым стеклянным колпаком»⁴⁷. Неожиданно удалось установить автора этих изделий. Императрица Мария Федоровна использовала в качестве приемных анфиладу бывших апартаментов императора Николая I и его супруги. В описании личных вещей Марии Федоровны и Александра III за 1893 год значатся в *Малом кабинете* Николая I: «Группа, составленная из чучел попугая и двух

⁴⁴ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3060. Л. 7; Ф. 469. Оп. 15. Д. 167. Л. 2.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 288.

⁴⁶ Там же. Д. 276.

⁴⁷ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825.

маленьких птичек, сидящих на ветвях берез под стеклянным колпаком на круглом деревянном поддоне раб[оты] мастерской Билькевича» и «чучело двуглавого орла с распростертыми крыльями, сидящего на скале из папье-маше раб[оты] мастерской Билькевича»⁴⁸. Сведений об этом мастере пока найдено немного.

Станислав Иосифович Билькевич (1864–1937) родился в Гродненской области. В 1890–1898 годах состоял на службе препаратором зоологического кабинета Зоологического музея Казанского университета им. Э. М. Эверсмана. Билькевич сыграл огромную роль в становлении и развитии музея, участвовал в экспедициях по сбору материала, изготовил многочисленные чучела (в том числе 213 видов птиц), создал экологические экспозиции отдела позвоночных. Переехав в 1900 году в Полторацк (переименованный в советское время в Ашхабад), основал краеведческий музей, ставший центральным музеем Туркменистана. Там Станислав Иосифович работал на должности консерватора музея, а в 1928 году стал его заведующим и в течение почти сорока лет создавал богатую научную и выставочную коллекцию. Писал работы по орнитофауне и охотоведению Средней Азии⁴⁹.

Очевидно, именно он являлся автором гатчинских изделий. Пока не удалось установить, каким образом «псевдочучело» двуглавого орла и группа птиц попали во дворец. Возможно, они были преподнесены в дар императорской фамилии или заказаны для нее.

⁴⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1224. Л. 73.

⁴⁹ <http://old.kpfu.ru/zmku/s2.php>. Дата обращения: 24.11.2016; <http://ru.econews.uz/index.php/en/soderzhanie/item/2615.html> Дата обращения: 24.11.2016; Гаранин В. И., Замалетдинов Р. И. Материалы Пятого съезда Герпетологического общества им. А. М. Никольского. 25–28 сентября 2012 г. Минск, Беларусь. Л. 49–50; Санкт-Петербургский филиал Учреждения Российской академии наук Архива РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 160, 190.

Кроме описанных экспонатов, в *Арсенальной зале* в 1919 году находилось чучело лебедя, по два чучела выдр и фазанов, а к 1938 году прибавилась горная коза и два грифа⁵⁰.

Изделия таксидермии размещались по всему дворцу, их можно было встретить на лестничных площадках, вдоль лестничных маршей, в галереях и личных комнатах. О *Медвежьей лестнице* уже говорилось. На дореволюционной фотографии шкуры зверей видны на площадке Мраморной лестницы перед входом в личные комнаты Александра III⁵¹. В Генеральной описи здесь значатся два двухметровых медведя, два зубра, чучело кабана в прыжке, олени рога и чучела фазанов⁵². Один из медведей – трофей великого князя Михаила Александровича, добытый в 1899 году. Возможно, это тот самый медведь, который, по воспоминаниям адъютанта великого князя А. А. Мордвинова, стоял в углу крошечной передней комнаты Михаила и был им убит на одной из охот в окрестностях Гатчины. Мординов также вспоминал, что широкая площадка лестницы, на которую выходили наружные двери этих комнат, была украшена «всевозможными чучелами убитых в разные царствования зверей»⁵³. Зубры добыты Михаилом Александровичем в Царской Славянке 18 марта 1898 года. Их чучела выполнил старший препаратор Зоологического музея Академии наук С. Приходько.

Александр III и его дети для размещения своих трофеев использовали апартаменты предшественников владельцев. В *Большом кабинете* Николая I в описи «собственным вещам Его Величества Императора Александра III» записана «кожа

⁵⁰ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 72. Л. 79 об. – 80; Научный архив ГМЗ «Гатчина». Д. № 1825.

⁵¹ НВА ГМЗ «Гатчина». Нег. № Бр-666.

⁵² НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1826.

⁵³ Мординов А. А. Из пережитого. Т. 1. М.: Кучково поле, 2014. С. 114.

медведя с головою на подкладке черной крашенины, обшитая по краям красным сукном»⁵⁴. Там же в «Комнатной описи по круглой лестнице при выходе в Собственный садик до верхнего этажа по половине Императора Николая I в ниж[нем] эт[аже] Арсенального каре» значились два чучела тетерева, сидящие на деревянном сучке, и голова оленя. Даже в приемных комнатах императрицы Марии Федоровны на 1 этаже (бывшие императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I) значились «рога диких коз в серебряной оправе»⁵⁵.

В *гардеробной* Александра II к 1938 году стоял «лось-чучело на деревянной подставке, украшенной корой и ветвями деревьев; лось смонтирован во время шага; спереди прилеплена дощечка с надписью: «Убит Его Императорским Высочеством Государем Наследником [великим князем Михаилом Александровичем – И. Р.] 26 ноября 1902 г.»⁵⁶. Возможно, конечно, туда его поместили уже музейные сотрудники.

Готическую галерею украшало 17 пар рогов оленя. Три пары имеют дату 1892 год. Одна композиция была необычной – рога благородных оленей пятилетнего и шестилетнего возраста, скрещенные во время боя. На медной овальной дощечке надписи: «Радзидное лесничество»; «Скрайна 25 сентября 1893 г.»⁵⁷.

Когда сразу после революции в 1918 году описывали *Оружейную галерею*, служившую владельцам своеобразным музеем диковинок, там, кроме уже упомянутых ранних чучел (попугаев и черепахи), были зафиксированы рога диких коз с лобной костью, чучела рыб из Красного моря, зубы

⁵⁴ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1330. Л. 38 об.

⁵⁵ Там же. Д. 447. Л. 39.

⁵⁶ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1826. Л. 180.

⁵⁷ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1824.

гиппопотама, чучела пеликана, кости мамонтов, яйца страусов и многое другое⁵⁸. Позже все эти экспонаты переместили в другие интерьеры музея или в фонды⁵⁹. Мы говорили о том, что музейные сотрудники вынуждены были освобождать отчуждаемые посторонними организациями помещения от вещей и размещать в залы или фонды. По-видимому, именно хранители поставили чучело большого филина высотой почти 60 см в *кабинет* императора Александра III (в описи 1924 года его не было). Однако, несомненно, император и его сыновья украшали трофеями личные комнаты, а также коридоры и лестницы. Вряд ли немногочисленные довоенные сотрудники ходили по дворцу и приколачивали десятки чучел к стенам, лишь бы спасти их от продажи населению в качестве вешалок или учебных пособий. Так или иначе, а Генеральная опись фиксирует, что две *уборные (гардеробные)* государя украшали рожки коз, добытых в Дании и Скерневице в 1883–1885 годах. Рога оленей, убитых Николаем и Георгием в Гатчинском парке и Фреденсборге в разные годы, размещались в их *кабинетах, передней, шкафной и ванной*, а также были развешены в коридоре вдоль их личных комнат. В *кабинетах* находились чучела попугая, дятла, ястреба, тетерева, а в *класной комнате* – утки и вороны⁶⁰. Другие их трофеи – олени рога и голова оленя, две головы коз, два чучела глухаря – попали на одну из винтовых лестниц Арсенального каре⁶¹. В комнатах великого князя Михаила Александровича стояли чучела тринадцати птиц, крысы и белки, а также голова глухаря с наклейкой «Убит 27 Апреля 1899 г.»⁶².

⁵⁸ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1262.

⁵⁹ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1810, 1811, 1822.

⁶⁰ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1816.

⁶¹ НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1817.

⁶² НВА ГМЗ «Гатчина». Д. № 1280, 1812.

Бесчисленное количество трофеев музейные сотрудники сложили в фонды. Туда попали также чучела из тех помещений дворца, которые принадлежали другим членам императорской фамилии, постоянно гостившим здесь. После революции их комнаты не были музеефицированы, и предметы интерьеров попали в запасники. В настоящее время начата работа по изготовлению чучел зверей для воссоздания убранства интерьеров, в которых они бытовали, и для этого необходимы будут дальнейшие исследования по данной теме.

«ВЫСОЧАЙШАЯ» ОХОТА ПОСЛЕДНИХ РОМАНОВЫХ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

После провозглашения Королевства Польского, которое состоялось в 1815 году по решению Венского конгресса, на территориях Княжества Ловического в окрестностях Скерневиц (около 70 км от Варшавы) были организованы первые царские охоты. Скерневицы являлись центром Княжества Ловического, поскольку здесь находился старинный дворец архиепископов гнезненских¹. Семья Романовых приезжала на отдых в эти места еще во времена правления царя Николая I. По царскому распоряжению были построены Варшавско-Венская железная дорога и вокзал в Скерневицах. Железная дорога соединила Варшаву и Скерневице в 1846 году².

Общая площадь лесных угодий в этой части Королевства Польского составляла около 36 тыс. га, и они принадлежали трем лесничествам.

В 1841 году в скерневицком парке, неподалеку от дворца, был построен охотничий домик Александрия, который служил не только для охотничьих нужд. Устраивались здесь также концерты и театральные представления для царской семьи и приглашенных гостей. Однако главным видом досуга семьи

¹ Łomiński L. Spała i okolice, Krótki szkic historyczny. Łódź, 1930. S. 12–13; Jaroszewski T., Baraniewski W. Pałace i dwory w okolicach Warszawy. Warszawa, 1992. S. 178–200; Nowak M. K. Z historii obwodu łowów królewskich w Księstwie Łowickim, cz. I (I połowa wieku XIX). „Łowiec Świętokrzyski”, 2007, nr 40. S. 97–103; Zwoliński P. Puszcza Pilicka – Lasy Spalskie terenem polowań reprezentacyjnych, konspiracji i walki. Spała-Łódź, 2009. S. 24–25.

² Pawlicki P. Droga Żelazna Warszawsko-Wiedeńska w 50-letnim okresie swego istnienia od 1845 do 1895. Warszawa, 1897. S. 33–34.

Романовых во время их пребывания в Скерневицком дворце была охота в окрестных лесах. В 20-х годах XIX века под Скерневицами, на площади около 40 гектаров, начали разводить фазанов. Количество выращиваемой птицы колебалось от 8 до 10 тысяч штук. Отсюда в сады и парки Гатчины и Петергофа ежегодно высылали до 1500 птиц. В последующие годы площадь лесов Княжества Ловического систематически увеличивалась за счет присоединения государственных земель, конфискации частных владений и посредством акций облесения, во время которых земли отдельных деревень засаживали деревьями, а их жителей выселяли³.

Во второй половине XIX века крупных диких животных в скерневицких лесах было совсем немного, тут водилось преимущественно мелкое зверье⁴. Поэтому нет ничего удивительного в том, что члены царской семьи и их гости во время пребывания в Скерневицах, в поисках более богатых охотничьих угодий, перемещались на 20–30 километров по направлению к более обширным лесным массивам Пилицкой пуши. Эти леса называли Любохенскими, а позднее Спальскими лесами. Там в больших количествах, чем на других участках леса, водились такие животные, как олени, серны и кабаны.

С 1870 по 1879 год скерневицкими угодьями на правах пожизненного пользования владел фельдмаршал князь Александр Бярятинский. Он получил их от царя Александра II в награду за военные заслуги на Северном Кавказе. Бярятинский был страстным охотником и в 1876 году, во время визита Александра II, приглашал его поохотиться вместе. Однако в связи с плохим состоянием здоровья монарха на охоту отправился его сын. Во время охоты Александр Александрович подстрелил

³ Kotewicz R. Lasy Spalskie. Zarys dziejów 1795–1995. Spała, 1995. S. 17.

⁴ Karalus K. J. Łowiectwo na ziemiach województwa łódzkiego: zarys dziejów. Łódź, 2007. S. 71.

исключительно дородного самца оленя, а во время завтрака на красивой лесной поляне, расположенной неподалеку от соединения рек Гать и Пилица, выразил желание возвести в этом месте охотничью резиденцию⁵. Строительство царской резиденции в Спале началось вскоре после коронации Александра III. К этому же времени относится начало заложения тут охотничьего хозяйства. Лицом, ответственным за инвестицию, был назначен граф Зигмунд Велепольский, управляющий Княжества Ловического и великий ловчий императорского двора.

Столь серьезное предприятие, как строительство личного императорского дворца, не могло начаться без одобрения проекта самим императором лично. Что и произошло во время императорской охоты 19 сентября 1884 года на месте запланированного строительства в Спале, после состоявшегося несколькими днями раньше, в Скерневицах, «съезда трех императоров»: Александра III, Франца Иосифа I и Вильгельма I⁶. Подробное описание той охоты, во время которой было добыто 396 животных, в том числе 17 оленей, можно найти в книге Николая Малыхина⁷.

Строительство охотничьей резиденции в Спале стало воплощением желания наследника трона, высказанного в 1876 году, когда он во время охоты с князем Бярятинским был очарован уникальной природой древней Пилицкой пуши. Скерневицкий дворец в дальнейшем использовался исключительно для репрезентативных целей или при оказии организации охоты на мелкого зверя.

⁵ Kobalczyk A., Słoniewski M. Carska Spała. Warszawa, 2011. S. 10.

⁶ Rafińska M., Kryszak A. Zjazd trzech cesarzy 15 IX 1884 r. w Skierniewicach. Skierniewice, 1995; Szwarc A. Dawno temu w Skierniewicach. Zjazd trzech cesarzy z 1884 r. „Mówią Wieki”, 2007, nr. 2. S. 36–40.

⁷ Императорская охота во владениях Ловического Княжества в 1884 году / Составил Николай Малыхин, Варшава, 1886.

Оба дворца входили в состав Княжества Ловического, принадлежавшего Министерству Императорского Двора и уделов. Последними министрами двора с 1881 по 1897 год и с 1897 по 1917 год были соответственно: Илларион Воронцов-Дашков и Владимир Фредерикс. Оба они много раз принимали участие в царских охотах в Спале и Скерневицах.

Во второй половине XIX века в значительной мере под влиянием Александра III появилась мода не только на охоту как на форму аристократического досуга, но также и на обустройство частных охотничьих хозяйств, включавших в себя обширные лесные вольеры, хозяйственные постройки, конюшни и псарни. К обслуживанию таких хозяйств привлекалось все больше квалифицированных лесничих и охотников. Образцом подобного охотничьего хозяйства в России был дворцовый комплекс в Гатчине под Петербургом. Управляющими императорскими охотами в годах 1880–1889 был Григорий Чертков, а после него князь Дмитрий Голицын. С течением времени в Спале было создано образцовое охотничье хозяйство, располагавшее одними из самых великолепных охотничьих угодий в Европе⁸. Бывали моменты, когда поголовье оленей тут доходило до 8 тысяч.

Александр III не был большим поклонником дворцового, светского образа жизни и выбирал для семейного отдыха места тихие, уединенные, где можно было проводить время в свое удовольствие. Его не смущало то, что будущая охотничья резиденция располагалась на территории Королевства Польского, куда император обычно приезжал без большого желания, исключительно по обязанности. Впоследствии в Спале он бывал чаще, чем в самой Варшаве.

Выбор маленькой Спалы для охотничьей резиденции мог быть обусловлен также соображениями безопасности.

⁸ Dziejic R., Słoniewski M. Carskie gospodarstwo łowieckie w Spale w latach 1885–1914. Warszawa-Spała-Lublin, 2017. S. 65–91.

Расположенная среди обширных лесов, малолюдная Спала была идеальным местом для возведения тут самодостаточной, скрытой от посторонних взглядов, хорошо охраняемой охотничьей резиденции, предназначенной исключительно для царя и его ближайшего окружения. Из Петербурга до Королевства Польского по железной дороге можно было доехать за относительно короткое время. К тому же железнодорожное сообщение предоставляло удобную возможность дальнейшего передвижения по Европе.

Первые объекты резиденции были построены чрезвычайно быстро и толково. Главные постройки, а прежде всего охотничий дворец, были готовы уже к началу сентября 1885 года. Таким образом, строительство продолжалось меньше года. Однако нововозведенному дворцу пришлось подождать приезда своего хозяина. Первым посетил новую резиденцию брат императора, великий князь Владимир Александрович⁹. И только спустя год в спальскую резиденцию, построенную по его высочайшему распоряжению, прибыл сам император Александр III.

На основании сохранившихся снимков внешний вид дворца можно описать достаточно подробно. Это был скорее не дворец, а большая вилла (размер в плане 50 x 15 метров, общая площадь около 1500 м²). Нижний этаж был сложен из красного кирпича, верхний – из дерева. В архитектуре были отчетливо заметны черты так называемого «курортного», или швейцарского, стиля¹⁰. Скромность охотничьей резиденции, вероятно, была по душе Александру III. Здесь он мог себе позволить хотя бы несколько недель в году отдохнуть от роскоши и излишеств, которыми изобиловали прочие царские дворцы.

⁹ „Tydzień” 1885, nr. 39. S. 4.

¹⁰ Słoniewski M., Czestnych S. Pałac i ludzie. Historia rezydencji myśliwskich w Spale w latach 1885–1945. Warszawa, 2014. S. 36–38.

На протяжении последующих лет резиденция расширялась и совершенствовалась. Была построена 36 метровая водонапорная башня из красного кирпича, с насосной станцией и канализационной сетью. Рядом с нею разместился склад (цейхгауз) для хранения амуниции и охотничьего оружия, которое привозили с собою царь и его гости. Обязательным элементом резиденции стали также деревянные конюшни с расположенными на чердаке жилыми помещениями для конюхов и казаков из охраны. Рядом были возведены дома для прислуги и различные хозяйственные постройки, в том числе сарай для карет.

Отдельным хозяйственно-жилищным архитектурным комплексом являлась стоящая недалеко от дворца одноэтажная деревянная егерская усадьба. Она располагалась прямо над рекой Гать. Рядом находились главные хранилища и склады с запасом провианта для подкормки диких животных. В укромном месте среди леса находилась препараторская, так называемая «роговня». На въездах в резиденцию стояли четыре одинаковых деревянных сторожки¹¹. За деревянным мостом через реку Пилица располагались хозяйственные постройки интенданта царского дворца и отдельная хозяйственная часть, связанная с охотой. В ее состав входили помещение, предназначенное для заместителя егеря императорского двора, школа, склады, погреб и амбары.

Сентябрь был традиционным месяцем начала царской охоты в Спале. Продолжалась она обычно две-три недели. Охоты в Спале царь, как правило, совмещал с охотой на мелкого зверя в Скерневицах и начиная с 1894 года также в Беловеже, где охотились главным образом на зубров. Свою охотничью резиденцию в Спале царь Александр III посетил пять раз. Кроме инаугурационного визита в 1886 году, он приезжал сюда регулярно каждые два года: в 1888, 1890, 1892 и в 1894 году.

¹¹ Szwankowska H. Spała wczoraj i dziś. Spała, 1992. S. 28.

Во время охоты 1886 года было добыто: 25 оленей, 28 косуль, 58 кабанов, кроме того, лисы, зайцы, тетерева, ястребы общим количеством 152 единицы¹². Двумя годами позже было добыто: 27 оленей, 60 косуль, 53 кабана, 14 лис, 73 зайца, 1 тетерев, 1 рябчик, 1 сова и 2 куницы. Во время царской охоты 1890 года: 61 олень, 3 лани, 97 косуль, 71 кабан, 17 лис, 98 зайцев, 2 рябчика и 3 тетерева¹³. Александр III охотился в Спале главным образом в кругу своих ближайших родственников и доверенных чиновников. Чаще всего это были: младший брат царя великий князь Владимир Александрович, его кузен великий князь Николай Николаевич (младший), министр императорского двора граф Илларион Воронцов-Дашков, управляющий делами Императорской главной квартиры генерал Оттон Рихтер, царский лейб-медик доктор Густав Иванович Гирш, князь Альберт Саксен-Альтенбургский, князь Владимир Барятинский, князь Дмитрий Голицын, флигель-адъютант граф Георгий Берг. Практически во всех визитах царя в Спалу принимал участие генерал Бернгард фон Вердер – немецкий посол в Петербурге. Охотиться генерал не любил, делал это из дипломатических соображений. Лучшим стрелком среди постоянных гостей царя считался немецкий аристократ, князь Альберт Саксен-Альтенбургский, породнившийся с Романовыми в результате своего второго брака. С позволения царя в Спалу в его отсутствие могли приезжать ближайшие родственники, прежде всего его брат Владимир Александрович с женой, великой княгиней Марией Павловной, которая обожала псовую охоту на ланей¹⁴. В те времена такая охота называлась великокняжеской.

¹² ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 284. Л. 9.

¹³ Najwyższe polowanie w Spale (z „Dziennika Warszawskiego”). S. 1–10 // [http://www.brzustow.pl/polowanie-carskie-w-spale-1890/\(dostęp 31.10.2013\)](http://www.brzustow.pl/polowanie-carskie-w-spale-1890/(dostęp%2031.10.2013)).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 284. Л. 9.

Великий князь Владимир Александрович исполнял почетную функцию председателя Императорского Общества Правильной Охоты. В июне 1889 года, в отсутствие царя, Спалу посетил необычный гость – персидский шах Насер ад-Дин. Будучи с визитом в Варшаве, шах на один день отправился в Спалу, где охотился в вольере и подстрелил двух кабанов¹⁵.

Два последних визита царя Александра III в Спалу проходили уже в абсолютно других условиях. Спустя всего лишь несколько лет со времени его первой охоты, еще в чине наследника трона, до неузнаваемости изменились, прежде всего, охотничьи угодья и сама организация охоты. Царское охотничье хозяйство в Спале постоянно разрасталось.

На время пребывания царя администрация Княжества Ловического одалживала из запасов Варшавского дворца в Лазенках серебряные и хрустальные столовые сервизы, серебряные канделябры, фарфор, ковры, постельные принадлежности и даже переносные клозеты. После отъезда царя все эти предметы возвращались назад в Лазенки¹⁶. Подобная практика использовалась и позже, во время визитов Николая II. Таким образом, во время отсутствия царских персон в Спале там не оставалось никаких особенно ценных предметов и оборудования. На время пребывания в Спале царской семьи и их придворных варшавским Управлением дворцов туда направлялась также прислуга: садовники, повара и лакеи.

Благодаря воспоминаниям царского лейб-хирурга доктора Николая Вельяминова, сопровождавшего Александра III во время охоты в Спале в 1892 году, мы можем познакомиться не только с тем, как была организована собственно охота, но также

¹⁵ „Tygodnik Ilustrowany” 1889, nr. 336; „Kłasy” 1889, nr 1248 i 1250.

¹⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Zespół Zarządu Pałaców Cesarskich w Warszawie 1806–1918, sygn. 1730, 1731, 1732.

с интереснейшими заметками о повседневной жизни императорской четы в Спале¹⁷. Благодаря этим уникальным записям придворного медика можно довольно подробно представить обычаи и нюансы, характеризующие атмосферу, царившую в Спале во время пребывания там Александра III. Николай Вельяминов дает очень меткую характеристику царю, который, по его мнению, оказался на троне по воле случая, после неожиданной смерти своего старшего брата. Вельяминов пишет, что царь, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, работал, не щадя себя, что привело к полному истощению организма. По этой причине, по мнению Вельяминова, император в своем рабочем распорядке выделял один месяц в году на то, чтобы отдохнуть и делать, что душе угодно. Так при дворе Александра III возникла традиция приезжать в Спалу каждый второй год, чтобы отдохнуть и поохотиться в обществе приближенных особ из его свиты и немногочисленных гостей¹⁸.

Из записок современников известно, что Александр III был хорошим стрелком. В отличие от сына и многих своих гостей, царь не любил охотиться на кабанов, запертых в огороженном вольере. По мнению Вельяминова, охоту на кабанов, которые лишены возможности спастись бегством, царь находил негуманной. Александр III предпочитал охоту на оленя с подхода. Часто в дни гона, ранним утром он выезжал поохотиться в обществе графа Зигмунда Велепольского. Царь не всегда стрелял в животных, он любил за ними наблюдать. Принципиально избегал охоты с загоном. Для императрицы организовывались конные охоты с гончими собаками, так называемые парфорсные охоты *chasse à cours*. Мария Федоровна выезжала на охоту

¹⁷ Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III. Российский архив, 1994, № 5.

¹⁸ Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III... С. 268–270.

с небольшой группой наездников в несколько человек. Охотники строго придерживались классического французского стиля, вплоть до того, что на наездниках были красные фраки. Императрица, которая прекрасно скакала на лошади, с удовольствием принимала участие в охотничьих преследованиях. Царь не был в восторге от такого поведения жены, однако публично своего недовольства не высказывал¹⁹.

Во время пребывания царя в Спале, на ежедневном позднем обеде, мужчины обязаны были иметь на себе военные мундиры. Под окнами дворцовой столовой играли оркестры военных подразделений, охраняющих царя. Благодаря сохранившимся в российских архивах меню, можно узнать о кулинарных предпочтениях императорской четы²⁰. Обращает на себя внимание небогатый, но изысканный подбор блюд. К удивлению, в меню практически отсутствуют блюда, приготовленные из дичи. Похоже, решающий голос в том, что касалось меню, принадлежал Марии Федоровне. Известно, что царь Александр III предпочитал простую еду. Его любимым блюдом был поросенок с горохом. Любил он также квашеные огурцы²¹. Алкоголя царь практически не употреблял. Если пил, то это был квас, смешанный с шампанским в пропорции один к одному. По окончании позднего обеда проводилась церемония штрека. Императорская чета и гости выходили на площадку перед дворцом и при свете факелов рассматривали живописно разложенную дичь, добытую в этот день. К каждому животному

¹⁹ Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX века. Повседневная жизнь Российского императорского двора, М. – СПб.: Центрполиграф, 2011. С. 98–99.

²⁰ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1217. Образцы меню парадных завтраков и музыкальных программ 1891–1916.

²¹ Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Александр III – Царь-Миротворец. СПб.: Абрис, 2007. С. 348–349.

была привязана дощечка с указанием фамилии охотника, который его подстрелил, и местом добычи. Во время осмотра фанфары играли специальные композиции, предназначенные для каждого вида животных. Церемония продолжалась 10–15 минут. Затем гости отправлялись в гостиные комнаты и там проводили остаток вечера²². Чаще всего играли в бильярд при участии царицы Марии Федоровны. Царь в мужской компании играл в вист. После игры Александр III удалялся в свой кабинет и там работал до поздней ночи, поскольку ежедневно в Спалу прибывал фельдъегерь с документами. Игра в карты продолжалась до 23.00–23.30 часов, после чего все участники расходились. Подъем был в 7 часов утра. По воскресеньям на охоту до завтрака никто не выезжал, поскольку все отправлялись на службу в полевую церковь, обустроенную в палатке. Богослужение начиналось в 11.00 и заканчивалось ровно в 12.00. В этот день все мужчины, включая императора, были одеты в военные мундиры или в сюртуки. Оружия при себе никто не имел. Александр III приветствовал каждого из присутствующих.

В воскресные дни охота велась в худших с точки зрения количества животных частях леса. Император не всегда принимал в ней участие, но настаивал, чтобы другие обязательно охотились. Во время охоты в будние дни, после нескольких загонов, примерно в 12.00–13.00 объявлялся перерыв, во время которого охотники отдыхали и подкреплялись. Для этого среди леса заранее выбиралась красивая поляна, на которой ставился стол с угощениями для самых почетных участников охоты. Блюда приготавливали повара с использованием специальной утвари, на полевых кухнях²³. Сразу же после завтрака

²² Воспоминания Н. А. Вельяминова... С. 270–271.

²³ Słoniewski M., Czestnych S. Pałac..., op. cit. S. 84–86.

охотники возвращались на свои места в лесу, а супруга царя с придворными дамами обычно отправлялась ловить рыбу или собирать грибы в спальских лесах. Александр III был принципиальным противником участия женщин в охоте. Послеполуденная охота в несколько загонов продолжалась, как правило, до 17.00–18.00 часов.

По примеру Александра III, за исключением редких торжественных мероприятий, во время которых обязывал протокольный этикет, придворные носили скромную и удобную одежду. Сам император выезжал на охоту в простой блузе из английской ткани, на голову надевал шапочку из шотландской шерсти или офицерскую каракулеву шапку без орла и кантов. Не удивительно, что царское окружение старалось подражать царю, порой даже соревнуясь в том, кто оденется скромнее.

Александр III настаивал на том, чтобы охотники соблюдали принцип, запрещающий стрелять в самок и молодых животных. На нарушение принципа и случившиеся охотничьи ошибки император реагировал очень резко. Исключения не делал ни для кого, в том числе и для преемника трона Николая²⁴.

В Спале, не без участия Александра III, сформировались новые охотничьи традиции и обычаи. Так, например, в честь добычи первого и последнего оленя отличившийся охотник обязан был выпить из рога бутылку шампанского²⁵. Нередко царь собственноручно наливал ему шампанское под одобрительные возгласы всех присутствующих.

Николай II, взошедший на престол после преждевременной смерти отца, продолжил охотничьи традиции Спалы. Будучи еще наследником, он несколько раз уже приезжал сюда с родителями.

²⁴ Воспоминания Н. А. Вельяминова... С. 276.

²⁵ Мамонтов И. На государственной службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 112.

Став же царем, посетил Спалу еще 5 раз: в 1897, 1900, 1901, 1903 и 1912 годах. Иногда он совмещал эти приезды с охотой в Скерневицах и Беловеже. Самым представительным был визит 1897 года, первый приезд в Королевство Польское после коронации. Из Варшавы царь отправился на охоту в Беловежу, а оттуда – в Спалу, где вместе с семьей провел две недели. В отличие от отца Николай II любил охотиться с привлечением загонщиков, число которых доходило до 600 человек (это были крестьяне и солдаты). Стрелком Николай II был средним, но участие такого количества загонщиков, как правило, обеспечивало монарху большое количество охотничьих трофеев. В своих дневниках Николай II часто выражал недовольство своими охотничьими достижениями²⁶. С полной уверенностью можно сказать, что у Николая II была своего рода зависимость от количества подстреленных животных. Это подтверждают записи в его дневниках и скрупулезная статистика собственных трофеев, которую царь вел лично. Так, например, в 1900 году царь Николай II застрелил в спальских лесах 33 оленя, 1 козла, 5 кабанов и 2 лисы; в 1901 – 20 оленей, 11 кабанов, 1 лису и 4 зайца; в 1903 – 14 оленей и 5 кабанов, в 1912 – 51 оленя и 8 кабанов²⁷. Общее число животных, убитых во время императорской охоты 1897 года в Спале: 100 оленей, 56 козлов, 50 кабанов, а в 1900 году – 156 оленей, 30 козлов и 74 кабана²⁸.

Николай II с супругой, так же как Александр III и Мария Федоровна, искали и находили в Спале спокойствие для семейного отдыха вдали от государственных забот и суеты Петербурга. Николай II лучше всего себя чувствовал именно в кругу

²⁶ Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. I. 1894–1904 / Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. С. 501.

²⁷ Najwyższe polowanie w Spale. „Łowiec Polski” 1904, nr. 3. S. 38–39.

²⁸ Дневники императора Николая II. 1894–1918... С. 365, 554–557, 618–625, 768; Т. II. 1905–1918, Ч. I. 1905–1913. С. 703.

ближайших родственников²⁹. Для развлечения наследников в Спале был построен зверинец, в котором содержались домашние животные, в том числе ослики.

Так же, как и его отец, Николай II предпочитал охотиться в Спале в сопровождении довольно узкого круга особо приближенных лиц. Прежде всего, это были его родственники: младший брат великий князь Михаил Александрович, дядя великий князь Владимир Александрович и великий князь Николай Николаевич (младший). Бывали также высокопоставленные чиновники: министр Императорского Двора Владимир Фредерикс, комендант личной царской охраны Петр Черевин, его заместитель генерал-майор Евгений Ширинкин; представители богатой аристократии, например Дмитрий Шереметев. В 1912 году на охоте в Спале присутствовал адъютант Николая II Карл Густав Маннергейм, будущий президент Финляндии.

Александра Федоровна, если ей позволяло здоровье, также выезжала с мужем в леса. Однако, в отличие от своей тещи Марии Федоровны, она никогда не принимала непосредственного участия в охоте. Зато у подрастающих царских дочерей охота вызвала живейший интерес. Однако из соображений безопасности их участие ограничивалось пассивным наблюдением за происходящим. Спутницей Александры Федоровны во время визитов в Спалу часто бывала ее близкая подруга, Анна Вырубова.

Программы пребывания в Спале Александра III и Николая II имели много общего. Основным пунктом была, конечно, охота, которой были заполнены практически все дни. Но имелась в программах также очевидная разница. При Николае II все делалось на широкую ногу, с размахом, со значительным привлечением сил царской администрации. Подготовкой визитов

²⁹ *Dynastia Romanowów*, praca zbiorowa pod redakcją A. Iskanderowa. Warszawa, 1993. S. 393.

и обслуживанием занимались не только чиновники Министерства Императорского Двора и Княжества Ловического, но и губернаторы Варшавы и Петркова, а также местные власти.

Можно смело сказать, что Николай II по тем временам находился в отличной спортивной форме. В его поведении были заметны следы английского воспитания. В Спале царь регулярно ездил верхом, ходил на долгие прогулки, играл в теннис и бильярд, плавал на лодке по Пилице, ловко управляясь с веслами.

Николаю II, так же как и его отцу, не очень мешали простые и относительно скромные жилищные условия охотничьего дворца. Поскольку оба они прежде всего ценили тут возможность непосредственного контакта с природой и прекрасные условия для охоты. Противоположное мнение на этот счет было у императрицы Александры Федоровны, которая неоднократно жаловалась на тесноту помещений дворца и угнетающий полумрак коридоров. Особенно сильно эти неудобства досаждали ей осенью 1912 года, во время болезни царевича Алексея, продолжавшейся несколько недель³⁰. Именно по причине тяжелой болезни наследника этот последний визит императорской семьи в Спале был довольно продолжительным. Проходил он в напряженной, нервной атмосфере. Николай II старался принимать участие во всех охотах и других мероприятиях, но ситуация с сыном, без сомнения, оказывала влияние на его самочувствие. И добытые на охоте трофеи не доставляли прежней радости.

После отъезда императорской четы в резиденции развернулись очередные работы по переустройству и модернизации, которые планировалось завершить к 1914 году, то есть к следующему приезду Николая II с семьей.

³⁰ Подробное описание пребывания императорской четы в Спале в 1912 г. и течение болезни их сына Алексея представил, между прочим, Massie R. K. *Mikołaj i Aleksandra. Biografia*, przełożył K. Kwiatkowski. Warszawa, 1995. S. 160–168; por. też Mikołaj i Aleksandra. *Nieznana korespondencja*, wybór A. Maylunas, S. Mironienko, przekład M. Dors, Warszawa, 1998. S. 378–382.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война нарушила планы и помешала приезду Николая II в Спалу. Последующие же исторические события привели к окончательному завершению царского периода Спалы. Уже в начале декабря 1914 года немецкие войска дошли до Пилицы и заняли ее левый берег³¹.

Началась спешная эвакуация персонала и имущества Княжества Ловического, в том числе царской охотничьей резиденции в Спале³². В сумме было вывезено 800 ящиков, которые позднее оказались на складах Кремля и в садовых хранилищах Нескучного сада. Было эвакуировано 312 семей работников княжества. Отступающая русская армия взорвала мосты в Спале и Иновлодзе. Вскоре началась кровавая битва под Иновлодзем, в результате которой местечко было практически уничтожено. По счастью, избежала такой участи спальская резиденция, находившаяся всего в семи километрах от Иновлодзя. Уже в начале января 1915 года дворец в Спале занял штаб XI немецкого корпуса.

Почти 30 лет функционирования царской резиденции и охотничьего хозяйства в Спале, пришедшиеся на 1885–1914 годы, оставили после себя ощутимые материальные следы. Прежде всего, это существующие по сей день постройки (кроме охотничьего дворца, который сгорел в январе 1945 года при невыясненных до конца обстоятельствах). Сохранилось также значительное количество различных предметов и декоративных элементов, в том числе частично сохранившаяся царская коллекция оленьих рогов.

³¹ Szymański M. J. *Wojenna Spala*. Spala, 2011. S. 17.

³² РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1191. Список служащих на получение пособий при эвакуации 1914 года в Княжестве Ловическом; РГИА. Ф. 468, Оп. 45. Д. 155. Акты передачи, описи дел и вещей управления Княжества Ловического, отправленных на хранение в Московскую Оружейную палату; РГИА. Ф. 468, Оп. 44, Д. 1238. Об освобождении из германского плена некоторых служащих управления Княжества Ловического (1915–1916).

РЕСТАВРАЦИЯ ОХОТНИЧЬИХ ТРОФЕЕВ ИЗ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА

Охотничьи трофеи являлись неотъемлемой частью интерьеров Гатчинского дворца. Основная часть коллекции находилась в Арсенальном зале и на Медвежьей лестнице. Это были чучела животных, меховые ковры, рога и головы зверей, закрепленные на медальонах и развешанные по стенам. Практически все они были утрачены во время Второй мировой войны. Сохранились только 2 предмета – голова зубра и голова лося, добытые императором Александром II. Экспонаты после войны были возвращены из Германии в плохом состоянии и длительное время находились в запасниках музея, но в 2015 году было принято решение об их реставрации, и теперь они снова украшают интерьеры дворца. Реставрация проведена в лаборатории экспериментальной таксидермии Зоологического музея ЗИН РАН в 2015–2016 годах.

Чучело головы самца европейского зубра *Bison bonasus* (Linnaeus, 1758) (возраст 10 лет) закреплено на резном деревянном медальоне, украшенном орнаментом из дубовых ветвей зеленого цвета; внизу медальона – овальная табличка желтого металла с гравированной надписью: «Убит Его Императорским Величеством в Беловежской пуце 6го Октября 1860 г.». Трофей связан с первой императорской охотой в Беловежской пуце, знаменитой тем, что она была приурочена к важным для России переговорам с Австрией и Пруссией. Охота состоялась 6–7 октября 1860 года. К участию в ней Александр II пригласил представителей правящих немецких династий. Было добыто 96 зверей, в том числе и зубры. После охоты шкуры животных подарили тем, кто их убил. Сам император 6 октября застрелил

4 зубра¹. Голову одного из них мы можем видеть сегодня в Гатчинском дворце (илл. 1).

Илл. 1. Голова зубра до и после реставрации

При исследовании чучела перед реставрацией было установлено, что поверхность его манекена покрыта жгутами (толщиной 5–10 мм) из тонкой соломы, плотно стянутыми льняной нитью и сшитыми между собой, что было видно вдоль швов, между разошедшимися краями шкуры (илл. 2).

Это указывает на то, что таксидермическая скульптура выполнена методом шитья, который во время ее создания считался самым передовым методом в таксидермии. Данный способ изготовления манекенов средних и крупных животных появился в Германии в середине XIX века. Разработали его братья Керц, владельцы большой таксидермической мастерской в Штутгарте.

¹ Милосердов Д. Ю. Каталог коллекции трофеев царской охоты. М.: ГДМ, 2016. С. 9.

Илл. 2. Голова зубра. Фрагмент.

В разошедшемся шве видна поверхность сшитого манекена

Чучело головы зубра изготовлено следующим образом: на опорной доске по срезу шеи перпендикулярно закреплена доска, заменяющая шейный отдел позвоночника, на которой смонтирован вываренный череп с рогами. Шейная доска и череп для получения основного объема мышц покрыты слоем соломы и обмотаны шпагатом. Далее произведено шитье: к длинному пучку соломы, прочно обвязанному нитками и прибитому вдоль верхнего края шейной доски, последовательно пришиты такие же соломенные пучки, которыми окончательно

сформированы контуры мышц черепа и шеи. Сначала была смоделирована одна половина манекена, после чего в том же порядке – другая. После этого обе половины соломенного каркаса сшиты между собой снизу, вдоль средней линии. Готовый манекен обычно покрывали тонким слоем клеевой мастики с проработкой мелких деталей мышечного рельефа. В данном случае обмазку использовали только в носовой части и вокруг глаз. После этого на основу укладывали влажную выделанную шкуру, которую зашивали, и при этом фиксировали проволочными шпильками ее отдельные участки для подчеркивания рельефа. Часть шпилек сохранилась.

В России с этим методом отечественные таксидермисты познакомились только в конце XIX века, после того как в 1894 году препаратор Зоологического музея Императорской Академии наук С. К. Приходко прошел обучение в Штутгарте², поэтому мы можем предположить, что чучело головы зубра изготовлено немецкими таксидермистами. К середине XIX века европейские зубры были повсеместно уничтожены и единственным местом, где на них еще охотились, была Беловежская пушча. Возможно, кто-то из участников таким образом отблагодарил российского императора за уникальную охоту, заказав этот трофей своим препараторам. Не исключено, что в изготовлении чучела мог принимать участие один из братьев Керц, Мартин Фредерик (Martin Friedrich Kerz, 1842–1915).

При демонтаже предмета с медальона на доске основания чучела была обнаружена частично поврежденная транспортная квитанция следующего содержания: «<Гл>авное *Общество Российских Железных Дорог. Станция С. Петербург. Пассажирский поезд. Число 15 февраля. Подпись [неразборчиво]. № 1028. <Га>тчинская*», – поэтому можно предположить,

² Заславский М. А. Ландшафтные экспозиции музеев мира. Л.: Наука, 1979. С. 130.

что чучело было изготовлено в начале 1861 года. С момента охоты прошли 4 месяца, время – достаточное для изготовления трофея; к тому же это был царский заказ, который постарались выполнить в первую очередь.

В реставрацию предмет поступил сильно загрязненный, со значительными утратами. В процессе работ удалены саже-пылевые загрязнения, устранены повреждения, вшиты утраты шкуры между рогами, с левой стороны шеи и по горлу. Вставки выполнены из натуральной шкуры зубра шириной 3,5–6 см и длиной до 50 см. После удаления загрязнений мех чучела из темно-серого стал светло-рыжим. Осветление меха произошло в результате его выгорания при неправильном хранении чучела, поэтому перед монтажом мех вставок сначала осветляли, а после окрашивали в нужный цвет. Восполнены утраченные глаза. На морде и вокруг глаз проведены склейки разрывов шкуры, мастиковка утрат, реставрация зубов, тонировка восстановленных участков. Устранен люфт крепления рогов, проведена профилактическая дезинсекция чучела. В результате выполненной работы предмет приобрел свой первоначальный вид, уточнены пол и возраст животного³.

В XVIII–XIX веках в европейской части России лось считался редким животным, и еще Петр I и Екатерина II в своих указах запрещали на него охоту, поэтому неудивительно, что лось попал в коллекцию царских трофеев. Чучело головы самца европейского лося *Alces alces* (Linnaeus, 1758) (возраст 2–2,5 года), добытого императором Александром II в Санкт-Петербургской губернии, за Ораниенбаумом, близ д. Шишкино, 14 февраля 1873 года, закреплено на деревянном медальоне, аналогичном медальону с головой зубра. Вероятно, эти одинаковые медальоны были сделаны немного позже, так как

³ Фандеев А. А., Никольская В. П. Охотничье-промысловые звери и трофеи. М.: Россельхозиздат, 1983. С. 141–146.

и у лося, и у зубра в верхней части досок основания чучела видны следы от первоначального крепежа для подвески чучела на стену. Голова зубра с резным медальоном изображена на акварели Гостиной дворца, выполненной Э. Гау в 1874 году. Аналогичные медальоны с головами оленей можно видеть на архивных фотографиях Арсенального зала.

Голова лося выполнена методом накрутки. Несущий каркас повторяет конструкцию чучела головы зубра, но при этом просто обложен пучками соломы и обмотан пеньковым шпагатом. Можно предположить, что эта работа принадлежит петербургским таксидермистам.

В реставрацию экспонат попал в сильно поврежденном состоянии: был значительно загрязнен, имелись многочисленные утраты и повреждения шкуры, крепление каркаса чучела было нарушено, центровка чучела смещена вправо, доска основания расколота, имелись следы грубой бытовой реставрации, уши расслоились, и большая часть шерсти на них выпала. С правой стороны, у основания шеи, шкура деформировалась. Съёмные рога установлены неестественно.

В процессе реставрации по аналогии с головой зубра после сухой чистки проведена влажная чистка – тройная обработка втиранием смеси крахмала с чистым бензином и с последующим удалением загрязненного крахмала. С левой стороны шеи удалены следы предыдущей реставрации. Ниже уха, в начале шеи, был утрачен фрагмент чучела треугольной формы 32 x 32 x 42 см. На месте утраты проволочными шпильками через набивочный материал приколот кусок картона. На нем столярным клеем грубо закреплены три фрагмента плохо выделанной шкуры. Размер вставки был меньше утраты, и на этот участок вшили новый лоскут. С правой стороны шеи устранена деформация оголившейся оригинальной шкуры, поверх которой

был вклеен новый фрагмент. Восстановлены окраска левого глаза, первоначальная форма и внешний вид ушей, проведены склейки разрывов в носовой части чучела, мастиковка утрат, тонировки восстановленных участков, восполнен шерстный покров с наружной и внутренней стороны ушей и на местах утрат на морде.

Постижёрские работы проведены следующим образом: небольшие пучки шерсти (от 2 до 5 мм) нужной длины со стороны корней глазными ножницами срезали с «донорской» лосиной шкуры. Затем оголенную поверхность чучела смазывали клеем и вертикально ставили пучок. После этого препаративной иглой делали нужный наклон по направлению роста шерсти. Пучки постепенно вклеивали снизу вверх так, чтобы они частично перекрывались. Внешняя сторона ушей оклеена фрагментами ушей со шкуры «донора». В разошедшиеся швы на горле и с левой стороны шеи сделаны вставки из натурального материала. Правильно установлены рога и восполнена утраченная фиксирующая шпилька правого рога. Укреплены деревянные элементы каркаса, восстановлена центровка чучела, проведена профилактическая дезинсекция чучела, уточнен возраст животного⁴ (илл. 3).

Кроме того, для Гатчинского дворца была проведена реставрация 10 пар рогов европейской косули и 7 пар рогов благородного оленя. Эти предметы переданы на временное хранение из фондов Зоологического музея ЗИН РАН. Они являются частью коллекции охотничьих трофеев великого князя Николая Михайловича, а в Зоологический музей поступили в 1921 году через отдел по охране, учету и распределению памятников искусства и старины Михайловского дворца.

⁴ Фандеев А. А., Никольская В. П. Охотничье-промысловые звери и трофеи. М.: Россельхозиздат, 1983. С. 126–133.

Илл. 3. Голова лося до и после реставрации

Каждая пара рогов европейской косули *Capreolus capreolus* (Linnaeus, 1758) с лобной костью закреплена на отдельном деревянном медальоне в форме геральдического щита, тонированном под мореный дуб. С лицевой стороны, в его нижней части – прямоугольная гравированная табличка белого металла с указанием инициалов охотника, даты и места добычи. С обратной стороны медальона – крепеж для подвески на стену. С предметов удалены загрязнения, восстановлен частично утраченный текст на лобных костях, проведено уплотнение крепежа рогов к деревянной основе.

Рога благородного оленя *Cervus elaphus* (Linnaeus, 1758) с лобной костью были закреплены на деревянных медальонах в форме геральдического щита, покрытых черным лаком. На лобных костях черной тушью нанесены вензеля, инициалы великого князя, дата и место добычи. Предметы имели сильное саже-пылевое загрязнение, часть щитов утрачена. У 4 пар были расколоты лобные кости с утратами фрагментов. По аналогии с сохранившимся были изготовлены новые медальоны, удалены загрязнения, проведено сращивание разломов лобных

костей, восполнены утраты, восстановлены вензеля и текст на лобных костях, проведен монтаж рогов и крепежа подвески к декоративной основе. Все предметы находятся в экспозиции.

Среди коллекции охотничьих трофеев Гатчинского дворца один предмет представлен пернатой дичью. Это чучело вальдшнепа *Scolopax rusticola* (L. 1758), изготовлено в таксидермической фирме Ledot J^{ne} (Rue de Rivoli, 212 & 214. Paris), Франция, конец XIX века. Экспонат подарен музею в 2015 году. Чучело закреплено на картонном медальоне. Медальон выполнен в виде овального щита, оклеенного с двух сторон тонированной бумагой (с лицевой стороны – черной бархатной, с тыльной – гладкой темно-синей), помещен в овальную деревянную раму. На лицевой стороне в верхней его части расположен декоративный крепеж в виде кнопки с круглой медной шляпкой. К ней на двойном тонком льняном шпагате, за левую лапу и с полурасправленными крыльями, подвешено чучело птицы, голова повернута влево. На гвозде шпагат завязан бантом. Дополнительно чучело закреплено проволокой, пропущенной через ноздри и вокруг левой лапы. Загнутая проволока с обратной стороны картона заклеена тонированной бумагой. С тыльной стороны медальона сохранилась фирменная бумажная этикетка с изображениями вальдшнепа и куропатки в овальных рамках и типографским текстом на французском языке. Ниже этикетки рукописная надпись: «La Becasse» (вальдшнеп) (илл. 4).

На основании изображений и текста на этикетке можно прийти к заключению, что рассматриваемая работа выполнена французскими препараторами, специализирующимися на таксидермии птиц, из торгового дома «Ледо – сын». Эта фирма располагалась в фешенебельном районе Парижа (на ул. Революции, д. 212 и 214) в конце XIX века. Кроме таксидермии там

занимались фотографированием, изданием альбомов, гравюр, путеводителей и т. д. Предприятие пользовалось определенным успехом и участвовало во Всемирной Парижской выставке в 1878 году по 45-му классу: в этом разделе демонстрировали достижения в таксидермии.

Илл. 4. Чучело вальдишнепа. Торговая этикетка с обратной стороны медальона

Данный предмет является охотничьим трофеем, оформленным в традиционном стиле, популярном во второй половине XIX века в Европе, в том числе и во Франции, где охота на вальдшнепа проводится и в настоящее время. Как правило, чучела птиц и некрупных зверей в позе битой дичи, часто вниз головой, закрепляли на овальных, круглых или прямоугольных медальонах и подвешивали на стену. Это могли быть отдельные чучела или их группы. Нередко готовые изделия помещали в рамы.

Перед началом работ с экспонатом был проведен ряд исследований. При визуальном осмотре стало очевидно, что чучело вальдшнепа выполнено комбинированным методом мягкой набивки и накрутки, обычным для таксидермистов конца XIX в. Суть метода мягкой набивки заключается в следующем: внутри выделанной шкуры животного закрепляли проволоочный каркас, имитирующий скелет, и заполняли полость тела пучками набивочного материала (пакля, вата, солома); затем шкуру зашивали и вставляли искусственные глаза. Эта методика была разработана европейскими препараторами в конце XVII века. При накрутке на проволоку прочно наматывают набивочный материал, имитируя тело животного: в данном случае намотана только шея.

Проведены исследования на содержание токсичных веществ, используемых в качестве инсектицидов. Для защиты от насекомых – вредителей в процессе работы, чучела обычно обрабатывали растворами, содержащими мышьяк, реже – сулему. Был применен портативный рентгено-флуоресцентный спектрометр Niton XL3t GOLD+ (производство компании Thermo Scientific Niton, USA), предоставленный кафедрой реставрации живописи Санкт-Петербургской академии художеств.

Содержание мышьяка и серы в чучеле вальдшнепа

№	Материал	As, %	S, %
1	набивочный материал	0,48	3,2
2	меловая мастика	0,3	0,16
3	шкура	11,7	5,3
4	перо	0,14	16,4

Исследования показали повышенное содержание мышьяка на внутренней поверхности шкурки и высокое содержание серы на перьях, ртуть не найдена. Это подтверждает то, что при изготовлении чучела в качестве инсектицида использовали

только мышьяк, а соли ртути (сулемы), которую иногда применяли в таксидермии, нет. Наличие серы указывает на то, что выпуклое стекло, вставленное в раму, утрачено достаточно давно. В атмосфере крупных городов находится повышенное содержание сернистого газа, который при изменении влажности со временем в виде серы оседает на поверхности незащищенных чучел, что является одной из причин их выцветания.

В Зоологическом институте РАН с помощью микрофокусного рентгенографического комплекса были сделаны рентгенограммы. Это позволило выявить особенности изготовления чучела вальдшнепа и понять характер повреждений. При методе мягкой набивки или накрутки все элементы проволочного каркаса прочно крепятся между собой. В нашем случае соединение крыльев не было жестко связано с каркасом и они держались на чучеле только за счет тонкой шкурки птицы, что позволило им легко отделиться при механическом воздействии.

Тесты на токсичность и использование рентгена при исследовании чучела в отечественной практике использовали впервые, несмотря на то что за рубежом данные методы при аналогичных исследованиях применяются достаточно давно и регулярно^{5,6}.

В интернете были найдены аналоги продукции фирмы LEDOT J^{nc}, представленные в каталогах аукционов. Чучела помещены в рамы из ценных пород дерева, накрыты стеклянными колпаками, которые несли защитные и декоративные функции; иногда поле медальона декорировано растительными элементами.

⁵ Helene Tello, Dr. Boaz Paz. Über den Einsatz von Bioziden in naturkundlichen, botanischen und musealen Sammlungen – Rückblick und Ausblick // Der Präparator, 59, Bremen, 2013, S. 6–18.

⁶ Stoate C. Notes on some specimens prepared by John Hancock // Guild of Taxidermists, 11, August, 1983. Chairman. P. 24.

Аукцион Two Day Fine Art Sale – 3 & 4 March 2011. Лот № 812⁷. В каталоге аукциона даны следующие пояснения: таксидермия, вальдшнеп, *Scelopax Rusticola*. Он висит на гвозде, украшен вереском на черном бархате, в дубовой раме с выпуклым стеклом, 60 см, с гравированной торговой этикеткой LEDOT JNE 212 & 214 RUE DE RIVOLI PARIS, конец XIX века. Здесь вальдшнеп расположен и закреплен, как реставрируемое чучело, но голова повернута вправо.

Аукцион Millon & Associés – 23 & 24 Novembre 2010 L'ART ET LA CYNÉGÉTIQUE. Лот № 188⁸. Здесь чучело бекаса расположено и оформлено аналогично реставрируемому чучелу вальдшнепа. Совпадает также вязка декоративного узла.

Чучело вальдшнепа из гатчинской коллекции было сильно загрязнено, частично разрушено, имело утраты. Крылья оторваны, соединены между собой проволокой. Разрывы шкуры на спине, брюхе, шее и на голове. Частичные утраты оперения на голове и фрагментов шкуры на груди, утрачены правый глаз и коготь на среднем пальце правой лапы, частично утрачен набивочный материал. Сломан средний палец на левой лапе. Видны следы предыдущей реставрации подклювья (было сломано, а затем грубо склеено). Череп расколот. Нарушено естественное положение перьев, а также заломы на перьях, края перьев рассучены. Лапы и клюв чучела покрыты выступившим окислившимся жиром. По краям медальона – заломы и утраты фрагментов бархатной бумаги. На поверхности бумаги – грязевые разводы. Крепление медальона в раме утрачено, как и выпуклое стекло рамы. По внутреннему краю рамы сохранились следы мастики с осколками стекла.

⁷ <https://www.the-saleroom.com/en-gb/auction-catalogues/mellors-and-kirk/catalogue-id-2832172/lot-10668747> Дата обращения: 12.08.2017.

⁸ <http://www.millon.com/html/index.jsp?id=10787&np=2&lng=fr&npp=100&ordre=1&aff=1&r=> Дата обращения: 06.08.2017.

В процессе реставрации на чучеле устранены повреждения, восстановлен глаз. Для восполнения утраты оперения на груди чучела использован фрагмент шкурки с шеи самца тундряной куропатки *Lagopus mutus* в летнем наряде, по цвету и фактуре пера сопоставимый с оперением вальдшнепа. При реставрации чучел птиц использование перьев, крыльев, хвостов и т. д. от разных экземпляров одного вида или других видов, сходных по своим параметрам, дает хорошие результаты, но такие замены должны быть отражены во всех имеющихся документах, начиная с этикетки, привязанной к чучелу, и заканчивая реставрационными отчетами, с указанием точного места восполнения утраты, чтобы не вводить в заблуждение будущих исследователей. Проведена реставрация картонного медальона, медальон соединен с декоративной рамой. Выпуклое стекло не было восстановлено (илл. 5).

Илл. 5. Чучело вальдшнепа до и после реставрации

Охотничьи трофеи являются не только декоративными украшениями, но имеют еще и большое научное значение, особенно если точно указано место, кем и когда добыто животное: это является свидетельством для ученых, что в конкретном регионе водился именно этот зверь, также материал может быть использован для генетических исследований и т. д.

Автор благодарит В. А. Парфенова, преподавателя кафедры КЭОП (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет – ЛЭТИ), за проведение спектрального анализа и Е. Н. Николаеву, научного сотрудника (Зоологический институт РАН), за подготовку рентгенограмм.

*И. В. Фадеев,
Д. Ю. Милосердов,
Ю. В. Стариков*

ТРОФЕИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ. НОВЫЕ НАХОДКИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДАРВИНОВСКОМ МУЗЕЕ

В настоящее время крупнейшие коллекции трофеев императорских охот в виде рогов на медальонах хранятся в Государственном Дарвиновском музее и Зоологическом музее Зоологического института РАН. В Зоологический музей трофеи традиционно передавали сами участники охоты. Рога были развешены по стенам, где в неизменном виде находятся и сегодня. Трофеи императорской охоты в Дарвиновском музее имеют более сложную и до сих пор во многом загадочную историю.

В начале 1990-х годов при подготовке к переезду в новое здание Дарвиновского музея на медальонах и лобных костях некоторых экспонатов остеологической коллекции были обнаружены частично стертые и покрашенные побелкой надписи и вензеля, свидетельствующие об их принадлежности к трофеям императорских охот в Беловежской пушче. В имеющейся учетной документации была указана только видовая принадлежность рогов без всяких сведений о поступлении и индивидуальных признаках. В 1993 году по сохранившимся фрагментам и следам на костях и медальонах там, где это было возможно, надписи были восстановлены, медальоны и рога отреставрированы, коллекция описана и документирована. Всего было выявлено 129 пар рогов на лобных костях, в том числе 21 пара рогов зубра, 26 пар рогов благородного оленя, 19 пар рогов лося, 4 пары рогов лани и 59 пар рогов косули. 79 трофеев закреплены на медальонах, еще у 50 медальоны отсутствуют. На медальонах и лобных

костях указано имя охотника, добывшего трофей, а также дата и место добычи, что делает коллекцию особенно ценной не только как исторический, но и полноценный зоологический материал. Среди имен охотников – император Николай II, великие князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Михаил Александрович, Владимир Александрович, Дмитрий Павлович, греческий принц Николай, С. К. Белосельский, В. И. Велепольский, И. И. Воронцов-Дашков, Л. Б. Вяземский, П. П. Гессе, Д. Б. Голицын, А. А. Гринвальд, В. А. Дедюлин, В. Р. Диц, Н. А. Добровольский, А. А. Дрентельн, В. С. Кочубей, А. А. Мосолов, В. Н. Орлов, О. Б. Рихтер, В. Б. Фредерикс, Д. С. Шереметев. Судя по надписям, все животные отстреляны на территории Беловежской пушчи во время охот 1894, 1897, 1900, 1903 и 1912 годов, то есть всех без исключения императорских охот в Беловежской пушче, проходивших после завершения строительства Беловежского охотничьего дворца.

К большому сожалению, часть надписей на лобных костях и сохранившихся медальонах восстановить не удалось. Существовала вероятность, что некоторые предметы из этой коллекции полностью утратили признаки, позволяющие отнести их к трофеям императорской охоты, и не могли быть атрибутированы в этом качестве. Предстоящий переезд, создание новой экспозиции, перемещение коллекций, налаживание всех направлений работы музея на новом месте не оставляло времени для планомерных поисков информации по истории императорских трофеев. В то же время сотрудники музея не упускали возможности попутного поиска сведений по этой теме и старались отслеживать соответствующие публикации. Бесценным источником информации по истории императорских охот служат, в первую очередь, материалы Государственного архива РФ. В целом в ГА РФ хранится пятьдесят личных императорских

и великокняжеских фондов, «включающих 28 000 единиц хранения, среди которых сотни дневников и памятных книжек, десятки тысяч писем и фотографий, рисунки, альбомы, меню и программы»¹, в том числе имеющие непосредственное отношение к охотничьей теме. При подготовке выставки «Придворная охота», на которой императорские трофеи из фондов ГДМ впервые были представлены публике в Государственном Историческом музее с 26 сентября 2002 по 20 февраля 2003 года, именно по документам из ГА РФ удалось восстановить часть не распознанных ранее надписей, касающихся точных дат и мест добычи животных.

В 2000-х годах появился ряд печатных изданий и интернет-публикаций, посвященных истории Беловежской пуши и беловежских охот. Судя по опубликованным данным, трофеи императорской охоты украшали интерьеры Беловежского охотничьего дворца². 7 августа 1915 года при приближении немецких войск два вагона и платформа с ценностями Беловежской уездной дачи были эвакуированы в Москву³. По свидетельству собственного корреспондента журнала «Природа и люди», находившегося в это время в Беловежской пуше, «увезена вся обстановка, до самой последней безделушки... Во дворце и в прилегающих службах все эвакуировано еще несколько дней тому назад». В Москве беловежское имущество, включая охотничьи трофеи, хранилось в Александровском дворце в Нескучном саду до 1920 года, когда было по требованию польской стороны частично возвращено в Беловежскую пушу, отошедшую к Польше, а частично национализировано и распределено среди

¹ Придворная охота: Каталог к выставке Государственного Исторического музея. М.: Художник и книга, 2002. С. 348.

² Семаков В. В. Беловежская пуша. Минск: Ураджай, 2002. С. 28, 29.

³ Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Царские охоты в Беловежской пуше. Страницы истории. Минск: Беларусь, 2009. С. 119.

различных учреждений. Вероятно, в это время основная часть трофеев и попала в Дарвиновский музей. Единственное упоминание о трофеях из Беловежского дворца обнаружено в одном из писем основателя и первого директора ГДМ А. Ф. Котса 1950 года, где он пишет об экспонатах, которые «...в свое время поступили – по разверстке! – ...из Беловежского охотничьего Музея-Павильона при эвакуации его в первую империалистическую войну»⁴. К сожалению, документов о передаче, как и списков передаваемых предметов, нам до сих пор обнаружить не удалось. В последующие годы признаки принадлежности к трофеям царской охоты (надписи на медальонах и лобных костях) были скрыты (стерты или закрашены), некоторые медальоны были утрачены, а сами рога складированы в ящики и на стеллажи с крайне затрудненным доступом в аварийных условиях старого здания музея. Таким образом, трофеи императорской охоты на многие годы «растворились» в общем массиве остеологической коллекции до переезда в новое здание.

В дополнение к 129 предметам коллекции в 2011 году по двум фотографиям из Государственного архива РФ, опубликованным в изданной в Минске книге по истории охот в Беловежской пуше⁵, удалось опознать еще один уникальный трофей. В остеологической коллекции эти рога благородного оленя, лишенные медальона и каких-либо надписей, числились добытыми в Крыму в 1932 году. В этом качестве они принимали участие во Всемирной охотничьей выставке в Будапеште в 1971 году и были удостоены серебряной медали (илл. 1). В то же время именно этот трофей абсолютно точно опознаётся на фотографиях из Беловежской пуши, сделанных во время охоты 1903 года (илл. 2, 3). Ошибка, вероятно, возникла после того,

⁴ ЦАЛИМ. Ф. 28. Оп. 2. Д. 70. Л. 45.

⁵ Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Указ. соч. С. 77, 86.

как рога без надписей и медальона хранились в общей куче с другими остеологическими материалами (илл. 4). К 1970-м годам все сотрудники музея, помнившие разверстку 1920 года, уже скончались, и неопознанный беловежский трофей был случайно атрибутирован данными с оторвавшейся этикетки одного из соседей по хранению.

Кроме фотографий, об этом трофее имеется запись в дневнике Николая II от 7 сентября 1903 года: «Загоны были удивительные по количеству оленей. Кочубей с Николашей убил одного монстра в 28 концов»⁶. Из того же дневника известно, что князь В. С. Кочубей и великий князь Николай Николаевич, одновременно стрелявшие по оленю, отказывались уступать друг другу завидный трофей и долго спорили, пока не вмешался император и не забрал рога себе.

Нужно отметить, что победитель в этом споре был все-таки установлен в том же 1903 году. При разделке оленя выяснилось, с какой стороны прилетела убившая его пуля, но нам это стало известно только в июне 2017 года, когда обнаружили новые и на сегодняшний момент самые важные «следы» императорской охоты. При подготовке юбилейной выставки к 110-летию ГДМ в поисках интересных, возможно, уже забытых сюжетов были просмотрены 10 000 стеклянных негативов, отснятых в музее в период с 1907 по конец 1950-х годов. Помимо интересных эпизодов из истории музея были найдены снимки рогов, сделанные в первые годы после поступления их в музей в их первоначальном виде. Среди 10 000 стеклянных негативов были обнаружены 36 пластинок размером 120 x 90 мм, на которых можно уверенно распознать 53 пары рогов лося и благородного оленя, несомненно относящихся к трофеям императорской охоты. Рога, как лося, так и благородного оленя, отличаются большей степенью

⁶ Цит. по: Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Указ. соч. С. 77.

индивидуальной изменчивости, что позволяет при наличии некоторого опыта опознавать конкретные экземпляры по размеру, форме и расположению отростков. Хотя детальное сравнение недавно обнаруженных изображений с материалами остеологической коллекции еще предстоит провести, уже сейчас получены интересные новые данные.

К сожалению, не все изображения обладают достаточной резкостью, чтобы прочесть надписи, а некоторые из них на снимках уже замазаны побелкой, тем не менее после сканирования с высоким разрешением 33 трофея из нашей коллекции удалось распознать и в ряде случаев дополнить утраченную информацию. Среди них оказались и знаменитые рога с 28 отростками (илл. 5), на лобных костях которых хорошо видно имя удачливого стрелка «Свиты Его Величества Генерал Майор Князь Кочубей» (илл. 6). Пуля промахнувшегося великого князя Николая Николаевича только оставила след на задней стороне верхнего отростка правого рога. На снимке также хорошо заметна трещина, по которой позже вместе с большей частью надписи и медальоном и отвалилась лобная кость. Остаток надписи был бесследно стерт, что и привело к ошибочной атрибуции в 1970 году. Сегодня мы получили возможность восстановить первоначальный облик уникального трофея.

Не все трофеи императорской охоты, имеющиеся в музее, отображены на негативах. Нет ни одного снимка рогов зубров, косуль и ланей, имеются негативы только некоторых экземпляров благородного оленя и лося. Вероятно, не вся коллекция была отснята или не все негативы сохранились. В то же время из 56 отснятых рогов уже опознаны в нашей коллекции 35 трофеев императорской охоты, причем из них одна пара рогов благородного оленя и одна пара рогов лося ранее не была отнесена к этому собранию. Таким образом, наша коллекция

трофеев императорской охоты пополнилась еще двумя экспонатами, обретшими свою настоящую историю.

Особенно следует отметить, что 18 рогов (6 лосиных и 12 благородного оленя), имеющих на стеклянных негативах, не обнаружены в остеологической коллекции нашего музея. По всей видимости, они были переданы из музея в другие организации, что было в то время обычной практикой, вероятнее всего, в обезличенном виде. Учитывая стойкость подобных экспонатов к повреждениям, велика вероятность того, что эти рога хранятся где-то до сих пор, и их нынешние владельцы даже не догадываются об их «императорском» происхождении. Мы надеемся, что публикуемые нами фотографии некоторых наиболее узнаваемых отсутствующих экземпляров помогут вернуть им «императорское» достоинство (илл. 7, 8, 9, 10).

Остается добавить, что в 2016 году в ГДМ был опубликован Каталог коллекции трофеев царской охоты⁷, в котором представлена информация о 130 музейных предметах, в том числе 21 паре рогов зубра, 27 парах рогов благородного оленя, 19 парах рогов лося, 4 парах рогов лани и 59 парах рогов косули. По понятным причинам в каталог не вошли данные открытий 2017 года. Кроме того, после публикации сведений о каталоге на сайте музея к нам обратилась семья из Санкт-Петербурга, в которой с довоенных времен хранились рога, добытые в Беловежской пушке великим князем Николаем Николаевичем. В конечном итоге эти рога пополнили коллекцию Дарвиновского музея. Таким образом, на сегодняшний день число рогов-трофеев императорской охоты в Государственном Дарвиновском музее достигло 133 предметов, и вероятность дальнейшего роста коллекции все еще не исключается.

⁷ Милосердов Д. Ю. Каталог коллекции трофеев царской охоты. М.: ГДМ, 2016. 193 с.

Литература и источники:

Милосердов Д. Ю. Каталог коллекции трофеев царской охоты. М.: ГДМ, 2016. 193 с.

Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Царские охоты в Беловежской пушке. Страницы истории. Минск: Беларусь, 2009. 128 с.

Пармузина И. С., Тихомирова А. Б. Императорские охоты в Беловежской пушке в акварелях и фотографиях. М.: Московский Кремль, 2013. 80 с.

Придворная охота: Каталог к выставке Государственного Исторического музея. М.: Художник и книга, 2002. 432 с.

В Беловежской Пушке // Природа и Люди, 1915. № 46. С. 736Д.

Семаков В. В. Беловежская пушка. Минск: Ураджай, 2002. 232 с.

ЦАЛИМ. Ф. 28. Оп. 2. Д. 70. Переписка с различными лицами и организациями 1950–1955. Л. 45. Письмо А. Ф. Котса в Управление музеев комитета по делам культпросвет-учреждений при Совете Министров РСФСР.

С. В. Фоменко

**ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ОХОТЫ В ГАТЧИНЕ**
О практической стрельбе
(по документам РГИА)

Не вся жизнь егерей Императорской охоты проходила в охотах на медведей, волков и лосей. Большая часть их работы состояла в охране охотничьих угодий для охот императора и великих князей. Вот в чем она выражалась.

«Выданы ружья для занятий практической стрельбой егерям: Фураеву Василию, Карчевскому Ивану, Никонову Василию, Бабуриным Николаю, Василию, Константину, Сухопарову Александру, Трофимову Александру, Васильеву Александру, Тенягину Александру, Тимофееву Константину, Кожину Николаю, Пунину Василию, Мазурову Николаю, Баранову Николаю, Борисову Алексею.

Отчёт

Сделано 86 выстрелов, сработало 67 патронов, убито птиц – 52, зверей 2. На сумму 10 р. 40 к. На 1 шт. дичи приходится 1.5 выстрела»¹.

«Отчёт

15 егерям выдано по 10 патронов.

Выстрелено 86

Годных 67

Негодных 19

Осталось на руках 64

Убито Воронов 3, ворон 22, сорок 19, ястреб 1, сов 7, хорёк 1, кошка 1»².

¹ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2613. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

«Выдано 239

Выстрелено 156

Годные 43

Негодные 105

Возвращено 83

Убито ворон 59, сорок 32, галок, ястребов 2.

Выдано 247

Выстрелено 97

Годных 37

Негодных 59

Осталось на руках 145

Убито ворон 46, сорок 17, галок 6, сова 1»³.

«Рапорт

По случаю покупки молодых куропаток для развода вокруг Гатчины и сбережения выводков дичи, необходимо было принять меры к истреблению разного рода хищных птиц и зверей для какой цели и были в начале текущего лета командированы егеря Императорской Охоты.

Для привлечения их более ревностному в этом занятию приносящему двойную пользу, как уничтожение хищных птиц и зверей, так и соревнование в стрельбе, мною было назначено небольшое вознаграждение, так, например, за убитую сороку, ворона, ворону по 10 копеек, хищную птицу по 50 копеек и хищного зверя по 1 рублю.

Ввиду же и впредь подобного рода командировок с несомненной для охоты пользой, имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего сиятельства на отнесение вознаграждения по смете Императорской Охоте на производство Высочайших охот.

Начальник Императорской Охоты Чертков

³ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2613. Л. 5–6.

Июля 9 дня 1883»⁴.

«На 1 03 1886 истреблено хищников: лисиц 6, кошек 7, собак 12, сорок 23, ворон 30, сов 3, соек 26. Их истребили Егерь Александр Сухопаров, Стремянные: Николай Фетинг, Михаил Исаев, Осип Осипов, вабельщик Иван Исаев, Старший Дозжачий Николай Жуков, Лесники Николай Эрнстов, Абрам Сойкин, Иван Бюркланд, Иван Нурк, Федосей Бердахов, Андрей Ян Юнолайне»⁵.

Смотритель конюшни

Штатное расписание Императорской охоты, а ранее Егермейстерской конторы, менялось много раз. Появлялись новые должности. Старые переименовывались, а иногда исчезали. В большинстве случаев то, что ранее делал один человек, после изменений штатного расписания начинают делать двое, а то и трое. Должность смотрителя конюшен появилась только в 1885 году. Служебная инструкция смотрителя впервые появилась в Приказе по Охоте 30 января 1886 года⁶.

Смотритель конюшни находится в прямом подчинении заведующего хозяйственной частью. Он принимает от смотрителя складов корма и расходует их согласно положению, представляя заведующему хозяйственной частью отчеты о продовольствии. Наблюдает за правильной ковкой лошадей. Отвечает за чистоту и порядок в конюшне. Ведет книгу отпуска экипажей согласно положению.

В случае заболевания лошадей требует немедленно ветеринарного фельдшера и докладывает о том заведующему хозяйственной частью или ловчему Его Величества, смотря по тому, в ведении кого состоит заболевшая лошадь. Наблюдает,

⁴ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2613. Л. 8.

⁵ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2706. Л. 8

⁶ РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2737.

чтобы дневальные по конюшне исполняли свои обязанности, о неисправностях их докладывает ловчему Его Величества. Составляет ежедневно список лошадей, назначенных на случай пожара.

В случае убыли лошадей составляет о том акт, который подписывает вместе с ветеринарным фельдшером. Акт этот удостоверяется заведующим хозяйственной частью или ловчим Его Величества и предоставляется начальнику Охоты при их рапортах об убыли. Смотрителю конюшни подчинены кучера и конюшенные.

В 1917 году вместе со всей Императорской Охотой должность исчезла. За это время смотрителей конюшен было только два. Первый – Григорий Овчаров, до 1 февраля 1893 года; а с этого дня и до 1 ноября 1917 – Владислав Матеушевич Рогузский.

вый съ 4 а второй съ 6 Января и запасный унтеръ - офицеръ Л.Гв.Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полка Владиславъ Рогузскій - смотрителемъ конюшни съ 1 Февраля.

Смотритель конюшен был третьим по значимости лицом в Слободе Императорской охоты. Служители Охоты и члены их семей, покидая Слободу даже ненадолго, должны были ставить в известность, а зачастую и отпрашиваться у государева стремянного, государева ружьеносца или смотрителя конюшен. Почему же на такую должность, до которой «росли» лет двадцать, взяли человека не из Охоты? Загадка.

Кто же этот человек?

В Архиве Кирасирского полка обнаружил запись: «рядовой, 21 год от роду. Из крестьян Седлецкой губернии Венгровского уезда. Гмины Синоленка, деревня Ждзерь. Вероисповедания

католического, неграмотный, чернорабочий. На службе с 8 ноября 1886. При определении назначен в сей полк 11 декабря 1886. Прибыл и зачислен 12 декабря 1886. Окончил курс полковой учебной команды 13 апреля 1889. Как пробывший 2 года в 1 классе по стрельбе, 3 июля 1889, награждён значком за отличную стрельбу. С 2 декабря 1889 – унтер-офицер. С 8 мая 1890 – взводный унтер-офицер. За меткую стрельбу на призы, 12 июля 1891 награждён денежным призом 2 р. 50 к. Уволен в запас армии 12 декабря 1891. В походах не был, контузий и ранений нет. Холост. Плохих поступков не совершал.»

Наверное, после увольнения съездил на родину, потому что при поступлении на работу в Императорскую Охоту (илл. 1), по данным из архива Дворцовой полиции, был предъявлен паспорт Седлецкого губернатора № 2579.

Илл. 1. Фото дворцовой полиции. Из архива Людмилы Гурьевны Олежек (Рогузской) – одной из двух ныне живущих правнуков егеря

За 10 лет поисков о Рогузском почти ничего не удалось узнать. Обычно Дворцовая полиция проводила тщательную проверку всех поступающих на службу. В делах проверяемых лежат по десять документов из разных мест. А здесь только ссылка на паспорт. В каком доме он жил – неизвестно. Обычно это узнается при переходе из одной должности в другую, тогда, как правило, давали другую квартиру. А он служил в одной должности (илл. 2).

Илл. 2. Охотники на привале. Из архива С. В. Фоменко

Более того, оказалось, что на охоте рядом с Николаем II всегда рядом В. М. Рогузский. Все фото, сделанные непосредственно на охоте, говорят именно об этом. Когда Николай готовится к охоте – идет по лесу, завтракает – рядом с ним Диц. А когда император на номере – Рогузский (илл. 3, 4).

В 1905 году он стал личным почётным гражданином, а в 1910 – потомственным гражданином (илл. 5, 6). На Пасху христосовался с Николаем II, наряду с его личным денщиком, Николаем Николаевичем Кожиным, проживавшем в Зимнем дворце.

Илл. 3. В ожидании белой куропатки. Музей г. Гатчины

Илл. 4. Охота в Беловеже. 1910-е

Илл. 5. Молодые родители с первенцем. Владимир родился в 1894 году в ноябре.
Из архива Л. Г. Олежко

Прослужил Владислав Матеушевич до 1 ноября 1917 года, когда по болезни уволился.

В сентябре 1917 он принимал участие в собрании служащих бывшей Императорской Охоты и оставил свою подпись при регистрации на собрании в числе 77 человек (илл. 7). В мае 1918 при переписи был обозначен как больной,

нетрудоспособный. В декабре 1918 В. М. Рогузский уже не упомянут как проживающий. Он исчез... И никто не знает, куда он делся.

Илл. 6. Януарий, Агриппина Степановна, Вера, Владислав Матеушевич, Зоя, Владимир. Из архива С. В. Фоменко

После окончания Гражданской войны два его сына – красные командиры – пытались искать отца, но тщетно. Вот так мелькнул человек в истории Гатчины.

Илл. 7. 1917 год. Из архива С. В. Фоменко

Все его дети обзавелись семьями в этом городе (илл. 8). Первой вышла замуж Зоя за своего начальника – комиссара Юрия Казимировича Бекиша. Чуть позже Януарий женился на младшей дочке смотрителя почтовой станции Антонине Михайловне Буйловой.

Илл. 8. Семейное фото из архива С. В. Фоменко

Вера вышла замуж за лекпома Лаврикова Владимира Васильевича, а Владимир женился на дочери дворцового конюха Канигунде Бернардовне Ракицкой. Также в Гатчине родились все пять внуков В. М. Рогузского – Нина, Евгений, Владислав, Тамара и Гурий.

ОХОТНИЧИЙ СЕРВИЗ В СОБРАНИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА

Начало собранию западноевропейского, русского и восточного фарфора Гатчинского дворца было положено первым владельцем, фаворитом Екатерины II графом Григорием Орловым. Впоследствии оно было значительно расширено в царствования Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III.

Особое место в коллекции занимают предметы из Охотничьего сервиза. По легенде он был подарен императрицей Екатериной II графу Г. Орлову, но до сих пор этот факт не подтвержден документально.

С. Н. Тройницкий¹ в журнале для любителей искусства «Старые годы» за 1911 год в статье, посвященной собранию фарфора Императорского Эрмитажа, писал о том, что Екатерина II заказала этот роскошный сервиз на Мейсенской фарфоровой мануфактуре для охотничьего домика в Царском Селе. Автор, вероятно, имел в виду павильон Монбизу, построенный в Зверинце Царского Села. Интересно отметить, что часть картин на охотничьи сюжеты художника И.-Ф. Гроота (1717–1801), украшавших этот павильон, позже тоже вошла в собрание Гатчинского дворца.

Церемонии императорской охоты, как правило, завершались красочными застольями, мода на такие обеды пришла в Россию из Европы. Проводились они там в охотничьих дворцах или специально построенных парковых сооружениях, где

¹ Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1848) – известный искусствовед, один из основателей журнала «Старые годы». 1918–1927 – директор Государственного Эрмитажа.

были представлены картины, скульптура, художественная бронза и другие произведения искусства, связанные с охотой. Для угощения гостей были накрыты столы, сервированные фарфоровыми и серебряными охотничьими сервизами.

Вполне возможно, что Охотничий сервиз сначала действительно находился не в Гатчинском дворце, а после был преподнесен Григорию Орлову. Подтверждением этого может служить и близкое расположение Гатчины и Царского Села, откуда императрица любила навещать охотничье имение своего фаворита. Немаловажен и тот факт, что строительство Гатчинского дворца продолжалось долго, оформлять интерьеры начали только в середине 1770-х годов, тогда как сервиз был завершен на Мейсенской мануфактуре в 1768 году.

Традиция дарить приближенным произведения искусства из фарфора, в том числе сервизы, существовала как в Европе, так при Российском императорском дворе. Несколько позже, в 1770–1774 годах, на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре был изготовлен сервиз для брата Григория Орлова – Алексея Орлова-Чесменского. Относительно этого фарфорового ансамбля тоже существует легенда, что он был подарен Екатериной II брату всесильного фаворита в честь победы в Чесменском сражении. Документального подтверждения этого факта также нет, как и имени заказчика в архиве Мейсенской мануфактуры. Интересно отметить, что все самые известные заказы того времени имели своих исторических владельцев, некоторые даже были названы в их честь, поэтому особенно странно отсутствие имени великой российской императрицы в документах Мейсенской мануфактуры.

Впервые в связи с Гатчинским дворцом Охотничий сервиз упоминается в мемуарах князя И. М. Долгорукова за 1786 год как «фарфоровый столовый сервиз с разными видами сельских

охот»². В 1782 году, после смерти Орлова, Екатерина II подарила Гатчинский дворец вместе со всеми предметами убранства своему сыну – великому князю Павлу Петровичу (будущему императору Павлу I), вполне вероятно, что сервиз уже тогда находился в гатчинском собрании³.

Охотничий сервиз был самым большим столовым сервизом XVIII века, выполненным в Мейсене для России, и состоял из 1000 предметов. Это был очень ответственный заказ, над исполнением которого мастера мануфактуры трудились в течение полутора лет – с декабря 1766 до июня 1768 года⁴. Интересно, что даты закладки Гатчинского дворца и начало изготовления на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре Охотничьего сервиза практически совпадают.

Свое название сервиз получил благодаря живописным охотничьим сценам, изображенным на каждом предмете, даже в виде миниатюр на ручках маленьких ложечек. Над росписью этого грандиозного заказа работали 29 художников мануфактуры.

Основными иконографическими источниками стали гравюры знаменитого художника И.-Э. Ридингера (1695–1767). Ко времени создания Охотничьего сервиза колоритные сюжетные

² Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (...). СПб.: Наука, 2004. С. 119.

³ Фомина С. С. Коллекция фарфора и стекла Гатчинского дворца // Гатчинский дворец. Интерьеры императорской резиденции. СПб.: Курорты Петербурга, 2007; Фомина С. С. Мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца // Антик. Инфо, № 62. 2008; Fomina S. Meissener Porzellan in der Sammlung des Gatschina-Palastes // Deggendorf, Keramos, oktober, 202, 2008; Фомина С. С. Мейсенский фарфор в собрании Гатчинского дворца // Виноградовские чтения в Петербурге. Фарфор XVIII–XIX вв. Предприятия. Коллекции. Эксперты. СПб., 2010.

⁴ Pietch U. Meissen and its impact. Interrelationships between Meissen other European factories in the XVIII century 1710 until present // Fascination of fragility Masterpieces of European porcelain. Dresden, 2010. P. 95.

композиции мастера широко использовались для росписи чайных и кофейных сервизов на Мейсенской мануфактуре.

Ридингер в первую очередь был знаменит изображениями животных на фоне пейзажа, он достиг невероятного мастерства в передаче характера животных, их движений и экспрессии. Помимо охотничьих собак художник с большой долей достоверности передавал образы диких животных: медведей, волков, бизонов, кабанов, оленей. В работах Ридингера можно было встретить и изображения представителей фауны других континентов: львов, леопардов, носорогов и слонов. Видимо, по желанию заказчика на предметах Охотничьего сервиза были запечатлены не только европейские охотничьи типажи, но и персонажи в меховых шапках и тюрбанах. Показательно, что навершия на крышках части мисок для супа из Охотничьего сервиза были выполнены в виде фигуры охотника в восточной одежде и тюрбане. Очевидно, по мнению художников Мейсенской мануфактуры, так должны были выглядеть «азиатские» охотники.

При создании Охотничьего сервиза были использованы многие художественные и технические достижения предприятия. С полным правом можно считать, что в качестве образца был выбран не менее знаменитый фарфоровый ансамбль – столовый сервиз с «Прусским музыкальным декором», изготовленный на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре для прусского короля Фридриха II Великого в 1761 году. В начале 1760-х годов он заказал в Мейсене три сервиза, декорированных мозаичными бордюрами: сервиз с «Прусским музыкальным декором», сервиз Мёллендорфа⁵ и Японский сервиз.

⁵ Вихард Иоахим Генрих фон Мёллендорф (1724–1816) – прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Берлина, главнокомандующий прусской армией. Сервиз был выполнен для Фридриха Великого, но позже в знак благодарности преподнесен прусским королем своему выдающемуся военачальнику. С именем Мёллендорфа сервиз и вошел в историю.

На первом сервизе был выполнен зеленый бордюр, сервиз Мёллендорфа украшал красный бордюр, Японский сервиз – бордюр желтого цвета⁶. Из переписки с Фридрихом Великим про эти заказы, несомненно, знала императрица Екатерина II.

Украшение фарфоровых произведений искусства бордюрами было заимствовано с серебряных посудных форм, которые на начальном периоде становления фарфорового производства служили образцами для подражания. Мозаичный орнамент бордюров в свою очередь был перенят из восточной художественной традиции, точнее китайской. Орнаменты в виде сетки были излюбленными мотивами для украшения фарфора у мастеров Поднебесной, затем были переняты японскими фарфористами, позже они нашли художественное воплощение на европейском фарфоре.

Для Охотничьего сервиза был выбран мозаичный бордюр с черным сетчатым рисунком на изумрудно-зеленом фоне (цвет совпадал с цветом бордюра сервиза с «Прусским музыкальным декором»). Зеленая палитра очень органично сочеталась с колоритом и тематикой живописного декора, представленного на предметах.

Охотничьи сюжеты обрамляли живописные рокайльные завитки, написанные золотом. Белоснежные поля между живописными картинами и бордюрами были декорированы изображениями цветов. Помимо этого, часть предметов Охотничьего сервиза была украшена рельефными цветочными гирляндами, вылепленными из фарфора вручную. Ручки супниц были выполнены в виде кабаньих голов, крышки венчали колоритные фигуры охотников. Часть предметов были украшены виртуозно исполненным прорезным орнаментом.

⁶ Triumph of the Blue Swords. Meissen Porcelain for Aristocracy and Bourgeoisie. 1710–1815 // Dresden, 2010. P. 292–296.

В столовую часть сервиза входили: овальные миски для супа различных размеров с подставками, блюда для жаркого, бутылочные и рюмочные передачи, чаши, корзинки для хлеба, вазы для льда, чаши для пунша, соусники, горчичницы, столовые ложки, черенки для ножей, подсвечники и фитили и, естественно, бесчисленное количество глубоких и мелких тарелок. В десертной части помимо десертных тарелок были: мороженицы, чашки с блюдами, блюда и ложки для желе, блюда для клубники, сахарницы, молочники и кувшин для молока.

Почти все формы были выполнены в стиле рококо, и в целом сервиз выглядел не столь помпезно в отличие от знаменитых фарфоровых ансамблей первой половины XVIII века, созданных под руководством И.-И. Кендлера (1706–1775).

К сожалению, немецкие архивы не сохранили для нас имени руководителя этого грандиозного заказа. Директор Дрезденской коллекции фарфора У. Питч вполне логично предположил, что им мог быть М.-В. Асье (1736–1799), который к этому времени наравне с И.-И. Кендлером возглавлял модельную мастерскую Мейсена. Несомненное французское влияние читается в формах бутылочной передачи, мороженицы и вазочек. Необходимо отметить, что довольно часто в документах Охотничий сервиз назывался сервизом в стиле Людовика XV.

Сервиз очень понравился Екатерине II и по ее приказу был значительно расширен на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге. Этот знаменитый фарфоровый ансамбль был одним из самых любимых при царском дворе, надо отметить, что российские императоры с большим пиететом относились к Охотничьему сервизу и регулярно пополняли его состав, в конечном итоге по численному составу он в два раза превзошел свой саксонский оригинал. Дополнительные заказы были выполнены в царствования Александра I, Николая I, Александра II и Александра III (илл. 1–3).

Интересно отметить, что император Павел I – второй владелец Гатчинского дворца, – несмотря на очень небольшое по времени царствование, успел дать распоряжение на изготовление новых предметов для Охотничьего сервиза. Император не только любил фарфор, но и очень хорошо в нем разбирался. При Павле I в Гатчине работала небольшая собственная фарфоровая мануфактура.

По отдельным предметам сервиза можно проследить техническую и технологическую эволюцию фарфорового производства. Но необходимо будет отметить, что с художественной точки зрения произведения XIX века отличает более «сухая» манера исполнения по сравнению с саксонскими оригиналами.

Интересно, что в немецких архивах пока не удалось найти упоминания об изготовлении настольного украшения (от фр. *surtout de table*) для Охотничьего сервиза.

В декабре 1881 года сервизные кладовые Гатчинского дворца осмотрел директор Императорского Эрмитажа А. А. Васильчиков (1832–1890). По итогам своей работы он составил донесение: «Прошу обратить внимание на остатки великолепного старого саксонского столового сервиза в стиле Людовика XV... Сервиз этот, с охотничьими сюжетами, головами зверей, цветами и зеленым чешуйчатым бордюром, представляет огромную ценность; к сожалению теперь большая часть его новая. Она была сделана по старому образцу на императорском фарфоровом заводе»⁷. В этом же документе было особо отмечено: «Не могу не упомянуть еще и о составных частях огромного плато (*surtout de table*) старинного саксонского фарфора. К сожалению, от составляющих множество отбитых кусков и за неимением времени и места... нет физической возможности составить из него целое и определить меру его сохранности... на это потребуется множество дней»⁸.

⁷ Архив ГЭ. Ф. I. Оп. V. Д. 2. 1881. Л. 50.

⁸ Там же. Л. 50 (об.).

Судя по всему, плато так и было оставлено в Гатчинском дворце, и его части сохранились в собрании. Это ажурные беседки (одна большая и пять малых), постаменты трех видов (большие и малые, с кронштейнами и без), одно фигурное навершие (илл. 4). Четыре беседки, на которых марки Мейсена хорошо видны, атрибутированы в соответствии с этими марками. Остальные предметы маркированы частично. Поскольку дно их неглазуровано, то разглядеть марку подчас невозможно, и в документах Гатчинского дворца они значатся как выполненные на ИФЗ в царствование Екатерины II. Подобным образом атрибутированы и немаркированные части настольного украшения. Фарфоровая масса, глазурь и характер живописного декора всех немаркированных частей плато аналогичны предметам с мейсенскими марками, следовательно, они были выполнены на Мейсенской мануфактуре.

Мода на декорирование парадных столов пришла в Россию из Европы, где для украшения торжественных мероприятий использовали скульптурные композиции, выполненные из сахара, живые цветы, оранжерейные деревья с плодами и даже настольные фонтаны. Зачастую авторами подобных проектов становились известные архитекторы, например, для императрицы Елизаветы Петровны исполнителем таких заказов был Б. К. Растрелли (1675–1744).

В проведении торжественных мероприятий особое значение имело украшение десертного стола, так как это была последняя сервировка парадного обеда, его кульминация. Оформление десертного стола было посвящено теме праздника и отличалось особым великолепием. Большой популярностью в такой декорации пользовались храмы, сделанные из сахара, – поистине монументальные сооружения с многофигурными аллегорическими композициями.

К середине XVIII века с техническим развитием фарфорового производства постепенно в составе настольных украшений все большую роль играли композиции из фарфора, они постепенно полностью сменили сахарные сооружения. Настольные украшения стали больше по размеру и потрясали своим великолепием. Например, для одного из парадных обедов, проходившем в 1748 году при Саксонском дворе, по модели Кендлера был создан храм высотой 2 м 95 см, к сожалению, до нашего времени он не сохранился⁹.

Несколько позже, примерно в 1750 году, были созданы храмы меньшего размера (высота 115 см), сейчас они представлены в собраниях Дрезденской коллекции фарфора, музея декоративно-прикладного искусства во Франкфурте и замке Лонглит в Англии. Благодаря этим настольным украшениям можно представить художественный образ настольного украшения Охотничьего сервиза. Это фарфоровые храмы, выполненные в одном стилевом единстве, – группы колонн поддерживают арочные перекрытия с широким профилированным карнизом; рельефный купол храма выполнен из многочисленных рокайлей, по краю купол украшен скульптурой и вазами на постаментах; венчает храм высокий фигурный шпиль со скульптурой наверху; внутри храма располагается аллегорическая группа¹⁰.

Из остатков настольного украшения в гатчинском собрании при желании можно собрать только нижнюю часть храма (колоннаду). Верх сооружения, к сожалению, не сохранился, так же как и основание в виде плато, на которое помещалась вся композиция.

⁹ The Dresden porcelain collection. China. Japan. Meissen. Dresden, 2006. P. 81.

¹⁰ Triumph of the Blue Swords. Op. cit. P. 24.

Из первоначального (саксонского) состава сервиза также в коллекции представлены мороженица (илл. 5, 6) и круглая миска с крышкой, значащаяся в документах Гатчинского дворца как «миска для супа».

Переатрибуции произведений из исторических собраний – общая проблема почти для всех дворцов-музеев. В 1938–1940 годах проводилась Генеральная инвентаризация музейных коллекций. Для этой работы привлекли не только дипломированных специалистов, но и студентов. При занесении предметов в инвентарные книги было допущено огромное количество ошибок, подчас просто грубейших.

В период послевоенного возрождения дворцов-музеев описание произведений и их атрибуцию брали прямо из инвентарных книг. Так произошло и с данной «миской для супа». Судя по ее форме и размеру, это скорее чаша для пунша (илл. 7), что полностью подтверждается документами из архива Мейсенской мануфактуры о заказе Охотничьего сервиза, где среди перечисленных форм значатся «2 чаши для пунша с крышками, украшенные наверху в виде крестьянина и его жены»¹¹. Описание полностью совпадает с формой и образом предмета из гатчинского собрания. Что касается мисок для супа или терин, то в документе упомянуты миски для супа только овальной формы, различных размеров, с подставками. В собрании Гатчинского дворца находятся шесть подобных предметов, исполненных на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге с немецких образцов во второй половине XVIII века. Всего в гатчинской коллекции представлено 25 видов различных посудных форм.

Со временем владельцы дворца стали относиться к предметам из «старинной» (саксонской) части состава сервиза как к

художественным произведениям искусства, некоторые из них даже украсили царские интерьеры, например, миска для пунша и сахарницы стояли на каминной полке Дубового кабинета императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I) (илл. 8).

В эпоху историзма милые вещицы, выполненные в XVIII веке, очень органично вписывались в убранство интерьеров второго рококо. Предметы подбирали из фарфоровых кладовых дворца, а также перевозили из других резиденций. Например, в Кабинете императрицы Марии Александровны (супруги императора Александра II) в качестве шкатулок использовались мейсенские масленки в форме артишока, лимона, капусты, граната, персика, в виде фигур куропаток. Подобные предметы в XVIII веке были обязательной частью сервировки парадных столов, очень натуралистично напоминая свои прототипы, они получили название «обманки». Масленки из гатчинского собрания входили еще в коллекцию Григория Орлова и являлись обязательной составляющей сервировки парадного стола.

Охотничий сервиз в Гатчинском дворце всегда использовался только в особых, торжественных случаях. В XIX веке им накрывали столы в парадных залах Центрального корпуса, частично сохранивших отделку времен первого владельца.

Охотничий сервиз называют визитной карточкой Гатчинского дворца, но сейчас его части находятся в разных местах.

В царствование Александра III при формировании Музея фарфоровых и серебряных вещей Высочайшего Двора почти все предметы сервиза, изготовленные на Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуре (около 300 штук), были переданы в ведение Гофмаршальской части Зимнего дворца. Но еще ранее, по повелению императора Александра II, несколько вещей были перевезены в Москву в художественно-промышленный

¹¹ Pietch U. Op. cit. P. 95.

музей («Художественно-промышленный Музеум» – так его тогда называли) Строгоновского училища. Этот интересный факт стал известен не так давно, благодаря исследовательской работе А. В. Трощинской – главного хранителя музея художественно-промышленной академии им. С. Г. Строгонова¹².

К 1917 году в Гатчинском дворце находилось 2010 предметов Охотничьего сервиза. Судьба собрания ничем не отличалась от участи коллекций других бывших императорских резиденций. В конце 1920-х годов начались массовые изъятия произведений искусства в Госфонд и в «Антиквариат», их перераспределение в другие музеи (Эрмитаж, Музей императорского фарфорового завода, Музей керамики «Кусково»), а также для продажи внутри страны и за рубеж.

До 1941 года Гатчинский дворец был уникальным комплексом дворцового парадного и жилого интерьера второй половины XVIII – начала XX века, где фарфор играл далеко не последнюю роль. Богатейшее собрание давало возможность проследить историю фарфорового производства с XIV до начала XX века.

Сегодня в коллекции Гатчинского дворца находится 335 предметов из Охотничьего сервиза (с учетом остатков

¹² Трощинская А. В. О малоизвестном «фарфоровом» даре императора Александра II из Гатчинских и Петербургских сервизных кладовых и Монплезира Музеуму Строгановского училища // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: вестник МГХПУ. 2009. № 1. С. 49–57: «Художественно-промышленный Музей Строгановского училища был основан в 1864 году в царствование императора Александра II... Император Александр II всячески содействовал созданию музея. Его внимание выразилось не только в том, что он поддержал инициативу по его организации – именно благодаря его покровительству музейное собрание пополнилось новыми экспонатами... переданная сюда коллекция включала 140 фарфоровых предметов русского и западноевропейского производства XVIII – XIX веков, выделенных «из Гатчинских и Петербургских сервизных кладовых и Монплезира».

настольного украшения). Отдельными предметами этого фарфорового ансамбля можно любоваться в Эрмитаже, в Государственном Историческом музее в Москве, в Государственном музее керамики в Кусково и в Хетъенс-музее в Дюссельдорфе. Это официальные данные, так как произведения из Охотничьего сервиза время от времени попадают на российские и международные аукционы.

Великолепный фарфоровый ансамбль экспонируется на постоянных и временных выставках. В течение последних двух лет он впервые представлен вниманию посетителей в парадной сервировке на третьем этаже Центрального корпуса на выставке «В любимых царских резиденциях».

Коллекция фарфора Гатчинского дворца регулярно пополняется благодаря целенаправленной закупочной деятельности музея.

И. А. Хухка

**ХУДОЖНИКИ ПТИЦ:
ДЖОН ОДЮБОН И ЛУИ ФУЕРТЕС.
ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ «WRIGHT M.O.
BIRDCRAFT: A FIELD BOOK OF TWO HUNDRED
SONG, GAME AND WATER BIRDS»**

*Гордо взял свой лук и стрелы
Гайавата и отважно
В лес пустился; птицы звонко
Пели, по лесу порхая.
«Не стреляй в нас, Гайавата!» -
Опечи пел красногрудый;
«Не стреляй в нас, Гайавата!» -
Пел Овейса синеперый¹.*

Эти строчки из поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате» предваряют текст книги «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds»², которая вышла в свет в 1895 году в Нью-Йорке. Данное издание было в довоенном собрании Гатчинского дворца и принадлежало великой княжне Ольге Александровне. Ее автором была американская писательница и натуралист Мэйбл Осгод Райт (1859–1934). Она была первым президентом Национального Одюбововского общества³ в штате Коннектикут – некоммерческой экологической организации, занимающейся охраной природы, а также членом Американского

Орнитологического союза. Первые книги Мэйбл Райт были о природе, и адресованы они были широкой аудитории, как детям, так и взрослым⁴. К их числу и относится своеобразный путеводитель по птицам – «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds». В предисловии автор обращает внимание читателя на то, что труд, прежде всего, будет интересен не специалисту, а любителю природы, который хочет научиться легко определять птиц, узнавать их по внешнему виду и голосам, давать им английские имена. В первом издании были воспроизведены цветные рисунки Джона Джеймса Одюбона и других художников с изображениями наиболее известных птиц, часто встречающихся в парках, лесах и садах⁵.

Джон Одюбон (1785–1851) – выдающийся американский художник дикой природы. Почти всю свою жизнь он посвятил изучению птиц, объехал всю Америку и собрал огромный материал, имевший большую научную ценность в области орнитологии. Он был большим любителем природы и точным наблюдателем птиц, около 500 видов которых он зарисовал во время своих многочисленных экспедиций. Главным его трудом стала книга «Птицы Америки», на создание которой он потратил двенадцать лет. Первое издание в количестве 200 экземпляров печаталось частями в Эдинбурге и Лондоне с 1827 по 1838 год. Сегодня оно признано шедевром книжного дела и величайшей библиографической редкостью, а также одной из самых дорогих печатных книг⁶. 7 декабря 2010 года в Лондоне прошел аукцион

¹ Перевод И. А. Бунина.

² «Наука о птицах: полевая книга с описанием двухсот певчих, водных птиц и пернатой дичи» (пер. авт.).

³ Одно из старейших природоохранных объединений в мире. Своё название получило в честь Джона Джеймса Одюбона (1785–1851), знаменитого американского натуралиста, орнитолога и художника-анималиста.

⁴ American women writers: A critical reference guide from colonial times to the present / Taryn Benbow-Pfalzgraf. Detroit: St. James press, 2000. P. 864–865.

⁵ https://en.wikipedia.org/wiki/Mabel_Osgood_Wright Дата обращения: 20.08.17.

⁶ Лихоманов А. В. Джон Джеймс Одюбон и его труд «Птицы Америки» // Коллекции, книги, автографы. Сборник научных трудов. Вып.3. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. С. 91–98.

Сотбис, на котором четыре тома данного издания были проданы более чем за 11 миллионов долларов⁷. Уникальность этого издания гигантского формата состояла в том, что изображения птиц⁸ были даны в натуральную величину. Все иллюстрации отличались точностью и детальной прорисовкой деталей. 435 гравюр размером 99 на 66 см были раскрашены вручную акварельными красками. Велико было не только эстетическое, но и научное значение издания, так как иллюстрации были востребованы зоологами для изучения тех или иных видов. Когда это было возможно, Одюбон старался писать живых птиц в природе, а не застреленных, хотя и они часто становились его «моделями». Много времени он провел, путешествуя по континенту, наблюдая за пернатыми в их реальной среде, отмечая их повадки, поведение, особенности каждого вида. В иллюстрациях же он пытался показать движение и динамику, писал реалистично, создавая, как отмечают исследователи, своеобразные «портреты птиц». Большинство персонажей его рисунков что-то делают: летают, едят, сражаются, защищаются или спасаются от врагов⁹. Джон Одюбон был не только исследователем и художником, он был писателем, гравером, печатником и издателем. В последние годы он делал все возможное для защиты птиц; позже его именем было названо одно из старейших природоохранных объединений в мире¹⁰.

Его последователем был Луи Фуертес (1874–1927) – орнитолог, иллюстратор и художник. Еще, будучи ребенком, он

⁷ <http://www.raruss.ru/world-top-books/630-audubon.html> Дата обращения: 20.08.17.

⁸ Среди них есть изображения шести ныне вымерших птиц.

⁹ Chapman F. M. Fuertes and Audubon – A comparison of the work and personalities of two of the world's greatest bird artists // *Natural history*. 1937. March. P. 210–212.

¹⁰ <http://www.audubon.org/> Дата обращения: 20.08.17.

с удовольствием изучал птиц, запоминал их внешность, привычки и голоса, делал описания редких экземпляров. Огромное влияние на мальчика оказала книга «Птицы Америки» Джона Одюбона. В возрасте четырнадцати лет он нарисовал свою первую птицу – это был клёст-еловик, а в возрасте семнадцати лет он стал членом Американского Орнитологического союза. В 1893 году Фуертес поступил в Корнеллский университет, где начал изучать архитектуру. Однако, как вспоминал его старший брат Джеймс, Луи абсолютно не был увлечен геометрией и математикой и явно скучал на занятиях. Так, например, во время одной из лекций он вылез из окна классной комнаты и просидел долгое время на дереве для того, чтобы изучить птичку, позывной крик которой он никогда не слышал прежде¹¹. Поворотным пунктом в жизни юноши стало знакомство с натуралистом, орнитологом и писателем Эллиотом Куэсом¹². В ноябре 1896 года на ежегодном собрании Союза американских орнитологов, проходившем в городе Кембридж штата Массачусетс, он представил публике молодого художника. Рисунки Фуертеса, представленные на выставке, вызвали большое оживление и дискуссию¹³. Через два года Луи отправился в свою первую экспедицию во Флориду. В последующие годы, в погоне за изучением птиц, он объездил большую часть Соединенных Штатов, а также побывал в Канаде, Мексике,

¹¹ <http://dictionary.sensagent.com/LOUIS%20AGASSIZ%20FUERTES/en-en/> Дата обращения: 20.08.17.

¹² Он был основателем Союза американских орнитологов и главным редактором его печатного органа, а также нескольких других орнитологических периодических изданий. В 1872 году он издал свою работу по орнитологии «Key to North American Birds» – важный труд, способствовавший систематическим орнитологическим исследованиям в Америке.

¹³ Chapman F. M. Op. cit. P. 205.

Колумбии и Эфиопии, часто сотрудничая с орнитологом, создателем первых руководств по полевым исследованиям и сотрудником Американского музея естественной истории Фрэнком Чепменом. Из восьмисот видов североамериканских птиц Фуертес собрал новые сведения, касающиеся более шестисот, при этом он мог без труда воспроизвести на холсте внешний вид любой из них¹⁴. Жизнь художника трагически оборвалась в 1927 году в автомобильной катастрофе, его же картины до сих пор пользуются большим спросом, а рисунки являются прекрасным украшением многих книг. В 1897 году он проиллюстрировал второе издание книги «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds» Мэйбл Осгод Райт. Последующие издания также выходили с его иллюстрациями. На 24 листах даны изображения птиц: бурый короткоклювый дрозд, каролинская утка, белая сова, странствующий дрозд, пересмешник, обыкновенный архилохус (колибри), домовый крапивник, желтогорлый певун, пурпурная лесная ласточка, кедровый свистель и другие. Рисунки отличает точность, прорисовка деталей и реалистичность. Как же они создавались?

Многие соратники Фуертеса, участвовавшие с ним в тех или иных экспедициях, отмечали, прежде всего, его любовь к птицам, его неистощимое желание их изучать, а также его потрясающий талант все подмечать, запоминать, а потом воспроизводить уже по памяти. Американский зоолог Уилфрид Хадсон Осгуд вспоминал, что Фуертес, находясь недалеко от озера Тахо, в первый раз вживую увидел птицу оляпка. Он долго рассматривал ее в бинокль, завороченный позами, движениями и отличительной формой птицы. Но ни одного эскиза не было сделано на месте. Тем не менее позже, описывая этот

¹⁴ Wells D. T. Drawing wild birds in their native haunts // The Outing Magazine. 1909. 54 (5). P. 566.

случай, он быстро и легко набросал оляпку в движении, как будто птица была перед ним¹⁵. У Фуертеса была потрясающая фотографическая зрительная память, настоящий дар запоминания и визуализации. Однажды, гуляя, он и писательница Мэйбл Осгод Райт увидели краснохвостого ястреба, схватившего черную змею. Прежде чем улететь, птица какое-то время контролировала добычу, которая долго извивалась. Опять же, точные и детальные зарисовки этой сцены появились спустя какое-то время¹⁶. При этом, как замечают исследователи, Фуертес не был мастером пейзажа. Большие композиции также не были его сильной стороной, хотя ему и приходилось часто их составлять. Его интересы были сфокусированы на индивидуальности птицы, ее поведении, внешнем виде, позе и движениях. Его рисунки можно назвать своеобразными «портретами птиц»¹⁷. В них он старался точно передать все оттенки оперения, форму и цвет глаз, клюва, головы, шеи, характерные позы, особенности характера каждой из них. Как отмечали его коллеги, он мог по памяти нарисовать любую птицу, если он видел ее хотя бы раз в природе. После того как птица застрелена, мгновенно меняются ее форма, поза, оттенки. Поэтому художнику было важно максимально полно изучить ее вживую в естественной среде. Большое значение имели здесь знания в области орнитологии, наблюдательность и терпение. Часто было необходимо изобразить птицу разными цветами: многие из них меняют оперение по сезонам, а некоторые способны изменить свою окраску по желанию. Например, у маленького мексиканского орла каракары цвет головы меняется в зависимости от того, молчит он или издает громкий крик. Нередко

¹⁵ Chapman F. M. Op. cit. P. 207.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

художник сталкивался с такой проблемой, как невозможность подойти к птице поближе для ее изучения. Возникла необходимость пользоваться подзорной трубой, при этом наброски делались моментально на листе бумаги. Фуертес мог изучать свои «модели» с высоких ветвей деревьев, с крутых скал, в подлеске. Очень часто на месте нельзя было сделать даже наброски, нужно было все запомнить и сохранить в памяти до лучшего момента. После длительного изучения птицы вживую для дальнейшей работы художник часто вынужден был ее убить¹⁸. Здесь уже можно говорить о мастерстве охотника, а также об удаче, которая всегда играет большую роль. Иногда дни и недели долгих экспедиций, исследований и тяжелой работы заканчивались ничем из-за тех или иных непредвиденных и неблагоприятных обстоятельств.

Так, например, весной 1908 года художник совершал путешествие во Флориду с единственной целью: изучение розовой колпицы, птицы семейства ибисовых, очень редкой птицы, которая никогда до этого не была нарисована и точно описана. Он был с Фрэнком Чепменом и другими сотрудниками Музея естественной истории Нью-Йорка. Почти в четырех милях от пристани их шхуна застряла в иле в Змеиной бухте, и даже прилив не помог им приблизиться к берегу и причалить. Со всем снаряжением они перебрались в маленькую лодку, гребли, толкали, переходили вброд. Дальше им предстояло преодолеть большое расстояние вглубь страны через озера, реки и болота, почти непроходимые леса, которые значительно удлиняли их путь. Наконец, одним поздним вечером, команда дошла до озера, где и обитала колония розовой колпицы. На следующий день, рано утром, прежде чем окончательно рассвело, Чепмен

¹⁸ У Фуертеса была коллекция в количестве 4000 птиц, которых он сам застрелил и сделал чучела.

и Фуертес устроились в укрытии недалеко от места расположения птиц. Вскоре они обнаружили, что на острове были еще и большие белые цапли. Это означало, что как скоро ученые уйдут отсюда, их проводники вернутся и застрелят всю колонию для производства дамских шляпок. Уже было достаточно светло, чтобы Чепмен сделал фотографии, а Фуертес начал свои исследования, когда один из проводников, который был в двух милях от лагеря, выстрелил из ружья в гремучую змею. Мгновенно все розовые колпицы и белые цапли взмахнули крыльями над головой Фуертеса и скрылись из виду. Они летели прямо над ним, но он не стал в них стрелять, чтобы окончательно не отпугнуть. Но это было бесполезно, птицы на это место не вернулись¹⁹.

Иногда попытки изучить тех или иных пернатых вживую с близкого расстояния были безнадежны с самого начала. Например, почти невозможно подойти к некоторым представителям хищных птиц. Единственный шанс изучить их – выстрелить. Но и здесь многое зависит от удачи. В 1899 году Фуертес был в экспедиции на острове Холл штата Аляска, во время которой он застрелил птицу глупыш в Беринговом море. Она упала в трещину базальтового утеса около десяти футов вниз. Триста футов ниже, у основания базальтовой плиты шумело и гремело море, бросая свои волны высоко вверх к утесу. Вокруг головы художника кружились кайры, которых он отпугнул от гнезд на вершине утеса. Отбиваясь от них, художник начал спускаться за подстреленной птицей. Он полз вниз, когда земля начала ускользать из-под его ног. Еще чуть-чуть, и он упал бы в бушующее море. И как ни было сильно искушение продолжить свой путь, он вынужден был вернуться назад ни с чем²⁰.

¹⁹ Wells D. T. Op. cit. P. 570–573.

²⁰ Wells D. T. Op. cit. P. 573.

Полевые исследования были главной составляющей работы художника-орнитолога, но не единственной. Заключительный этап, как правило, всегда проходил в его мастерской в Итаке. Здесь полевые заметки, наброски, собранные образцы птиц, зарисовки флоры и среды обитания пернатых приводились в порядок, соединялись с его впечатлениями и превращались в картину. Многие из его работ стали иллюстрациями к тем или иным книгам.

Согласно довоенным описям, в комнатах семьи императора Александра III в Гатчинском дворце были разнообразные издания о природе²¹. К сильным увлечениям Александра III относились рыбалка, охота и собирание грибов. Великая княжна Ольга Александровна вспоминала, что в Петергофе «папа вставал очень рано и иногда шел в лес по грибы, так что к обеду он приносил большую корзину грибов. Иногда вместе с ним отправлялся кто-нибудь из нас, детей»²². Неслучайно в кабинете императора имелось такое издание, как «Главнейшие съедобные и вредные грибы» Л. Н. Симонова под редакцией профессора А. Н. Бекетова, с иллюстрациями Елизаветы Бём (СПб., 1885). Здесь же хранились две книги Н. И. Кутепова: «Памятная записка о положении дела по составлению «Сборника материалов, касающихся истории великокняжеской, царской и императорской охот в России» (Гатчина, 1891–1893) и «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI в. Т. 1.» (СПб., 1894)²³. В собрании младших детей Михаила и Ольги

²¹ К сожалению, почти все они были утрачены в годы Второй мировой войны.

²² Воррес Я. Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М.: Захаров, 2004. С. 45.

²³ Более подробно об этих изданиях см.: Хухка И. А. О некоторых подносных изданиях императору Александру III // Гатчинский дворец в истории России. Материалы научной конференции. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 314–315.

было много книг их учителя по естественной истории, ученого-лесоведа, орнитолога, почетного профессора Санкт-Петербургского лесного института Дмитрия Никифоровича Кайгородова²⁴. В дневниках великая княжна Ольга Александровна часто упоминала о прогулках с ним по Гатчинскому парку и изучении природы: цветов, деревьев, животных и птиц. Вот одна из ее записей: «... У меня был урок с мистером Кайгородовым. Мы поехали в Зверинец послушать пение птиц...»²⁵ «Дмитрий Никифорович считал, что его предмет нельзя изучать в душевной классной комнате. Естественное знание, считал он, «не мертвая наука о природе, а живая любовь к ней и Божьим творениям, ее составляющим», поэтому и «проходить» ее нужно во время экскурсий, прогулок, небольших путешествий в лес, сад, поле, на речку или озеро. И он вел детей на природу. Там, в аудитории, которой становилась цветущая лужайка или берег пруда, Кайгородов увлекательно рассказывал своим ученикам о жизни русского леса, об особенностях деревьев, хвойных и лиственных, о животных и птицах»²⁶. И неслучайно среди книг младшей дочери Александра III было издание «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds» Мэйбл Райт. Уроки Д. Н. Кайгородова, прогулки и изучение природы в парках и в лесу с раннего детства с отцом, а также такие издания, как «Birdcraft...», научили ее наблюдать, любить и бережно относиться ко всему живому. «Мне охота никогда не нравилась. Ни мою сестру, ни меня стрелять не учили...» – вспоминала

²⁴ «Лепестки: Рассказы, очерки, картинки»; «Из царства пернатых»; «Беседы о русском лесе»; «Краткий обзор растительного царства по климатическим поясам»; «Календарь Петербургской весны»; «Пернатые хищники» и другие.

²⁵ ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2. Л. 132.

²⁶ <http://www.ohotniki.ru/hunting/article/2014/07/22/641899-uchitel-velikih-knyazey.html> Дата обращения: 20.08.17.

Ольга Александровна²⁷. Прекрасные иллюстрации к книге Райт также могли быть своеобразным учебным пособием. Уже с четырех лет великая княжна любила рисовать и на протяжении всей жизни писала чудные акварели: сады, цветы, деревья, птицы. В 1920-е годы ею были созданы работы «Лебедь» и «Птички на снегу». В них чувствуется любовь ко всему живому, и невольно приходят на ум строчки из поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате»: «...птицы звонко пели, по лесу порхая. «Не стреляй в нас, Гайавата!» – Опечи пел красногрудый; «Не стреляй в нас, Гайавата!»»

А. Э. Шукурова

ОХОТНИЧЬИ И АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЖИВОПИСИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА

Гатчинский дворец задумывался и строился как загородная охотничья резиденция. Это нашло свое отражение и в особенностях подбора картин для убранства его интерьеров. Каждый из хозяев дворца, в зависимости от своих вкусов и пристрастий, пополнял эту коллекцию. Конечно, они по-разному относились к благородному искусству охоты. Граф Орлов и Александр II, без сомнения, были его знатоками и ценителями. Павел I присутствовал на охотах как протокольных мероприятиях, преимущественно за границей. Николая I нельзя было назвать страстным охотником, этому занятию он уделял сравнительно мало времени. А Александр III, видимо, видел в охоте не столько самодостаточное увлечение, сколько возможность отдохнуть от пут строгого придворного этикета, общения с природой. К 1941 году из собрания живописи Гатчинского дворца-музея к охотничьему и анималистическому жанру можно было отнести более 60 картин¹. Сюда входили и сцены собственно охоты, и изображения животных.

Нам мало известно о картинном убранстве дворца при графе Орлове. Однако даже по самым ранним описям картины с охотничьими сюжетами выделяются особо. Так, например, в верхнем этаже Центрального корпуса находились «Картина большая в вызолоченной раме, представляющая травлю

¹ Шукурова А. Э. Общая характеристика коллекции живописи ГДМ на 1941 г. (по материалам Описи Генеральной инвентаризации). НВА ГМЗ «Гатчина». Д. 2637. Л. 3.

²⁷ Воррес Я. Указ. соч. С. 36.

буйвола собаками 1. Картина поменьше в вызолоченной раме, представляющая травлю льва собаками 2. Картина большая в вызолоченной раме, представляющая травлю медведя собаками»². Позже эти полотна³, видимо, круга Ф. Снейдерса, украшали коридор первого этажа Арсенального каре, примыкавшего к Медвежьей лестнице и комнатам августейших детей⁴, который был заполнен огромными картинами со сценами охот и травли диких животных. Интересно, что там же находилось полотно кисти известного британского художника, прославившегося как автор охотничьих сцен, Джона Вуттона⁵ «Лорд Вальполь на охоте на берегу моря»⁶. Это весьма характерная сцена английской псовой аристократической охоты: всадников сопровождают несколько десятков собак. Любопытно, что, вероятно,

² «Опись разной мебели, вступивший в Гатчинской Его Императорского высочества дворец после бывшей 1793 года описи; там же картин и других вещей с показанием во первых: из какого именно места оныя поступили; а во вторых когда, куда и кому имянно и по чьему повелению отданы после описи учиненной 1796 года». ГДМ-457-ХIII. Л. 16 об.

³ Вероятно, эти картины были утрачены в период Великой Отечественной войны. Снейдерс Ф. (школа) Травля буйвола собаками. Г-39169; Снейдерс Ф. (школа) Травля льва собаками. Г-39160; Снейдерс Ф. (копия) Охота на медведя. Г-39169.

⁴ См.: Опись Ливена. Арсенальное каре // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1499. Л. 97–100.

⁵ Вуттон Джон (John Wootton, 1682–1764) – английский художник, считается одним из основоположников характерного для Британии «спортивного» жанра, который включал сцены спортивных состязаний, охот, породистых собак и лошадей.

⁶ Вуттон Дж. «Лорд Вальполь на охоте на берегу моря», Г-39168. Утрачена в период Второй мировой войны. Фрагмент этого полотна виден на акварели Э. П. Гау «Приемная Александра II в Гатчинском дворце». Репродукция была опубликована в статье А. Трубникова «Старые портреты старого замка» // Старые годы. Июль - сентябрь. 1914. С. 90–91. Там же указано, что кроме самого лорда Уолпола среди охотников изображен его зять, Ч. Черчилль и Т. Тернер.

на групповом портрете «Собаки и сорока», тоже написанном Вуттоном, были запечатлены те же «любимые гончие и сорока, которая обычно сопровождает их на охоте»⁷.

Важную часть коллекции графа Г. Орлова составляли картины немецкого живописца Иоганна Фридриха Гроота⁸, младшего брата знаменитого портретиста, «гофмалера» двора императрицы Елизаветы Петровны, Г. Х. Гроота. Он учился в Штутгарте и Вене, а в 1747 году приехал в Россию. В Петербурге, благодаря протекции старшего брата, его картины были показаны государыне, и в 1748–1763 годах Гроотом-младшим было написано более пятидесяти картин, сцен охот, изображений животных и натюрмортов для Большого Царскосельского дворца и охотничьего павильона Монбизу. И. Ф. Гроота-младшего называли первым русским «зверописцем», он долгое время преподавал в Императорской Академии художеств по классу «живописи зверей и птиц». Художник в своем творчестве продолжал традиции фламандской и немецкой анималистики⁹. Напомним, что в немецких землях обычай украшать картинами со сценами ловли и травли зверей и охотничьими трофеями залы княжеских замков и аристократических поместий, не говоря уже о специальных «охотничьих домиках», зародилась еще в средних веках. Трудно утверждать однозначно, происходят ли картины Гроота-младшего гатчинского собрания из павильона Монбизу, но судя по

⁷ Вуттон Дж. «Собаки и сорока», Г-39035, ГЭ-9781. Картина находится в Гос. Эрмитаже с 1958 г. В конце XIX века картина была в Арсенальном каре в Камердинерской Наследника. См.: Ренне Е. П. Британская живопись XVI–XIX веков. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 59–61.

⁸ Гроот (Грот, Grooth) Иоганн Фридрих (Иван Федорович) (1717–1800) – немецкий художник, работал в России более 58 лет.

⁹ Малиновский К. В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб.: Крига, 2007. С. 295.

композиции, полотна были предназначены для высоких стен (высокое небо, низкий горизонт). Но так или иначе, виртуозное мастерство в изображении животных, особенности фактуры шерсти и перьев вполне отвечают славе Гроота-младшего как «живописца зверей и птиц». Неудивительно, что мастер стал основоположником школы русской анималистики и долго преподавал в Императорской Академии художеств. Кроме того, трудно переоценить вклад обоих братьев Гроотов в зарождение и становление реставрации станковой живописи, поскольку им обоим пришлось не только писать картины по царским заказам, но и исправлять результаты неблагоприятных условий бытования полотен (холода, слишком сильного освещения, сырости, да и просто грязи).

В этот же комплекс «звериных» картин входила и знаменитая «Борзая графа Орлова», которая занимала важное место в довоенной экспозиции 3-го этажа Центрального корпуса Гатчинского дворца-музея, в Зеленой комнате (илл.1).

Истории этой картины посвятил статью В. К. Макаров¹⁰. Это полотно принадлежало к коллекции графа Орлова, видимо, вместе с собранием Гатчинского дворца перешло к великому князю Павлу Петровичу, в XIX веке находилось в Комнатах августейших детей.

В комнатах Павла I картин с охотничьими сюжетами было относительно немного. В основном это были сцены античного мифа о Кефале и Прокриде, а также изображения богини Дианы. Исключение составляла картина Р. Саверея¹¹ «Два охотника, убивающие кабана»¹² в Нижней Тронной.

¹⁰ Макаров В. К. Портрет собаки работы Гроота-младшего // Старая Гатчина, № 7, 26 ноября 1923 г. НВА ГМЗ «Гатчина», № 381.

¹¹ Саверей Рулант (Roelant Savery, 1576–1639) – нидерландский художник. Долгое время работал в Праге при дворе Рудольфа II.

¹² Саверей Р. «Два охотника, убивающие кабана», Г-29885, ЦХ-1534-III. Ныне в собрании ГМЗ «Павловск».

Воспоминанием о путешествии под именем графа и графини Северных, когда великокняжеской чете был оказан радушный прием в Европе, служила картина кисти французского живописца Ж. Б. Ле Пана «Охота в Шантильи»¹³, подарок принца Конде, которая находилась в Туалетной Павла I¹⁴.

При Николае I никаких особых пополнений коллекции «охотничьей» живописи в Гатчинском дворце не было. Единственной картиной анималистического жанра можно считать полотно Гумберта «Три волка, напавшие на быка»¹⁵ из Приемной императрицы Александры Федоровны.

Комнаты Александра II с полным правом можно назвать охотничьими. Их украшали не только картины со сценами охот европейцев и изображениями любимых собак, Понча и Милорда, но и весьма характерные примеры анималистической пластики Франции второй половины XIX века. К сожалению, утраченным во время войны оказалось полотно Фриша, запечатлевшее охоту Александра II в Югенхайме¹⁶, которое находилось в Гостиной императора.

На акварели Э. Гау на стене Приемной Александра II хорошо виден большой конный портрет великого князя Владимира

¹³ Жан Батист Ле Пан (Jean-Baptiste Le Paon, 1738–1785) – французский художник.

¹⁴ См.: Пинэ Г. (G. Pinet) «Охота в Шантильи» // Старые годы. Июль – сентябрь. 1914. С.189–191; Catalog de tableaux. / Гафифуллин Р. Р. Подготовка и комментарии // Императорская Гатчина. Материалы научной конференции. СПб., 2003. С. 154.

¹⁵ Гумберт. «Три волка, напавшие на быка», Г-39124. Утрачена в период Великой Отечественной войны. Вероятно, это работа швейцарского анималиста Ш. Ж. Ф. Гумберта (Jean Charles Ferdinand Humbert, 1813–1881).

¹⁶ Фриш. «Охота Александра II в Югенхайме в 1873 г.», Г-23094. Утрачена в период Великой Отечественной войны. Вероятно, работа немецкого пейзажиста Генриха Людвиг Фриша (Heinrich Ludwig Frische, 1831–1901).

Александровича, одного из младших сыновей Александра II, на охоте, написанный Р. Ф. Френцем¹⁷ в 1870 году (илл. 2).

В 1877 году этот портрет великого князя Владимира был увезен в Париж для экспонирования в русском павильоне на Всемирной выставке¹⁸, и в Гатчинский дворец уже не вернулся. Дальнейшую судьбу картины установить трудно. Но в 1910 году на историко-художественной выставке в Царском Селе в одном из залов экспонировалось полотно, очень похожее на гатчинский портрет.

В собственной коллекции Александра III сюжеты охоты также были представлены достаточно широко. В личных комнатах царской семьи можно было полюбоваться небольшими по размеру, но живыми и очень точными изображениями борзых собак, видимо, из Егерской слободы, работы Ф. Френца¹⁹ (илл. 3).

Тут же были и полотна кисти А. Д. Кившенко²⁰, ученика И. Н. Крамского, близкого кругу передвижников, мастера анималистического жанра. Его картины император сам покупал на академических выставках, интересно, что работы этого художника украшали его комнаты в Спале²¹.

¹⁷ Френц Рудольф Фердинандович (Федорович) (1831–1919). Уроженец Берлина, с 1857 г. работал в России. С 1885 г. почетный член Академии художеств.

¹⁸ См.: Дело об отправке картины Френца «Великий князь Владимир Александрович на охоте с борзыми» на Всемирную выставку в Париж // РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1019. 1877 г. 31 л.

¹⁹ Френц Р. «Борзые собаки», ГДМ-518-III, находилась в Гостиной Марии Федоровны. Френц Р. «Две борзые собаки», Г-9263, находилась в Кабинете великого князя Георгия Александровича, утрачена в период Великой Отечественной войны.

²⁰ Кившенко Алексей Данилович (1851–1895). С 1884 г. академик.

²¹ См.: Каталог картин императора Александра III и Марии Федоровны в Гатчинском дворце / Гафифуллин Р. Р. Подготовка и комментарии // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. СПб., 2006. С. 196.

В Рабочей комнате находилась картина польского художника Иосифа Брандта «Охотники верхом»²². К парадным портретам можно было отнести работу ученика И. Брандта Хельминского²³ «Императрица Мария Федоровна на охоте с гончими», датированную 1888 годом. Скорее всего, сюжет был навеян вполне реальными событиями. Известно, что в 1888 году семья Александра III на осенний охотничий сезон выезжала в Спалу.

Таким образом, можно сказать, что в исторической коллекции Гатчинского дворца была вполне интересная подборка анималистической и охотничьей живописи XVII–XIX веков. Она включала как работы мастеров, сыгравших видную роль в истории русского искусства, так и художников более камерного дарования, например Р. Френца. Но, к сожалению, так сложилось, что многие картины были утрачены во время Великой Отечественной войны, многие оказались в собрании других музеев. Мы надеемся, что постепенно эти утраты будут восполняться.

²² Брандт Иосиф (Юзеф) (Józef Brandt, 1841–1915). «Охотники верхом», Г-3206, ГЭ – 9790. Ныне в Государственном Эрмитаже.

²³ Хельминский Ян (Jan Władysław Chelmiński, 1851–1925) – польско-американский художник, специализировавшийся на сценах охот, жанровых сценах и сценах из военного быта.

Н. А. Яковлев

ЕГЕРСКАЯ СЛОБОДА И ЕЕ СТРОИТЕЛЬ Г. Ф. ГРОСС

Вероятно, самой яркой жемчужиной среди памятников архитектуры города Гатчины¹ является Егерская слобода – ансамбль деревянных домов, построенных в его западной части – Мариенбурге – в начале царствования Александра II для императорской охоты. Архитектором слободы был Георг Федорович Гросс.

Родился он в Нюрнберге 11 января 1825 года (4 ноября 1824 года(?)). Можно предположить, что отцом его был каретный мастер, приехавший в Петербург между 1825 и 1836 годами². О ранних годах жизни Гросса сведения пока не найдены. Известно, что около 1847 года молодой человек поступил помощником к архитектору Р. И. Кузьмину на строительство Гатчинских дворца и собора. Опять же, допустимо предположить, что последний, занимавшийся незадолго до этого возведением дома для мебельного мастера В. Д. Штрома (Невский пр., 67) и приметивший талант у его сына³, приглашенного вследствие этого в помощники в ту же Гатчину, мог обратить внимание и на приятеля его Гросса (возможно, юноши учились в одной школе или общались, будучи выходцами из Германии).

Так или иначе, но Кузьмин был доволен своим протеже. В 1853 году он писал в рапорте министру Двора: «Состоящий

¹ Мы говорим здесь только о городе, не учитывая главные сокровища Гатчины – её дворец и парк.

² В Списке владельцев домов 1836 года впервые появляется упоминание каретного мастера Гросса, жившего на Кирочной улице. В Справочнике К. Нистрема 1844 года этот дом числится уже как его собственный.

³ И. В. Штром (1822–1887) – ученик Кузьмина, впоследствии известный архитектор втор. пол. XIX в.

при постройке Гатчинского дворца помощником при мне Свободный художник Гросс во все продолжение более бти летней службы поведения был отличного и, имея все нужные познания по архитектурской части, обязанности свои исполнял весьма хорошо и с особенным усердием и, по мнению моему, с пользою мог бы занимать обязанность архитектора»⁴.

Документов, в которых было бы досконально расписано, чем и в какой период занимался Гросс на этой грандиозной стройке, не сохранилось, за исключением одного. В конце 1851 года Р. И. Кузьмин докладывал о занятиях своих помощников: «Рисовальщик Гросс: занимается рисованием шаблонов для штукатурных, литейных и столярных работ, имеет наблюдение за правильным выполнением оных. Также занимается рисованием комнат в перспективе, с показанием, как будет размещена мебель, а также рисованием драпировок для окон и дверей»⁵.

Летом 1852 года Николай I, довольный долгожданным завершением гатчинских работ, наградил помощников главного архитектора, участвовавших в перестройке двух флигелей дворца, постройке террасы перед дворцом и в возведении собора, тремя тысячами рублей, в том числе художника Гросса его годовым окладом в 600 рублей⁶.

В эти же годы Гросс посещал Академию художеств, по-видимому, в качестве своекоштного (вольнопriходящего) ученика, т. е. покупая «билеты» на уроки в классах. 19 сентября 1853 года Совет Академии получил от профессора Кузьмина «Представление», в котором тот писал о работах находившегося при нем шесть лет Гросса, «оказавшего в вышеупомянутых занятиях большие успехи», и просил дозволения представить

⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 967. Л. 3–3 об.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 356. Д. 400. Л. 95.

⁶ Кузьмин предлагал возвести Гросса в 1-й классный чин, что было бы лучше для карьеры архитектора.

составленную Гроссом программу «воксала» на звание свободного художника.

Просьба Кузьмина была уважена, и 24 сентября Гросс «за сочиненный им проект “воксала в саду” и по удовлетворительным сведениям его в теории и практике строительного искусства, правильном составлении смет и в исправном рисовании фигур и орнаментов» был удостоен (5 ноября 1853 года утвержден) Академическим Советом звания неклассного художника⁷.

Графическое или фотоизображение архитектора не найдено. Но сохранилось описание его внешности, любопытное не тем, что дает возможность отчетливо вообразить его портрет, а наоборот, отсутствием какого-либо представления, как он выглядел, что, естественно, жаль. Оставим это «безликое» описание на совести полицейского чиновника, заполнявшего вид на жительство Г. Ф. Гросса в 1853 году: «роста среднего, волосы русые, глаза серые, подбородок круглый, нос, рот умеренные, особых примет нет»⁸.

Получивший хороший практический опыт в Гатчине и профессиональное признание от Академии (в дипломе значилось: «дозволяется производить строения и пользоваться преимуществами дарованною Академии привилегиею художникам предоставленным»), Гросс подал прошение о приеме на службу в Придворную контору на освободившуюся вакансию архитектора. Вероятно, и здесь это было сделано по совету и протекции Кузьмина, поднявшегося к тому времени до старшего архитектора ведомства. Не желая отказать в помощи своему ученику, Кузьмин в то же время не хотел терять толкового помощника

⁷ Т. е. без возведения в классный чин. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 118 «Г». Л. 31.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 118 «Г». Л. 2–3.

на продолжавшемся ремонте главного корпуса дворца в Гатчине. Он писал П. М. Волконскому: «зная Гросса с отличной стороны, я по способностям его желал бы преимущественно, чтобы он, буде возможно, оставался в моем ведение еще некоторое время до окончания Гатчинских работ»⁹.

И все же 15 марта 1854 года Гросс был принят на новое место. Так как по закону прием в гражданскую службу иностранцев был запрещен, то 4 марта 1854 года в Присутствии Управы благочиния «Гамбургский подданный Георг Теодор Людвиг Гросс» был приведен к присяге на подданство России. По заведенному порядку обширное дворцовое хозяйство Министерства двора было разделено для присмотра и ремонтов между архитекторами Придворной конторы. Гроссу (вместе с архитекторским помощником Тредером) были поручены «Елагиноостровский дворец с 24мя зданиями и оранжереями, Собственная дача на Каменном острове, Головина со всеми находящимися на оной строениями, Таврический дворец с домом садового мастера, оранжереями, дома: Придворного духовенства, бывший Конторский, Магази́нский, домик Петра I, Екатерингофский дворец»¹⁰. Любопытно, что Гросс, получавший в Гатчине 800 рублей серебром в год, переходя в Придворную контору, терял в жаловании, так как на новом месте ему полагалось всего 572 рубля. Видимо, соображения прочного устройства в жизни (а лучше места, чем в Министерстве Двора, было и не придумать) значили для него больше.

По неизвестной причине (может быть, по просьбе Кузьмина?) 15 октября 1854 года Гросс опять оказался на службе в Гатчине, но ненадолго. И уже до своей кончины в 1877 году он состоял в Придворной конторе. Здесь он, дослужившись до

⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 967. Л. 3–3 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. 15. Л. 10–10об.

8-го чина – коллежского асессора, долгие годы работал бок о бок со своим учителем – Кузьминым. Многие сохранившиеся в архивах сметы и чертежи по строительству и ремонтам домов Придворного ведомства подписаны ими обоими.

Из наиболее значительных работ архитектора следует назвать перестройку с изменением фасадов здания Придворного конюшенного ведомства в 1865 году, перестройку берейтерского манежа и берейтерских конюшен у Круглого рынка в 1869 году.

Как прочие, Г. Ф. Гросс брал частные заказы. Некоторые его работы известны. В 1864 году он занимался работами по доходному дому на Никольской ул. (Марата), 19 / Колокольной ул., 18. В 1869 – 1870 годах капитально перестроил особняк В. И. Асташева, сына камергера и владельца золотых приисков И. Д. Асташева, на Английской наб., 40¹¹. Если первый дом может служить примером рядовой и, можно обоснованно сказать, чересчур скромной застройки не самых парадных кварталов Петербурга сер. XIX века, то особняк на набережной выглядит вполне импозантно. Его фасад был решен в формах флорентийского Ренессанса. Вся плоскость фасада рустована – нижний этаж крупными блоками, верхние два – менее глубокой прорисовкой руста в штукатурке. Центральные три оси акцентированы ризалитом с протяженным балконом на втором этаже. Высокие оконные проемы бельэтажа с расположенными на этом уровне парадными помещениями имеют традиционную полуциркульную форму верхней части, проемы нижнего и третьего этажей скромнее – прямоугольные. Другим важным художественным акцентом, отсылающим к прототипам – знаменитым

¹¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / Справочник под ред. Б. М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1996. С. 113.

палаццо Флоренции, стал мощный венчающий карниз, опирающийся на машикули.

Наиболее вероятно, что перестройка особняка в весьма популярном в середине века стиле неоренессанс была волей заказчика. И все же Гросс не мог не знать об одном из первых зданий, возведенных его учителем Р. И. Кузьминым в 1840-е годы на Сергиевской ул., 30 – особняке Л. В. Кочубея. Роскошные фасады княжеского дома стали одним из лучших образцов этого направления в петербургской архитектуре и служили примером для многих. Мог ориентироваться на них и Гросс.

В 1869–1870 годах он капитально перестроил усадьбу и возвел новые хозяйственные постройки в усадьбе графа Н. С. Строганова в его имении Орлино Петербургской губернии¹². К сожалению, от этой его работы ничего не дошло до нашего времени.

Поводом к строительству Егерской слободы в Гатчине послужил рапорт егермейстера графа П. К. Ферзена о необходимости ремонтных работ в располагавшихся в Петергофе зданиях Придворной охоты, фазанного заведения, зверинца и ремиза. Их освидетельствование и составление сметы было поручено в середине июня 1856 года архитектору Гроссу. Через полгода, 25 января 1856 года, Ферзен отправил министру двора гр. В. Ф. Адлербергу рапорт, в котором писал: «Все строения Егерской Слободы находятся в таком состоянии разрушения, что все поправки и переделки Г. Архитектора Гросса не могут восстановить этих зданий на прочном основании <...> Принимая во внимание с одной стороны огромные суммы, употребленные до сего времени на поддержку Слободы без видимой пользы, а с другой стороны неоднократно словесно изъявленное желание

¹² Отчет Императорской Академии художеств со 2 ноября 1869 по 4 ноября 1870 года. СПб., 1871. С. 71.

в Бозе почивающим Императором Николаем Им перевести всю Придворную Охоту в Г. Гатчино и выстроить для нее здания на месте бывшего фарфорового завода, я долгом считаю представить все вышеизложенные соображения на благоусмотрение Вашего Сиятельства, не признаете ли справедливым довести все сие до Высочайшего Государя Императора сведения»¹³.

Уже 1 февраля Адлерберг ответил Ферзену, что «Государь Император, изъявив соизволение на перевод Придворной Охоты в Г. Гатчино <...> изволил предварительно представить [ему] планы, фасады и смету». В марте проектные работы были возложены на того же Гросса. В июле архитектор передал министру Двора предварительный проект (план местности и пояснительную записку). Фасады домов еще не были разработаны.

Согласно Гроссу комплекс построек Придворной охоты должен был выглядеть следующим образом. «Вдоль речки Колпанки [другой вариант топонима – Колпинка – *Н.Я.*] от самой дороги в Кипень противу ворот, ведущих с фермы, начинается слобода, состоящая из отдельных домиков на два семейства каждый с необходимою к оному пристройкою небольшого сарая с хлебом и огородом, простирающимся до речки. К слободе примыкают псарные дворы, расположенные на скате имеющегося на сем месте возвышения, на вершине которого предполагаются денники с навесами для борзых, гончих и духовых [пес особого характера и злобности, прежде всего, для медвежьей охоты – *Н.Я.*] собак. Дворы эти для пользы собак расположены по обе стороны протекающей там речки.

Напротив псарных дворов по другую сторону дороги помещены: <...> казарма для холостой прислуги с погребями и

¹³ Здесь и далее цитируются два дела: РГИА. Ф. 478. Оп. 1 (4/1003). Д. 34 и Ф. 472. Оп. 4. Д. 452.

отдельною каменною кухнею для приготовления корма собакам <...> конюшня на 40 верховых и 20ть упряжных лошадей. Три сарая для сена, для экипажей и для разных принадлежностей. Дом со службами Г. Управляющего Охотою. <...> Цейнгауз <...> дом Комиссара со службами. <...> По середине дороги, прорезывающей огород [бывший Кирасирского полка – *Н.Я.*] и ведущей в щенячье заведение, расположенное в лесу, помещена каменная кузница».

Щенячье заведение, находившееся ранее в Орловой Роще, переводилось в Мариенбург. Здесь же устраивались лазарет для больных собак и пороховой погреб. Пространство в одну кв. версту обращалось в заячий ремиз с необходимыми для охоты просеками. В ремизе «на исходной точке противу центра слободы находится Охотничий дом для приезда Государя Императора. По дороге от сего дома к службам охоты помещен в том же лесу зверинец с отделениями лисиц, волков и медведей». От императорского дома предполагалось пробить три просеки: к Колпанской церкви и к деревням – Большим и Малым Парицам.

Для строительства на выбранной территории в 214 кв. десятин Министерство двора приобрело земли у частных владельцев: наследников Курочкина, поручика Михайлова, крестьянина Бельдюгина и перевело из военного ведомства в Императорскую охоту огороды Кирасирского полка. Часть земли была передана в Охоту Гатчинским дворцовым правлением.

Уже в самом начале проектирования из-за значительной сметы (336 521 рубль) проект подвергся корректировке. Граф Ферзен считал излишними отдельные два дома для биксеншпаннера (ответственного за оружие на охоте) и стремянного (заведовавшего лошадьми, подававшего царю стремя), предложив один дом для обоих, и Охотничий дом для императора (учитывая

близость дворца), считал нелишним уменьшить количество шоссейных дорог и дорожек в ремизе. Он указал сделать только одну шоссейную дорогу вдоль охотничьих домиков, а вместо каменной ограды вокруг ремиза, щенячьего заведения и лазарета устроить деревянную, а также отказаться от дома сторожа при въезде. Все это должно было уменьшить смету на 115 тысяч. Любопытно, что сторожка со стороны ремиза все же была построена, мало того, она сохранилась до наших дней в отличие от большинства хозяйственных строений слободы. А на месте, предназначенном Гроссом для дома государя, чудесным образом появился дом егермейстера, ратовавшего за лишение императора собственного помещения на охоте.

1 августа 1856 года Александр II одобрил предварительно генеральный план строений охоты и «Высочайше» повелел представить подробные планы и фасады. В октябре управляющий Гатчинским дворцовым правлением Ф. И. Люце поторопил Гросса с доставкой планов, так как приближались торги на сдачу в арендное содержание свободной от наделов крестьян земли. Архитектор ответил, что планы еще не утверждены императором. И наконец, 24 декабря Гросс представил планы, фасады, сметы. Проект был утвержден 27 декабря. Император согласился с предложением изменить место щенячьего заведения позади конюшен на более отделенное – за речку Колпанку по дороге, ведущей в деревню Парицы. Кроме того, он предписал растянуть очень высокую сумму по сметам на пять лет.

В 1857 году предполагалось планирование местности, возведение каменного моста через реку Колпанку для проезда к службам, постройка конюшен, казармы холостой прислуги со службами, псарных дворов с палисадами, кухней, бойней и сараем для сушки мяса, кузницу, двух цейхгаузов и двух сараев для сена и соломы.

В 1858 году предполагалось построить 12 домов для женатых егерей, стремянных, доезжачих (старший псарь, распоряжающийся гончими и борзыми на охоте), выжлятников (псовый охотник, приставленный к гончим), тенетчиков (охотники при облаве с сетью), вабельщиков (участник волчьей охоты), службы при доме биксеншпаннера и стремянного.

В 1859 году планировались: чистая отделка всех строений, постройка оставшихся шести домов для женатых егерей со службами, бани с прачечной, двух сараев для экипажей и припасов, водокачальной с водопроводом.

В 1860 году было предположено построить канцелярию и школу, провести дороги и шоссе вдоль слободы с каменными трубами, возвести дома унтер-егермейстера и управляющего Императорской охотой со службами. По хозяйству сделать пороховой погреб, устроить зверинцы для волков и лисиц с заборами вокруг их, большой деревянный мост, три малых мостика, пробить просеки, при лазарете больных собак сделать денники (индивидуальные помещения для животных) с жилым помещением, с погребом, кладовой и деревянным мостом, а при щенячем заведении построить флигель для прислуги и денник.

В 1861 году в числе завершающих работ числились: постройка сарая для пожарных инструментов, навеса для дров годового запаса, служб и заборов при лазарете для больных собак, служб, бойни, заборов и палисадов при щенячем заведении, устройство живых изгородей и палисадов между домами вдоль слободы, изгороди вокруг ремиза, шоссе и сборных площадок в ремизе, чистая отделка всех строений.

Работы начались 1 мая 1857 года. Завершить их удалось в три года. Подрядчиком стал почетный гражданин Тарасов (в результате сокращения сметы и после торгов сумма подряда

снизилась до 264 тыс. рублей). Большое внимание архитектор уделил подаче хорошо очищенной воды к жилым домам, на псарню и в конюшни. Для этого он предложил провести водопровод под землей в чугунных трубах с отводом чистой воды в краны – в свинцовых.

Любопытно, что в привычную связку подрядчика с известными ему поставщиками сантехнического оборудования решил вклиниться американский консул в Москве г-н Клакстон, который предложил устроить водопровод по системе США – главные трубы для чистой воды делать коваными из котельного железа с покрытием внутри и снаружи цементом, что должно было предохранить их от порчи и способствовать лучшему очищению воды. В октябре 1857 года консулу удалось получить разрешение на работы от императора. Кончилось это начинание для американца плачевно – заводчики развернули активную кампанию против его идеи, впрочем, вполне обоснованную, т. к. новая технология предполагала ряд сложностей, которые делали ее невыгодной для казны.

В ходе строительства Гросс вникал в самые разные стороны будущей жизни егерей. Так, заботясь об их бытовых удобствах, архитектор предложил в жилых домах вместо нар поставить железные кровати с «приличными тюфяками, подушками, одеялами и особыми шкафами для склада имущества каждого егеря отдельно <...> устроить водопровод с умывальниками в спальнях <...> особую столовую». Гросс занимался каждой мелочью вплоть до подсчета количества жира («олеина»), потребного для фонарей, освещающих конюшни, устроенных вместо более пожароопасных фонарей со спиртовыми лампами. В другой раз его отвлекли сообщением, что в Зверинце, там где помещаются волки, изгрызены подпоры, которые срочно следует обить листовым железом.

В конце 1858 года он параллельно со строительными работами занимался обустройством заячьего ремиза – расчисткой полян для посевов ржи, овса, клевера и капусты для корма птиц и зайцев. 6 ноября 1858 года в Егермейстерскую контору были приняты на основании описей архитектора первые постройки: семнадцать домов егерей со службами, псарные дворы, конюшня, псарная кухня, два цейхгауза, четыре сарая, водокачальня и казармы холостых егерей.

По мере роста комплекса построек Егерской слободы в их расположение, назначение и состав вносились коррективы. Так, в октябре 1858 года Гроссу потребовалось построить дополнительно: две избы, особое отделение для больных лошадей, ограду для выгона лошадей, устройство ремизов для волков и лисиц, помещение для выкармливания подорожников (птицы) и «сохранения» куропаток зимою и др.

Учитывая плохую сохранность детальной строительной документации и отсутствие большей части графической части проекта, восстановить досконально все работы Гросса по слободе достаточно затруднительно.

В северо-восточной части слободы в направлении от Красных ворот Зверинца к мосту через реку Колпанку протянулась мощеная булыжником главная улица слободы. Здесь были построены двадцать деревянных домов (по проекту Гросса планировалось двадцать два): в центре – канцелярия Императорской охоты, слева от нее – девять домов семейных егерей, справа – девять таких же и крайний справа – дом холостых егерей¹⁴. Последний был построен в два этажа. Все дома строились из отесанных бревен на высоком цоколе из плотно пригнанных

¹⁴ Имеются разночтения в некоторых источниках: канцелярия – «дом егерских вдов» (что маловероятно), крайний справа (совр. № 1) – «дом старшего егеря».

друг к другу плит местного известняка и обшивались доской, крашенной охрой. Крыши были покрыты дранкой, окрашенной в зеленый цвет. Декоративные детали из пропильного дерева были белого цвета. Дома семейных егерей – избы-пятистенки с двумя крыльцами по бокам – делились внутренними перегородками на два или четыре помещения¹⁵.

Внешнее оформление домов было решено с активным использованием мотивов русского деревянного зодчества – большим выносом крыш на ажурных кронштейнах, резными подзорами, причелинами, полотенцами, нарядными наличниками окон и прочим. Русский стиль, давно уже вошедший в строительную практику самых разных типов зданий – от часовен и внушительных городских соборов до вокзалов, зданий городского управления и тем более загородных особняков и дач, – явно импонировал царской семье и лично императору Александру II и поэтому был выбран Гроссом для Егерской слободы не случайно. Он как нельзя лучше соответствовал назначению Императорской охоты – наследовавшей забавы московских царей.

В 1885–1889 годах к югу и по оси здания слободской канцелярии была построена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Ее проект был составлен архитектором Д. И. Гриммом, подготовку детальных чертежей и руководство строительством взял на себя А. И. Стефаниц. Возведенная в формах так называемого романовского направления русского стиля, которое ориентировалось на образцы московско-ярославского

¹⁵ Многочисленные подробности устройства слободы и жизни в ней можно почерпнуть из: Гельт Б. Императорский зверинец в Гатчине // Журнал Министерства государственных имуществ. 1860. Т. 4. № 8; Сковпнев С. Егерская слобода // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 3; Баркова Н. Егерская слобода. Гатчина, 1994; Сковпнев С. Егерская слобода. Гатчина, 2008.

зодчества XVII века, обильно декорированная древнерусским каменным узорочьем, церковь удачно «перекликалась» с деревянными домиками егерей, построенными Гроссом близко к тому же стилю.

На сегодняшний день из всех строений Егерской слободы, которых насчитывалось более шестидесяти, сохранились девятнадцать деревянных домов, сторожка, мост через реку Колпанку и фрагменты хозяйственного двора. Дома егерей являются объектом культурного наследия регионального значения и используются как жилые. Все дома с № 1 по № 39 [№ 21 – пропуск] составляют застройку северной нечетной стороны ул. Комсомольцев Подпольщиков. Дом № 19 после пожара – нежилой, полностью сгорела стропильная конструкция с крышей. Имеются большие повреждения верхних венцов сруба (часть сгорела), внутренних стен. У остальных домов степень сохранности стен, обшивки с декоративными элементами, кровли, крылец и интерьера разная. Наибольшие утраты в пропильной резьбе. Почти все дома несут на фасадах следы дореволюционной окраски. Службы (одноэтажные постройки под двускатной кровлей на кирпичных столбах с бревенчатым заполнением) при некоторых домах не сохранились, часть значительно перестроена. Сторожка (караулка) по адресу: ул. Северная, 37 – используется под жилье. Каменный мост через Колпанку недавно был отреставрирован. Оба этих сооружения предложены к постановке на учет в областные органы охраны памятников. Хозяйственные постройки (щелячье заведение, собачий двор, конюшни и др.) на правом берегу реки Колпанки занимает воинская часть. Осмотр и обследование их затруднены. Покровская церковь сохранилась до наших дней практически без утрат, является действующим приходским храмом.

Еще до завершения устройства слободы страстный охотник Александр II, видимо, довольный ходом работ, продуманностью всего хозяйства и внешним видом домиков, «за отличное усердие, оказанное по возведению Императорской Охоты <...> изволил пожаловать архитектора Титулярного Советника Гросса кавалером Ордена Святого Станислава 3 ст.»¹⁶. Указ был подписан 29 октября 1858 года.

На полгода раньше Гроссу удалось извлечь из этой работы другую весьма существенную для своего карьерного роста пользу. В марте он написал прошение на имя ректора Академии художеств по архитектуре К. А. Тона о том, что в 1856 году по императорскому повелению ему было поручено составить проект построек Императорской охоты. Проект был «Высочайше» утвержден, и с 1857 года он приступил к работам. Находясь постоянно в службе по Придворной конторе в разъездах в Петербурге и в Гатчине, у него не было времени на выполнение программы на звание академика. Поэтому он попросил Тона исходатайствовать у Совета Академии это звание за проект Егерской слободы.

Следует заметить, что Совет шел на подобные вещи неохотно. И тем не менее 30 апреля 1858 года Гросс получил желанный диплом, в котором значилось, что «Академия художеств за искусства и познания в Архитектурном художестве признает и почитает художника Егора Гросса своим Академиком»¹⁷. Вполне возможно, что и в этом деле свою роль сыграл Кузьмин, бывший в свое время одним из любимых учеников К. А. Тона.

7 января 1877 года Гросс скончался. Погребен он был на Волковом лютеранском кладбище. Согласно данным

¹⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 2135. Л. 1.

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 117 «Г». Л. 6 об. – 7.

«Петербургского некрополя», в этой же могиле были похоронены его супруга – О. Р. Гросс (урожд. Гейн, умерла 20 января 1894) и Петр Гросс (род. в 1835, умер 14 мая 1880), скорее всего, брат¹⁸.

¹⁸ Великий Князь Николай Михайлович. Петербургский некрополь. Т. 1 (А–Г) СПб., 1912. С. 691.

Содержание

В. Е. Андреев. Охота в декоративном убранстве Мраморного дворца и в жизни его обитателей	3
В. Ф. Байрамова, А. Г. Куприянова. «Охотничья столица» Орловской губернии	20
В. М. Белковская. Памятник удачного выстрела, или храм признательности	35
А. А. Дмитриенко. Почему Временное правительство не смогло решить вопрос об управлении Зверинцем в 1917 году.	42
В. И. Егоров. Охота в Ораниенбауме при дворе великого князя Петра Федоровича (по книгам Домовых контор конца 1740-х – начала 1760-х годов)	47
Е. И. Жерихина. Охота в жизни двадцатилетнего великого князя Николая Николаевича	71
И. В. Зимин. Структура Императорской охоты, штаты, ведомственная подчиненность и финансирование (XVIII – начало XX в.)	84
Т. Д. Исмагулова. Последняя охота последнего правителя России Керенского, или охота на Керенского. Гатчина, 1917 год.	106
Н. В. Кольшницына. Лисинская лесная дача как место проведения императорских охот и подготовки специалистов по охотничьему хозяйству	124
Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова. Как повлияли увлечения и яркие события в жизни императора Александра III и великого князя Владимира Александровича на формирование их живописных коллекций	142
М. А. Павлова, Е. А. Бортникова. «Королевская охота» в Ораниенбауме (новое из истории дворца Петра III)	159
Т. Ф. Паршкова. Дворцовая ферма в составе императорской охоты	179
Е. А. Родионов. Мифологические охотничьи сюжеты в декоре оружия из собрания Гатчинского дворца-музея	201
И. Э. Рыженко. Охотничьи трофеи царской семьи и другие изделия таксидермии в интерьерах Гатчинского дворца	211
М. Слоневски. «Высочайшая» охота последних Романовых в Королевстве Польском.	231
Ю. В. Стариков. Реставрация охотничьих трофеев из Гатчинского дворца	247
И. В. Фадеев, Д. Ю. Милосердов, Ю. В. Стариков. Трофеи императорской охоты. Новые находки в Государственном Дарвиновском музее	262
С. В. Фоменко. Из истории Императорской Охоты в Гатчине	270
С. С. Фомина. Охотничий сервис в собрании Гатчинского дворца	281
И. А. Хухка. Художники птиц: Джон Одюбон и Луи Фуертес. Иллюстрации к книге «Wright M.O. Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds»	294
А. Э. Шукурова. Охотничьи и анималистические сюжеты в исторической коллекции живописи Гатчинского дворца	305
Н. А. Яковлев. Егерская слобода и ее строитель Г. Ф. Гросс	312

ЦАРСКИЕ ОХОТЫ И ПОТЕХИ

*Материалы научно-практической конференции
23–24 ноября 2017*

Подписано в печать 09.11.2017.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 14,53. Усл.-печ. л. 17,72. Заказ № 2278. Тираж 300.

Отпечатано в типографии ООО «Принт-2»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

В. Е. Андреев

Охота в декоративном убранстве Мраморного дворца и в жизни его обитателей

1. Вечер (Диана). Мрамор. Ф. И. Шубин.
1779. Фото Ю. В. Трубинова

2. Свадьба Купидона и Психеи (фрагмент). С. Торелли.
Вторая половина 1770-х. Фото Ю. В. Трубинова

3. Парадная столовая. Начало XX века. ИИМК РАН

5. Парадная столовая.
Фрагмент декоративного убранства.
Фото Ю. В. Трубинова

4. Парадная столовая. Современный вид.
Фото Ю. В. Трубинова

6. Великий князь
Константин Николаевич на зимней охоте. До 1861

В. Ф. Байрамова, А. Г. Куприянова
«Охотничья столица» Орловской губернии

1. Вид на дом из Федосинской беседки

2. Вид на Еловый холм

3. Вид правой стороны Византийской беседки

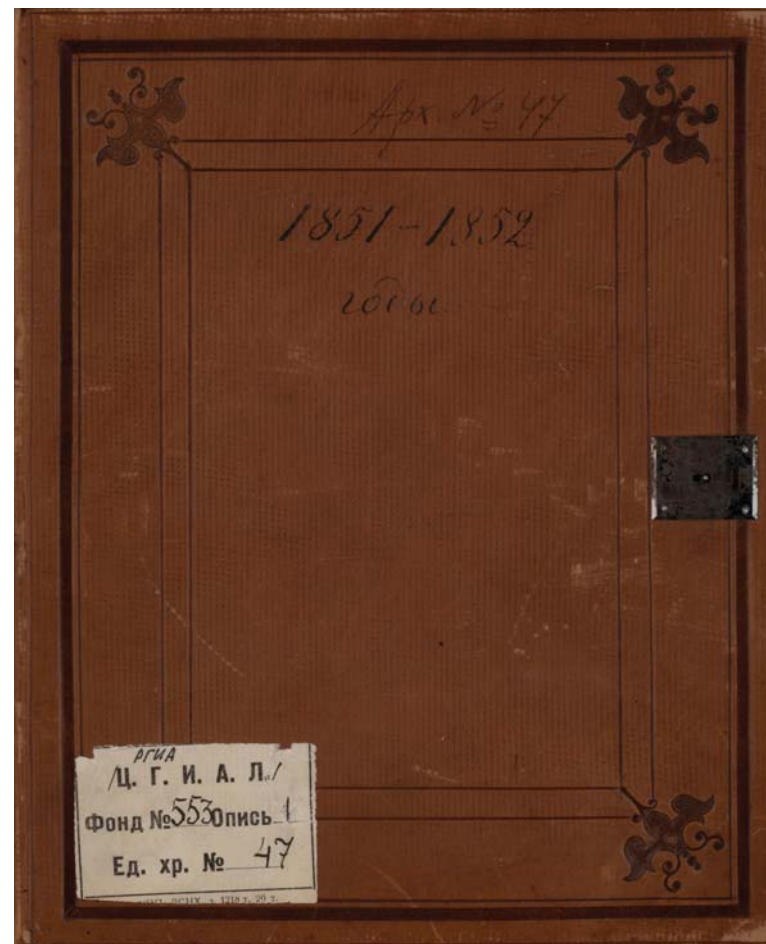

4. Вид на Швейцарскую беседку. Вид на Кьеск-Синоп

5. Вид из Кьеск-Синопа

Е. И. Жерихина
Охота в жизни двадцатилетнего великого князя
Николая Николаевича

1. Обложка дневника великого князя Николая Николаевича.
РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47

6. Вид с грота на амфитеатр. Вид из амфитеатра на грот

Т. Д. Исмагулова

Последняя охота последнего правителя России Керенского,
или охота на Керенского. Гатчина, 1917 год

1. А. Ф. Керенский. 1917

2. Граф Валентин Платонович
Зубов. 1905. Фото из
студенческого дела

3. Граф Валентин
Платонович Зубов. 1912

4. Борис Ипполитович Книрша.
1903. Фото из студенческого дела.
Публикуется впервые

5. Борис Ипполитович Книрша.
1908. Фото из студенческого дела.
Публикуется впервые

Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова

Как повлияли увлечения и яркие события в жизни императора Александра III и великого князя Владимира Александровича на формирование их живописных коллекций

1. Преподаватели великих князей Александра и Владимира (стоят, слева направо): Гогель Г. Ф., Казнаков Г. Н.; сидит Зиновьев Н. В.

2. Главная квартира командующего Руцукским отрядом в Брестовце.
В. Д. Поленов. 1877

3. Рисунок с изображением сцен охоты 27 сентября 1890
Скерневицы. М. Зичи

Император Александр III (2 справа в среднем ряду) и его окружение на охоте, последняя приспешенная фотография.

4. Группа участников охоты в Спале, 1894 год. Сидят в первом ряду, слева направо: вел. кн. Георгий Александрович, цесаревич Николай Александрович, королевич Греческий Николай, вел. княжна Ольга Александровна, вел. кн. Михаил Александрович; сидят во втором ряду, слева направо: вел. княгиня Мария Павловна (?), вел. кн. Владимир Александрович, императрица Мария Федоровна, император Александр III, (?). Стоят в третьем ряду, слева направо: вел. кн. Николай Николаевич м.л., 5-й – граф И. И. Воронцов-Дашков, князь В. А. Барятинский (с бородой), княгиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова, 5-й справа – генерал П. А. Черевин (?), 4-й справа – барон В. Б. Фредерикс

5. Елизавета с матерью принцессой Викторией Мелитой. 1898

6. Принцесса Гессен-Дармштадтская Елизавета (1895-1903)

7. Малиновая гостиная Дома ученых РАН. На стене картина И.-А. Швабе «Охота в присутствии Вел. князя Владимира Александровича». Фото В. Г. Черненко

8. Отчет Императорской охоты (с подписью Д. Б. Голицына). 1896. Р. Френц

М. А. Павлова, Е. А. Бортникова
«Королевская охота» в Ораниенбауме
(новое из истории дворца Петра III)

1. Дворец Петра III в Ораниенбауме. Кабинет. Общий вид.
Фотография. 1920–1930-е. Архив ГМЗ «Петергоф»

2. Г. В. Шмидт. Охота на оленя. 1884. ГМЗ «Петергоф».
Инв. № ОДМП 264-ж. Панно в процессе реставрации.
Фотография С. В. Сирро. 2017

3. Дворец Петра III в Ораниенбауме. Кабинет.
Десюдепорт и панно работы Г. В. Шмидта. Фотофиксация.
1948. Архив ГМЗ «Петергоф»

4. Дворец Петра III в Ораниенбауме. Кабинет.
Живописное панно работы Г. В. Шмидта на северной стене.
Фотофиксация. 1948. Архив ГМЗ «Петергоф»

PORTEFEUILLE DE LA REVUE DES ARTS DÉCORATIFS

Les Tapestries Honoraires de l'Ordre de Saint-Louis, par M. de La Harpe.

1807. A. Quantin.

LES CHASSES DE LOUIS XV

LE LIMIER

MANUFACTURE DES Gobelins. — XVIIIe SIÈCLE. — D'APRÈS J.-B. OUDRY

5. Шпалера из серии «Охота Людовика XV».

Королевская мануфактура Гобеленов, мастерская Одрана по картону Ж.-Б. Удри. 1740–1742. Иллюстрация из журнала: *Revue des arts décoratifs*. Vol. 2 / Imp. A. Quantin. Paris, 1881

Е. А. Родионов

Мифологические охотничьи сюжеты в декоре оружия
из собрания Гатчинского дворца-музея

1. Замочная личинка кремневого штуцера, ГДМ-935-IX.
Богемия, Прага, 1720–1730-е

2. Замочная доска колесного штуцера, ГДМ-575-IX.
Германия (?), около 1700

3. Замочная доска колесного штуцера, ГДМ-968-IX.
Богемия, Эгер, мастер Иоганн Георг Трибель, 1720–1740-е

5. Замочная доска колесного штуцера, ГДМ-978-IX.
Польша, Варшава, мастер Давид Пешка, 1760

4. Замочная доска колесного штуцера, ГДМ-869-IX.
Польша, Варшава, мастер Давид Пешка, 1760

6. Костяная вставка на щеке приклада колесного штуцера
ГДМ-425-IX. Германия, 2-я четверть XVIII века

И. Э. Рыженко

Охотничьи трофеи царской семьи и другие изделия
таксидермии в интерьерах Гатчинского дворца

1. Гостиная императора Александра II в Гатчинском дворце.
Э. П. Гау. 1874. ГМЗ «Гатчина»

2. Арсенальный зал Гатчинского дворца.
Э. П. Гау. 1876. ГМЗ «Гатчина»

3. Приемная императора Александра II в Гатчинском дворце.
Фото А. М. Величко. 1930-е

4. Арсенальный зал Гатчинского дворца. 1930-е

5. Арсенальный зал Гатчинского дворца. Фото А. М. Величко. 1930-е

6. Арсенальный зал Гатчинского дворца. Фото А. М. Величко. 1930-е

7. Чучело козы в Арсенальном зале Гатчинского дворца. Фрагмент фотографии. Фото А. М. Величко. 1930-е

8. Чучело двуглавого орла в Арсенальном зале Гатчинского дворца. Фрагмент фотографии. Фото А. М. Величко. 1930-е

9. Чучела птиц в классной комнате великих князей Николая и Георгия Александровичей в Гатчинском дворце. Фрагмент фотографии. Фото А. М. Величко. 1930-е

М. Слоневски «Высочайшая» охота последних Романовых в Королевстве Польском

1. Дворец в Скерневицах. 1892

2. Завтрак Александра III во время охоты в спальских лесах. 1892

3. Штрека перед охотничьим дворцом в Спале. 1892

4. Николай II на поляне перед охотничьим дворцом в Спале. 1912

5. Рога оленя, застреленного Николаем II в 1903 году в Спальских лесах

6. План охот в лесничестве Любохня. 1908

И. В. Фадеев, Д. Ю. Милосердов, Ю. В. Стариков
Трофеи императорской охоты.
Новые находки в Государственном Дарвиновском музее

1. Рога оленя (ОФ ГДМ 10710), ошибочно атрибутированный трофей императорской охоты. 2017

2. Рога оленя – трофей, добытый 7 сентября 1903 года, предмет спора князя Кочубея и великого князя Николая Николаевича (илл. из книги: Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Царские охоты в Беловежской пушче. Страницы истории. Минск: Беларусь, 2009)

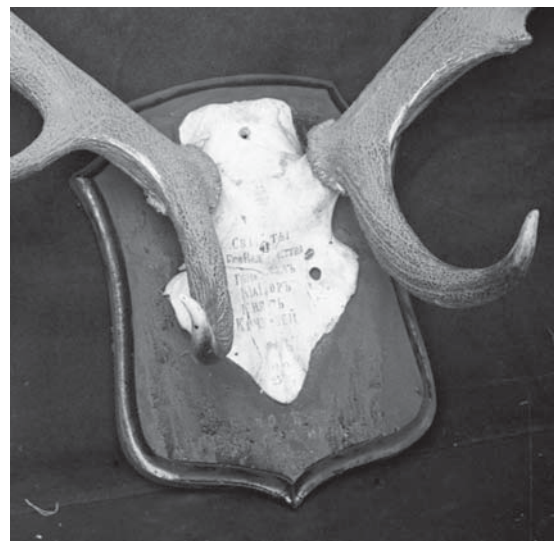
3. Заведующий охотой в Беловежской пуше И. В. Неврли указывает на оленя с рогами в 28 концов. 1903
(илл. из книги: Пармузина И. С., Черкас Н. Д. Указ. соч.)

4. Хранение рогов в старом здании Дарвиновского музея.
1970–1990-е годы

5. Рога оленя (ОФ ГДМ 10710)
в первоначальном виде.
Отпечаток со стеклянного
негатива 1920-х годов

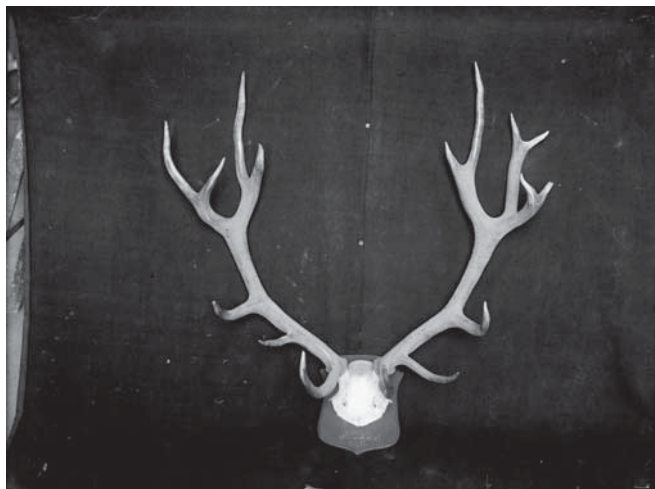

6. Увеличенный
фрагмент предыдущей
фотографии

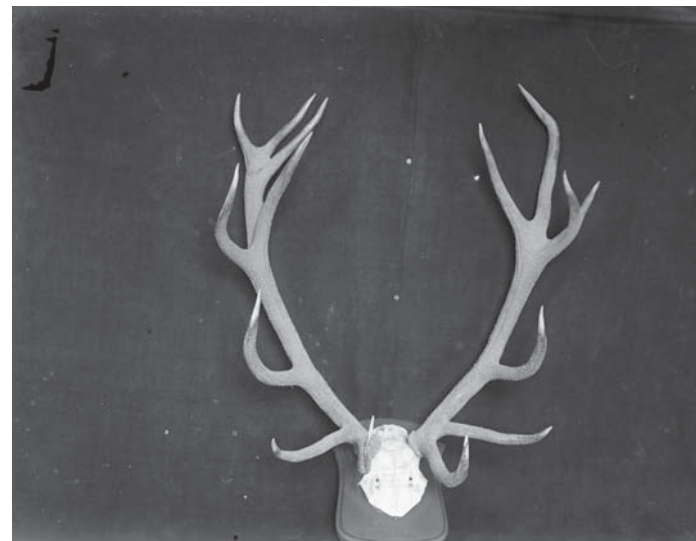

7. Неопознанные рога-трофеи императорской охоты. Отпечаток со стеклянного негатива 1920-х годов. Номер негатива: НГ 915

8. Неопознанные рога-трофеи императорской охоты. Отпечаток со стеклянного негатива 1920-х годов. Номер негатива: НГ 1106

9. Неопознанные рога-трофеи императорской охоты. Отпечаток со стеклянного негатива 1920-х годов. Номер негатива: НГ 2075

10. Неопознанные рога-трофеи императорской охоты. Отпечаток со стеклянного негатива 1920-х годов. Номер негатива: НГ 2079

С. С. Фомина

Охотничий сервиз в собрании Гатчинского дворца

1. Предметы из Охотничьего сервиза.
Россия, СПб., ИФЗ,
вторая половина XVIII – XIX века

2. Предметы из Охотничьего сервиза. Россия, СПб.,
ИФЗ, вторая половина XVIII – XIX века

3. Предметы из Охотничьего сервиза. Россия, СПб.,
ИФЗ, вторая половина
XVIII – XIX в.

4. Части настольного украшения Охотничьего сервиза. Саксония,
Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура, 1766–1768

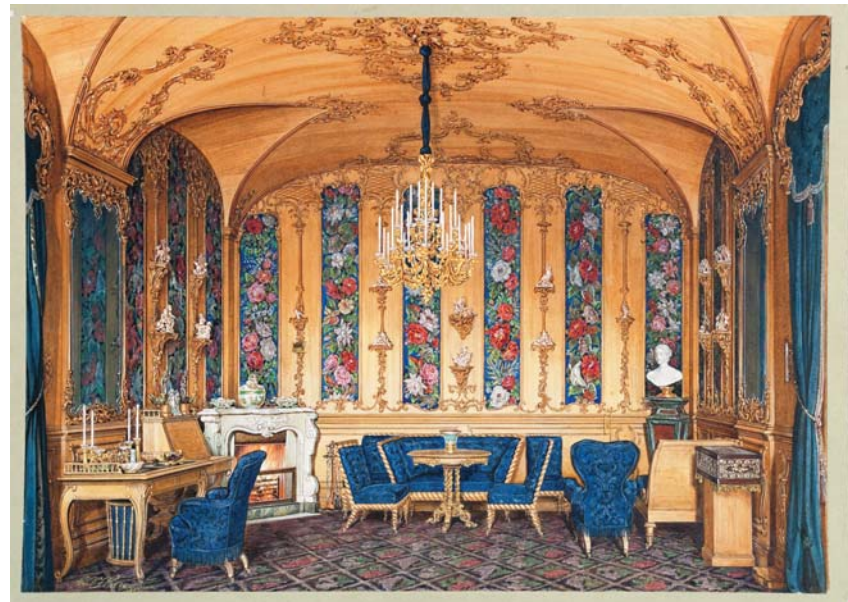

5. Мороженица из Охотничьего сервиза. Саксония, Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура, 1766–1768

6. Мороженица из Охотничьего сервиза. Саксония, Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура, 1766–1768

7. Чаша для пунша из Охотничьего сервиза. Саксония, Мейсенская Королевская фарфоровая мануфактура, 1766–1768

8. Дубовый кабинет императрицы Александры Федоровны.
Э. П. Гау. 1877

И. А. Хухка

Художники птиц: Джон Одюбон и Луи Фуертес.

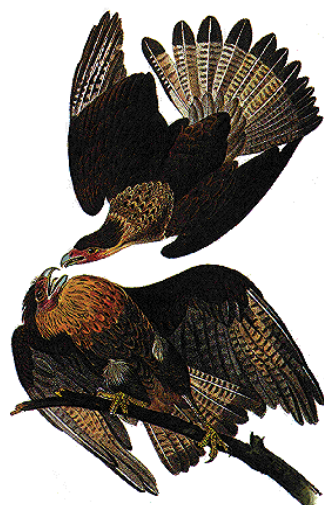
Иллюстрации к книге «Wright M.O.
Birdcraft: a field book of two hundred
song, game and water birds»

1. Иллюстрация Дж. Одюбона «Лебедь-трубач» из книги «Птицы Америки». <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:John-James-Audubon-001.jpg>

2. Иллюстрация Дж. Одюбона «Каролинский попугай» из книги «Птицы Америки». <http://www.henglizhen.com/wp-content/uploads/2016/11/carolina-parakeet-8.jpg>

The Caracara Eagle

3. Иллюстрация Дж. Одюбона «Каракара» из книги «Птицы Америки». https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Caracara_cherivay_by_Audubon.jpg

Wood Thrush

4. Иллюстрация Дж. Одюбона «Лесной дрозд» из книги «Птицы Америки». <http://www.apus.ru/site.xp/049052053055048.html#im.xp/056049052051053048052054124053048048124052048048.jpg>

6. Иллюстрация Луи Фуертеса «Бурый короткоклювый дрозд» ко 2-му изданию «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds» https://archive.org/stream/birdcraftfieldbo00wrig_0#page/n9/mode/2up

5. Иллюстрация Луи Фуертеса «Белая сова» ко 2-му изданию «Birdcraft: a field book of two hundred song, game and water birds» https://archive.org/stream/birdcraftfieldbo00wrig_0#page/n9/mode/2up

7. Акварель вел. кн. Ольги Александровны «Лебедь». 1920-е. (Из книги: Воррес Я. Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М., 2004)

А. Э. Шукурова

Охотничьи и анималистические сюжеты
в исторической коллекции живописи Гатчинского дворца

1. Зелёная комната 3 этажа Центрального корпуса.
Фотограф М. А. Величко. 1939–1940-е

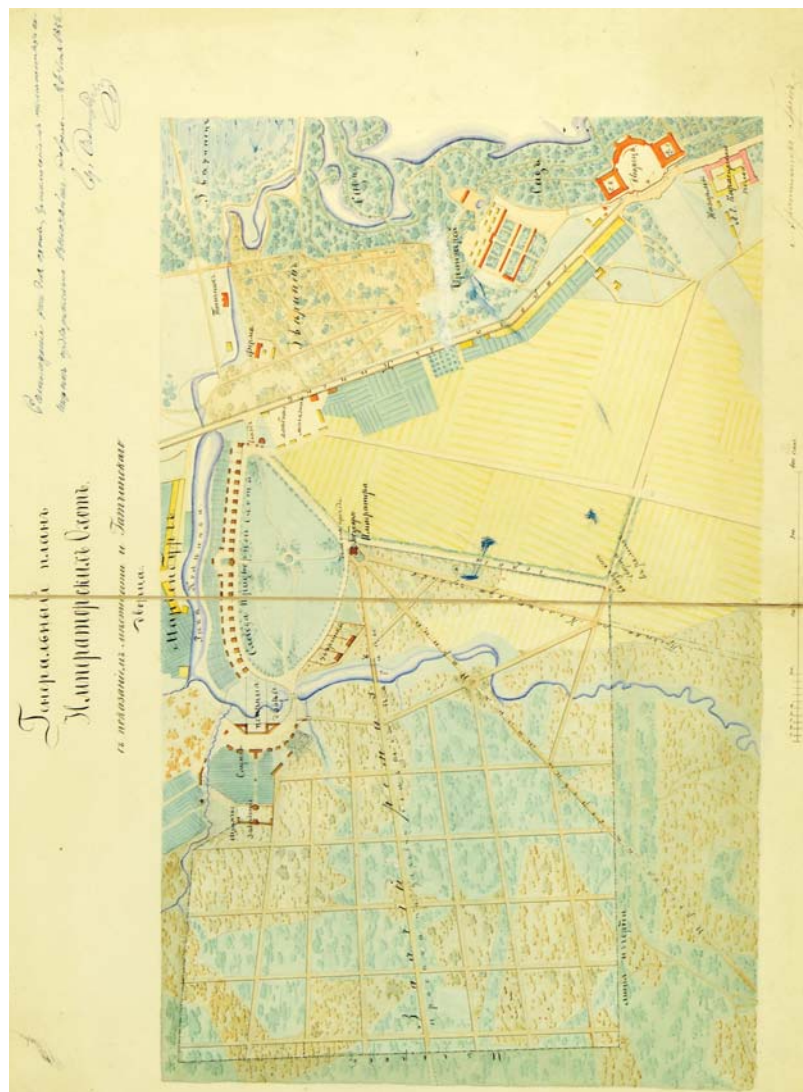

2. Гау Э. П. Приемная
Александра II
в Гатчинском дворце.
1870-е. ГМЗ «Гатчина»

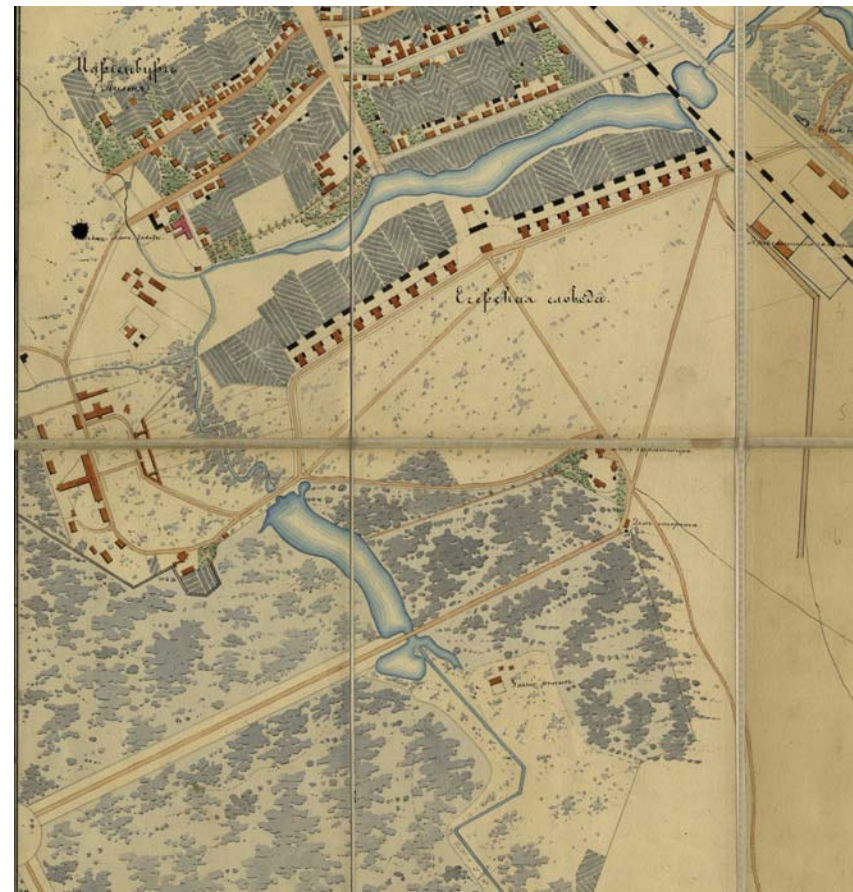

3. Френц Р. Ф.
Две борзые собаки.
Фотограф М. А. Величко.
1939–1940-е.
НВА ГМЗ «Гатчина»

Н. А. Яковлев
Егерская слобода и ее строитель Г. Ф. Гросс

1. Высочайше утвержденный план Егерской слободы.
Гросс Г. Ф. 1856. ГМЗ «Гатчина», ГДМ-39-ХП

2. Егерская слобода. Фрагмент плана Гатчины.
1870-е. ГМЗ «Гатчина», ГДМ-65-ХП

3. Егерская слобода. Дом женатых егерей, лицевой фасад.
Гросс Г. Ф. 1857. Съемка 2016

4. Егерская слобода. Дом холостых егерей,
лицевой фасад. Гросс Г. Ф. 1857. Съемка 2016